

Александр Монсеевич
ЮРНОВСКИЙ

Кн 69
142

Кн 69
142 ОБЗОРЪ

РУССКИХЪ СТЕНОГРАФИЧЕСКИХЪ СИСТЕМЪ.

ОПЫТЫ, ПРАКТИКА И ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ СТЕНОГРАФИИ.

ОСТАВЛЯЕТЪ

Н. А. ЕРШОВЪ.

Съ 14 таблъжками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание редакции журнала „Педагогический Музей“.
1880.

К 69
142

96

ОБЗОРЪ

РУССКИХЪ СТЕНОГРАФИЧЕСКИХЪ

653
E. 80

СИСТЕМЪ.

Часть 1

(ИСТОРИЯ, КРЕДИТ, И ЛИТЕРАТУРА РУССКОЙ СТЕНОГРАФИИ).

Санкт-Петербургъ

6 12902

СОСТАВЛЕНО

Н. А. ЕРШОВЪ.

Съ 14 таблами.

1258-85

Библиотека Читальни
имени Я. М. СВЕРДЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание редакции журнала „Педагогический Музей“.
1880.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Предисловие	3
Введение	4—19
Значение стенографии. Условия идеальной стенографической системы 5—11. Сравнение стено-графических систем 11—13. Возможность замены стено-графий обыкновенным письмом 13. Возможность юридического письма и применение стено-графии при опро-графии 13—17. Планетарные способы въ стено-графии 17—19.	
Краткий исторический очерк русской стено-графии	19—47
Прекириковская школа, Начало русской стено-графии 20—21. Олигравя Годруа 21—25. Граскорюк Сир. Король 25—29. Последующие сочинения по стено-графии до 60-х годов. Задачи практического съ стено-графии 30—31. Попытка появления системъ и полемика. Система Ильинки 36—38. Всевозможные хукии стено-графии въ Сиб. по системѣ Габельсбергера и Шульца 39—42. Распространение стено-графии въ прусской герцогствѣ. Система Габельсбергера въ Харьковѣ 42—43. Система Терне 44. Сиб. общество стено-графиковъ 45. Преприятие болгарского курсиста стено-графии въ Сиб. 45. Заключение.	
Система Ильинки	47—55
Основной принципъ системы Альбук. Альбука 49. Основаніе для распространія знаковъ между скобками 50—52. Наростатки альбука 52—53. Сотрапезія 54. Общий выводъ.	
Система Шульца	56—60
Основной принципъ. Альбука и ее недостатки 57—58. Сокращенія 58—59. Общий выводъ.—«Школа русской стено-графии» Брайановскаго.	
Система Габельсбергера	61—85
Разработки системы Габельсбергера въ Россіи и рукописи. Альбука и скобки для распределенія знаковъ 62—65. Планетарные способы практической Габельсбергера 66. Использование въ системѣ альбука 66. Знаки для сложныхъ выраженийъ 67. Выражение склоностей въ началь въ конецъ слова 68. Стилизованное выражение сложныхъ въ общемъ значеніе въ случаѣ отсутствія въ системѣ Габельсбергера 69—74. Неудобство именъ безъ сокращеній 75. Особій методъ на греч.-боскую сторону системы Габельсбергера 75—76. Виды сокращеній 77. Поставленія сокращеній Габельсбергера 78—79. Логическія сокращенія въ 80—83. Общий выводъ.	

1258-85

Симонъ Капитоновичъ, 1.

259.

	Стр.
Система Штольце	63—109
Руководство по системе Штольце. Азбука и основные для распространения знаки 63—99. Псевдоставь и цветовые коды. Знаки для скобок и отверстий 99—101. Выявление гласных; диакритические знаки на письме 102—104. Выражение гласных в глаголах слов 104—105 и въ изображениях излатах 106—107. Несовпадение письма белья сопротивлений 107. Сокращения 107—109. Специальные письма 109. Оправление системы Штольце в Габельсберге 101—102. Продолжение системы Габельсбергера въ Германии 103. Правильность говорить о преобразовании той или другой системы въ России.	63—109
Система Терре	104—128
Базальт изобретены не значение его системы. Важные прописи системы за ее теорию 105. Азбука въ существе террик 106. Выражение гласных 107—108. Сокращение 109. Отличие письма г. Терре отъ собственно азбуки 110. Дополнение теоретического обозрения для практического изучения 111. Ольши способа изображения 112—113. Ольши способа сопротивления 118—119. Общий выводъ за сопротивление системы Терре 120. «Стенографическое письмо» И. Циммермана 120—122.	104—128
Заключение	128—139
Основы совершенства современныхъ стенографическихъ систем. Возможность введения стенографии въ письму: какихъ прусскихъ шинкельныхъ зданий въ смыслѣ письменъ прусской палаты депутатовъ 123—125; преподавание стенографии въ учебныхъ заведенияхъ Германіи и въ настоящее время 126; практическое разрешение вопроса 126—127. Миръ для распространения стенографии 128—129.	128—139
Приложение.—Литература русской стенографии	130—143
Предварительные замѣчанія. Способъ отрывныхъ изданій по стенографии. Составъ статей въ заключеніи о стенографии и разнотипныхъ изданияхъ.	130—143
Алфавитный указатель	143—144

ОПЕЧАТИИ,

которые необходимо изучить прежде чтенія книги:

Напечатано:			Должно быть:	
Стр. 7	строва 1 слова	въ 1843 году, а огнъ	въ 1834 году, и этого	
* 8 *	5 *	Г	У	
* 10 *	19 сверху	снегу	предку	
* 20 *	21 *	хотуть	боязни	
* 28 *	2 *	полутлоскы	силосы	
* 34 *	3 таку	и	и	
* 95 *	4 сверху	и	и	
* 106 *	5 слова	и	и	

ОБЗОРЪ

РУССКИХЪ СТЕНОГРАФИЧЕСКИХЪ СИСТЕМЪ.

Въ рѣзкій стилѣ вѣжливъ, пахого изъявленіемъ говорю: самъ среѣдствомъ письма, дающаго трудится не одинъ частный заслугъ, а болѣе участливѣе цѣлые народы.

Бер. М. Курб.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Главнейшая цѣль предлагаемаго сочиненія заключается въ томъ, чтобы дать читателю, совершившему познакомленіе со стеноографіей, возможно полное понятіе о русскихъ стеноографическихъ системахъ. Потому какъ въ настоящее время стеноографію у насъ считается предметомъ узкой специальности и потому къ сожалѣнію почти совершенно заброшенна, то авторъ имѣеть въ виду и другую задачу: указать на важное значение стеноографіи не какъ искусства записывать устную рѣчь, но какъ упрощеннаго письма, которое въ будущемъ неподвѣржено вытеснить изъ употребленія наше обыкновенное письмо; въ настоящее время стеноографіи еще не можетъ замѣнить вполнѣ обыкновенного письма, хотя съ усиліемъ можетъ быть употреблены наравнѣ съ нимъ во всевозможныхъ случаяхъ. Эпиграфъ, взятый изъ предисловія къ „Графодромію“ бар. Корфа, достаточно ясно указываетъ на мысли автора, который полагаетъ, что только тогда различіе стеноографіи найдетъ быстрыми шагами впередъ, когда она получитъ непрерывно болѣе широкое распространеніе и перестанетъ служить исключительно для записыванія устныхъ рѣчей. Что касается до названія „Обзоръ русскихъ стеноографическихъ системъ“, то подъ именемъ русскихъ авторъ разумѣетъ вообще всѣ стеноографическія системы, опубликованныя въ Россіи.—Какъ самостоятельный, такъ и приложенія къ русскому языку иль другихъ языковъ.—Въ заключеніе авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что онъ самъ не привадлежитъ къ числу практикующихъ стеноографовъ или приверженцевъ одной какой-либо системы; и это даетъ ему важное преимущество — возможность быть объективнымъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Вполне справедливо заявляет кло-то, что стенография унимает человеческую жизнь. Действительно, если вообще всякое сокращение труда доставляет нам возможность употребить остаток времени на другие труды или на отдых, возобновляющий наши силы, и въ этом смыслѣ продолжаетъ жизнь, то конечно тоже самое относится и къ сокращению письменного труда. Польза стенографіи въ этомъ отношеніи тѣль громадна, что положительно сбѣдствуетъ удивляться тому, какъ наше же此刻 времени обращаютъ внимание на стенографіи. Объясняю подъ ней разумѣются искусство или наука записывать съ точностью устную рѣчу; подобное изрѣдѣлѣю встрѣчается весьма часто даже въ учебникахъ стенографіи, хотя это весьма неудобно для распространія пособій. Между тѣмъ, стенографія имѣетъ другое, несравненно обширнѣйшее назначеніе — служить для замѣны обыкновеннаго письма, и въ этомъ смыслѣ подъ стенографіей слѣдуетъ разумѣть вообще упрощенное письмо. Если, какъ справедливо зачитывая, уничтоженіе въ книгѣ строкъ буквъ *и*, замѣщающей *и* часть гравографскаго набора, сократило бы Россіи не сколько миллионовъ рублей ежегодно — складству сбереженія бумаги, труда, времени и разныхъ материаловъ, необходимыхъ тендеръ для перевозки или набора и печатанія этой бумаги, — то какую-же громадную выгоду прислѣдѣбы всеобщее употребленіе письма, которое было бы хотя только измѣненіе употребляемаго языка? Нѣтъ сомнѣнія, что въ боянѣ или же въ однажды будущемъ обыкновенное письмо будетъ вытѣснено стено-графическими. Въ этой мысли вѣдь ничего необычайного или нехѣтого. Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершенствуется и упрощается. Стоитъ сравнить, напр., свѣритскія букви, древній славянскій уставъ и букви современнаго

письма, чтобы убѣдиться въ этомъ. Всемъ естественно предположение, что упомянутые письменные знаки будуть продолжаться и впередъ. Рѣдко можноѣ дѣлать, великъ наѣ захѣчать, что никогда неѣ употребляемыхъ письма рукописныхъ букви очень сложны, какъ напр. и. т. и. ж. ф. и т. д.; но чому-то изображать звуки языка, состоящихъ изъ 6—7 чертъ, когда есть возможность изображать ихъ одной чертой? Къ чену *ст* великою тратою времени утрудительно гашиться по бумагѣ, дабы съ терпѣніемъ собрать на ней *извѣстнѣ и художнѣе знаки* столь-же быстрой, какъ иные, письмѣ? какъ говорить однѣ изъ прежнихъ примѣрѣвъ стено-графіи въ русскому языку. — Основная мысль стено-графіи и заключается въ упрощеніи знаковъ, но никогда составители стено-графическихъ системъ не останавливались на результатахъ, достигнутихъ посредствомъ такого упрощенія; упорно стремясь къ одной и той-же цѣли, къ возможности записывать за говорящимъ, изобразительни въ *извѣстнѣй* ей приложени *орфографії*, ясность и четкость письма. Такъ наѣ посредствомъ упрощенныхъ знаковъ еще нельзя постигнуть за устами рѣчи, то въ стено-графіи употребляется множество сокращеній для различныхъ словъ и окончаний и множество условныхъ знаковъ для тѣхъ встречающихся словъ или глаголахъ выражений: все эти сокращенія иногда же въ запутывающую систему, что однѣ дѣлаютъ совершенно неудобно для употребленія выбраннаго языка.

Въ виду двухъ цѣлей стено-графіи (общей и специальной) всякая стено-графическая система должна быть изъ столь-же азбукита, чтобы допускать совершение точнаго письма безъ всякихъ сокращеній и заставить посредствомъ извѣстныхъ сокращеній или другихъ способовъ служить съ тѣпломъ для записи за говорящимъ. Намъ необходимо теперь записать условія хористїй стено-графической системы.

Что излагается то знаковъ, то исходженіе ихъ вообще весьма затруднительно. Первая задача составляется стено-графической системой — выборъ знаковъ и распределеніе ихъ между звуками. Но при этомъ изборъ неѣ рукоизвѣстляться никаки-либо точными способами. Дѣлать лиѣ возможность точно опредѣлить степень скорости и удобства, съ которой пишется тѣль или другой знакъ; дѣлать лиѣ можетъ быть специальными опитами, подобныхъ гѣлъ, какіе употребляются въ физикѣ и другихъ наукахъ: рука человѣческая не нашина и движется съ не регулярнѣ. Правда, можно дѣлать иѣкоторые опыты, напр. писать въ теченіи извѣстнаго времени пять разъ одинъ знакъ, потому писать другой знакъ въ теченіи такого-же промежутка

времени и затѣмъ сдѣлать заключеніе, что тотъ знакъ будетъ простейшій и удобнейшій, который написанъ большее число разъ,—изъ подобныхъ опыта будуть несихъ грубы и могутъ дать совершиенно невѣрные результаты: нельзя удостовѣриться въ томъ, что рука во всѣхъ случаяхъ имѣла одинаковую способность къ движению, притомъ болѣе знакомое имѣть и привычка къ писанию тѣхъ изъ другихъ знаковъ. Сверхъ того, необходимо, чтобы упомянутые знаки удобно соединялись другъ съ другомъ, а это условіе еще труднѣе проверять посредствомъ опыта. Въ прошломъ время составители стено-графическихъ системъ или чисто отвлеческихъ, теоретическихъ писемъ. Поставили себѣ главное требование, чтобы каждый звукъ выражался возможно-простымъ знакомъ, брали прямую черту и кружу, какъ простейшіе знаки, и ставили ихъ въ различнія положенія и получали въ знакомъ: | — () — ~. Присоединившись къ этиимъ основнымъ знакамъ петлю или кружочекъ удовольствіе число знакомъ и на этомъ оставлялись. Вследствіе этого пласкіе звуки изъ срединъ словъ совершию пропускались, а некоторые склонѣ соглашались выражаться однимъ и тѣмъ же знакомъ. Подобное письмо не можетъ быть свободно читаемо, — его нужно разбирать, дешифровать. Другие составители системъ находили этотъ недостатокъ весьма существеннымъ и потому придумали способъ выражать точно все гласные и согласные звуки, не усложняя знакомъ: стали писать не по одной, а по несколькимъ параллельнымъ линіямъ, подобно тому, какъ пишутся поэти. При четырехъ параллельныхъ линіяхъ каждый звукъ можетъ иметь 9 положений и выражать 9 звуковъ. Однако все эти прекрасныя теоретическія измышленія оказывались совершино бесприятными на практикѣ. Хотя все руководства стено-графіи того времени исали заглавія, которыя заставляли, что посредствомъ метода можно писать такъ же скоро, какъ говорить, однако всѣхъ немногій достигали такой степени скорости даже послѣ упомянутыхъ трудоў; всѣ системы того времени (до XIX столѣтія) употребляли безчисленное множество сокращеній, которыя необходимо было твердо запечатывать, чтобы быть малѣйшаго колебанія испытываемаго ими при быстромъ письмѣ. При первомъ взглѣдѣ на письмо по такимъ системамъ поражаетъ сходство его съ геометрическими чертежами, тѣль-нѣ знаки, почти исключительно состоящіе изъ полукуружій и прямыхъ линій, идущіи по всѣмъ направлѣніямъ; отсюда подобнія стено-графическихъ системъ получили наименіе геометрическихъ. Рука стено-графіи, пишущаго по геометрической системѣ, должна ежесекундно

имѣть изображеніе своего движения, которое поэтому сдѣлываетъ писать не письмомъ, а рисованіемъ или чертежемъ. Такое движение не можетъ быть быстрымъ и, хотя изображеніе слова посредствомъ геометрическихъ знаковъ производится въ болѣе короткое время, чѣмъ изображеніе изъ обыкновенными буквами, однако та же запись письма за говорящими геометрическими системами мало пригодны. Въ тѣхъ системахъ, которая пишутъ по линіямъ, къ затрудненіямъ отъ перемѣнъ прак-
тическаго письма присоединяется еще трудность воставить лажий знакъ на наилучшее мѣсто,—что почти неостигимо при быстромъ письмѣ.

Лишь въ XIX столѣтіи впервые явилась та мысль, что стено-графія должна идти путемъ упрощенія обыкновенного письма; да и действительно, что можетъ быть убѣдительнѣе многообразной практики обыкновенаго письма? При отсутствіи точныхъ способовъ, при невозможности руководствоваться исключительно теоретическими соображеніями,—только практика можетъ дать критерій для оценки удобства употребленія известныхъ знаковъ. Поэтому-то художникъ стено-графическихъ системъ, называвшись современниками всѣми остроумиши, чѣмъ не гениальными, и доставившія великую славу изъ изобрѣтателей, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время теряли всякое значеніе, такъ какъ практическое употребление показывало ихъ не-состоитательность. Первый, кому пришла въ голову счастливая мысль о новомъ пути, по которому должна сдѣлать стено-графію, былъ Баварецъ Габельсбергеръ; ему и принадлежитъ вся слава, которую по-мимо него и бываютъ похвальны составители новѣйшихъ графическихъ системъ стено-графіи. Габельсбергеръ первый заслѣдилъ, что простейшія черты не всегда суть самымъ удобнейшимъ для письма; онъ понялъ, что чрезвычайно трудно пріучить руку къ быстрымъ движеніямъ по всевозможнымъ направлѣніямъ и что этимъ почти совершенно уничтожается та выгода, которая достигается употреблениемъ простыхъ знаковъ. Стено-графические знаки Габельсбергера пишутся, какъ и въ обыкновенномъ письмѣ, по преимуществу сверху внизъ и притомъ въ посрединѣ направлѣніи справа на лѣво. Габельсбергеръ издалъ свою стено-графію („Anleitung zur deutschen Schreibsichenkunst oder Stenographie“) въ 1841 году, а этотъ годъ долженъ быть признанъ ерою въ исторіи стено-графіи. Цргесагъ Штольце (1841) донель основателемъ Габельсбергеровой стено-графіи до крайности и совершенно исключилъ изъ числа буквъ черты, исклѣд

сдела на право и скину вверхъ; это исключение не оправдывается привычкой обыкновенного письма.

Рассматривая различные потерки при записи быстромъ письмѣ, мы зафиксировали во всѣхъ имеющихся стремленіе соединять буквы между собою; это стодѣльно вѣѣть, что не требуется особяя доказательствъ. Было скоро писать, тѣтъ старается даже черточку надъ ю и точку подъ ю дѣлать съ одного почерка съ гдѣ словою, и въ ко-торому эти буквы относятся. Не смотри на то, что наша рукоюенная забудка не особенно удобна для связного письма, не смотри на трошки школьного чистописанія, требованія скроющихъ берутъ свое, — великъ изъ насъ выработываетъ себѣ способъ-внешній почеркъ, который всегда стремится къ тому, чтобы дать связь отдельныхъ буквъ. Для руки чрезвычайно труда поинутно отрываться отъ бумаги съ гдѣ, чтобы снова отыскывать хѣсто, на которое надо поставить перо. И также основное правило всякаго письма, а следовательно и стенографического,— связность буквъ и отсутствіе начертательныхъ знаковъ; поэтому письменные знаки должны быть такого характера, чтобы ихъ глобо можно было соединять другъ съ другомъ. Прежде существовавшое скорѣе обратное хѣбѣ: „для краткости“гласные звуки въ началѣ и концѣ словъ выражались точками, которые надо было ставить въ различныхъ мѣстахъ, но подобная „краткость“ всего болѣе и задерживала письмо и црточку письма за собой нечоткостью, такъ какъ весьма труда при быстрыхъ движеніяхъ руки поставить точку на задижающемся жгето.

Второе требование стенографического письма, какъ мы уже видѣли, заключается въ томъ, что письменные знаки должны иметь удобное направление. Мы сказали, что это требование доказано Штельце то крайности. Послѣтній употребляетъ только угла знака, идущихъ снизу вверхъ, и то лишь въ контѣ словъ, а знаки, идущіе сѣкъ на право, совсѣмъ исключаетъ изъ числа буквъ, даъ вѣкотрой изъ такихъ нѣграфическихъ чертъ, пакъ они ихъ изымаютъ, значеніе не отѣдѣляютъ звуки, а соединяютъ или сочетаютъ согласныхъ (шадр. ит., ти., пи.). Подобное исключение нѣграфическихъ знаковъ не находить себѣ подтверждения въ обыкновенномъ письмѣ: буквы F, K, въ которыхъ заключаются нѣграфические черты, пишутся весьма удобно, и черты, идущіе снизу вверхъ, идутъ въ составъ многихъ буквъ при быстромъ письмѣ, пакъ разнообразный видъ, хотя и не могутъ быть уточнены—по свойству нашихъ перьевъ, и чрезвычайно способствуютъ къ укобству письма. Такимъ образомъ

нѣграфические знаки могутъ служить буквами стенографического письма, лиши-бы они удобно соединяться съ другими знаками.

При первомъ взгляде на обыкновенное письмо наше бросается въ глаза равнота, прямилъ его строки. И действительно, направление письма по одной прямой линіи есть одно изъ основныхъ требований скорописи; между тѣмъ именно это условіе неимѣло всего соблюдаются въ стенографическомъ письмѣ. Не говоримъ уже о геометрическихъ системахъ, въ которыхъ сокращено не обращалось вниманія на сказанное условіе, — и позѣмъ, графическихъ системъ не выдерживаютъ его строго, а одна изъ нашихъ русскихъ системъ пишетъ лишь бы по хѣстницѣ. Положеніе стенографическихъ знаковъ для согласныхъ выше или ниже строчкой линіи въ позѣмыхъ системахъ выражаются гласные звуки, это остроумное средство имѣть однако недостатки: рука приходится пригнуть вверхъ и внизъ и оттого она болѣре утомляется, чѣмъ при письмѣ, напрямленномъ по одной прямой; практика показываетъ также и того, что письмо задерживается исѣдѣствіе необходимости выбрать хѣсто, на которое должно поставить известный знакъ. — Конечно, письма въ этомъ случаѣ зависятъ отъ степени искусства стеноグラфа, но во всякомъ случаѣ они существуетъ, хотя и не можетъ быть замѣчено при быстромъ письмѣ. Эта задержка въ письмѣ тоже не можетъ быть усмотрѣна, вѣдь въ залернѣ при обманчивомъ письмѣ, про-изошедшемъ оттого, что пакъ необходимо различать, какую букву сѣкъуетъ, написать въ данномъ хѣбовеніе; однако весьма понятно, что обыкновенное письмо было бы гораздо болѣре, если бы писать нужно было писать только одну какую-либо букву. Задержка письма отъ необходимаго размѣщенія еще усиливается въ тѣхъ стенографическихъ системахъ, которая предполагаютъ значеніе положенія буквъ.

На наиболѣшее затрудненіе при составленіи стенографической системы представляется окончательный выборъ знаковъ. Рассматривая обыкновенное письмо, мы замѣтили въ немъ знаки, выходящіе вверхъ и внизъ отъ строки,—и подобные знаки пишутся весьма легка. Но трудно замѣтить, что въ письмѣ наиболѣшее значеніе имеютъ углы и извилины буквъ,—размѣръ же ихъ не можетъ вѣжнаго значенія для скорости письма. Конечно, если увеличить размѣръ всѣхъ буквъ, то проходить значительная письма во времена, но при увеличении размѣра отѣдѣльныхъ знаковъ увеличивается лишь размахъ руки, и въ скорости почти ничего не теряется. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, стоитъ только сравнить почеркъ какого-либо

лине при быстромъ и медленномъ письмѣ: при первомъ всегда мелкія подробности буквъ стираются и оттого почеркъ дѣлается испѣте разборчивымъ, а размѣръ знаковъ, размашистость ихъ, увеличивается. Тщательный анализъ различныхъ почерковъ можетъ показать, что у всѣхъ пишущихъ появляется при быстромъ письмѣ стремление къ уменьшенію числа угловъ въ отдельныхъ буквахъ (ширина буквъъ т. ч.). Такими образомъ и стеноографическое письмо должно стремиться къ тому, чтобы тѣлесные знаки заключали въ себѣ возможно меньшее число угловъ; простейшій знакъ будетъ тотъ, который вовсе не имѣть угловъ или изгибовъ. Но, такъ какъ застать простыхъ знаковъ всѣми ограничено и не можетъ быть расширять по письму простой причинѣ,—потому, что ихъ не можетъ быть больше, чѣмъ имѣется, то и является мысль употребить знаки различной величины, какъ въ обыкновенномъ письмѣ. Однако тутъ слѣдуетъ соблюдать известную осторожность: слишкомъ большое разнообразіе въ разнѣрахъ знаковъ помечетъ за собой нечистоту, потому что при быстромъ письмѣ трудно будетъ точно соблюдать эти размѣры. Составитель стеноографической системы долженъ угадать разумную систему.

Въ виду специальной цѣли стеноографія во всякой стеноографической системѣ могутъ быть допущены сокращенія. Условія, которыхъ должна удовлетворять въ этомъ отношеніи хорошая стеноографическая система, удобнѣе рассматривать впослѣдствіи; теперь же замѣтимъ только, что число постоянныхъ сокращеній, заупасенныхъ напередъ, должно быть возможно ограничено, ибо при большемъ числѣ ихъ, имѣя хорошую память и употребивъ чѣмъ временіе на ихъ изученіе, можно записывать за говорящимъ даже по самой плохой системѣ, пренебрѣгъ чѣмъ мы видимъ у римлянъ. Всѣ рѣчи Цидерона записаны толькъ начинавшими тирозовыми потасъ, — знаками, мало чѣмъ отличавшимися отъ обыкновенныхъ унискихъ буквъ и представлявшими лишь обобщеніе и упрощеніе того письма, которое у римлянъ называлось сигнази—sigilae (id est singulae litterae) и состояло, какъ самое название показываетъ, изъ записыванія начинавшихъ буквъ каждого слова.

Еще одно немаловажное условіе для хорошей стеноографической системы заключается въ легкости ее изученія; необходимо, чтобы правила стеноографіи были логичны и понятны всякому мало-мальски грамотному человѣку. Приверженцы системы Габельсбергера возражаютъ на это, что дѣятельность стеноografa вовсе не такова, чтобы

ей могъ посватать себя всякий мало-мальски грамотный человѣкъ,—впротивъ практическій стеноографъ долженъ иметь широкое всестороннее образованіе, должно быть знакомъ съ техническими выраженіями до всѣхъ наукъ, съ сущностью интересующихъ общество изъ западного вопроса и т. д.^{*)}. На подобныхъ разсужденіяхъ можно отѣтить, что, во первыхъ, такихъ образованій стеноографъ въ нашемъ отечествѣ съ фокаремъ поискать надо, ибо тѣлесность стеноографа у насъ не на столько прѣбалда, чтобы исключительно для нихъ приобрѣтать разностороннія снѣдѣнія, а во вторыхъ то, что, думая подобными разсужденіями оправдать трудность изученія системы Габельсбергера, последователи послѣдняго противорѣчатъ сама себѣ, решившія въ тоже время стеноографію взамѣнъ обыкновенного письма.

Мы изложили главнѣйшія условія, которыми должна удовлетворять, такъ сказать, идеальная система стеноографіи. Нѣть сомнѣнія, что иск. условия единѣи могутъ быть совмѣщены въ одной системѣ. Что касается до сравненія существующихъ системъ, то та или иная должна быть превышена какимъ-то, которая избрала наиболѣшую группировку указанныхъ требованій и потому ближе подходитъ къ идеалу; какихъ-либо точныхъ способовъ здѣсь также нельзя употребить. Не смотря на то, составители стеноографическихъ системъ иногда приблигаютъ къ такому пріему: известныій отрывокъ пишутъ какъ по способу, такъ и по чужой системѣ, затѣмъ разлагаютъ знаки на простѣйшіе элементы и, взявъ одинъ изъ нихъ за основную мѣру, сравниваютъ числа простейшихъ знаковъ по обѣимъ системамъ. Курьѣшѣе всего то, что подобные отрывки пишутся со всѣми сокращеніями, — и на основаніи этихъ то отрывковъ виноватъ въ просчетахъ, поскольку одна система гороче другой. Не говори тѣ же о томъ, что въ данномъ отрывкѣ по одной системѣ можетъ встрѣтиться большое число сокращеній, тогда какъ по другой ихъ почти не будетъ, такой пріемъ и не можетъ дать точныхъ результатовъ: хорошо если случится такъ, что число угловъ (которые непремѣнно должны быть соединены параллельно со знаками), также какъ и числа простейшихъ чертъ мѣры, принятой за единицу, въ написанномъ по этой системѣ, будетъ больше, чѣмъ въ написанномъ по другой, но какъ сравнивать между собой ладікъ и уши, если окажется, что число знаковъ въ од-

^{*)} См. «Чтения о стеноографіи», Баркова Торнаву.

ной изъ системъ будеть болѣе, но за то число угловъ будеть менѣе, чѣмъ изъ другой? Какъ узнать, какая система короче, если въ отрывкѣ, проектированной по первой системѣ знаковъ, приватної ѿ единицѣ, будеть, напр., 192, а угловъ—113, въ числительной же по второй системѣ число знаковъ будеть разно 169, а число угловъ—145? Вѣдь числа угловъ и знаковъ, приведенныхъ за единицу, не должны совпадать въ одной и той-же системѣ; конечно, если въ разечерѣ не прикасается длина знаковъ, то угловъ будеть столько же, сколько и простыхъ чертъ, потому что всій новый уголъ укачиваетъ на начало новой черты, но въ концовъ случаѣ подъ чертой разумѣвается опредѣленная мѣра, такъ что на изѣбѣтный уголъ можетъ прѣйтись несколько такихъ мѣръ. Вообще вычислѣніе нельзѣ показать преосходства одной системы надъ другою. Найдучшемъ показательствомъ преосходства системы можетъ служить си болѣла распросроченность изъ протяженія долгаго времени, т. е. статистическихъ данныхъ о числѣ стено графій; если число стено графірующихъ по данной системѣ значительное въ сколько разъ преосходитъ число стено графірующихъ по другой системѣ и если это замѣчается въ теченіи хѣть 10—15, причемъ обѣ системы находятся въ одинаково благопріятныхъ условіяхъ, то можно не колеблясь сказать, что изобщѣ первая лучше второй. У насъ въ Россіи для сравненія системъ производились состязательныя испытания обучавшихся стено графій по сравниваемымъ системамъ. Въ нашихъ данныхъ эти испытания имѣть весьма малое значеніе; они могутъ дѣйствительно показать преосходство одной системы надъ другой, но только тогда, когда производится въ года въ года съ большою тщательностью и всякий разъ даютъ одинаковый результатъ. Остѣдѣльные испытатели могутъ показать только степень прилежанія и успѣховъ учениковъ, а успѣхи могутъ обусловливаться какъ временемъ, пограничнымъ изъ изученіе стено графій (время это не можетъ быть строго контролируемо, такъ какъ учащіе имѣютъ возможность упражняться въ стено графірованіи у себя на дому), такъ и самими составить экзаменыющихихъ.

Такъ какъ существующіе системы стено графій приспособлены исключительно для записыванія за говореніемъ, то они не могутъ вполнѣ замѣнить обыкновенного письма. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса, перенесено сознаніемъ съ вопросомъ о возможности введенія стено графій въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, мы отлагаемъ до того времени, когда мы ознакомимся съ существующими

системами,—теперь же укажемъ лишь въ краткихъ словахъ на недостатки стено графій въ смыслѣ обыкновенного письма. Всѣ стено графіческія системы не соблюдаются обычной орфографіей. Ихъ изъ нихъ употребляются множество таихъ сокращеній для приставокъ и окончаній, безъ которыхъ обойтись нельзя, такъ какъ въ противоположнѣй системѣ сдѣлается чрезвычайно неудобно; между тѣхъ эти сокращенія требуютъ запоминанія на память и поэтому возникаютъ письмо изъ его предыдущей ступени. Первая изъ нихъ ступень письменности состоитъ изъ изображений отдельныхъ единицъ словъ, — такое письмо называется фигуротипізацией; вторая ступень — слоговое письмо, — когда отдельные единицы изображаются слогами, и напоминаетъ сущность письменности — сознаніе письма звуковъ письма, состоящее въ томъ, что каждый отдельный звукъ изображается особнѣй знакомъ. Сокращенія, про которыя мы только что говорили, возвращаются въ слоговому письму. Затѣмъ въ инкаторахъ, системахъ выпускаются главные звуки и притомъ вѣть способъ къ точному выражениюгласныхъ, если бы это потребовалось. Наконецъ эта система, легка для изученія и довольно точно следующа обыкновенной орфографіи, употребляетъ знаки, идущіе по письму напрямлена. Разумѣется, въ существующіи системѣ могутъ въ гуттурѣ замѣнить обыкновенное письмо для записывающихъ, но не могутъ совершенно вытѣснить его изъ употребленія.

Установивъ такимъ образомъ посвѣтъ съ стено графіей и нашу точку зрения, перейдемъ теперь къ вопросу объ отношеніи стено графій къ орфографіи. Мы отоссимъ небольшія орфографическихъ правила къ числу недостатковъ стено графій, въ смыслѣ обыкновенного письма, потому что она должна въ такомъ случаѣ удовлетворять потребностямъ какаго; если-жъ въ настоящее время онтологическое письмо еще неизучено, то въ стено графіи должна походить ему. Однако встречаются стено графіи, которые положительно требуютъ письма „по слуху“, и одна изъ стено графіческихъ системъ построена на „слуховомъ нападѣ“. Поэтому даже необходимо разсмотрѣть, что вообще слѣдуетъ разумѣть подъ слуховыми какъ фонетическими письмами.

Часто фонетическое письмо, не руководимое никакими грамматическими правилами, неизвѣсно и невозможно; оно совсѣмъ-бы за собой. Сложнѣстое разнообразие въ начертаніи словъ и трудность (а иногда и полнѣшую невозможность) поиска написанія. Жела прописывать слова различно: одно и тоже слова изъ устахъ разныхъ людей зву-

чить неодинаково. Мы не говорим уже о разнообразии органических недостаткахъ въ произношении, которые таъ распространены между людьми, но которыхъ мы не замѣтимъ. Теперь, какъ въ настѣ перенесена способность писать по слуху. Помимо этихъ крупныхъ и мелкихъ недостатковъ, есть много своеобразныхъ отклонений, обусловленныхъ въ произношении различныхъ людей, происхождение говорящаго, причиною которымъ причинами: напр.

весьма многие русские говорятъ на ф, многие употребляютъ звукъ г (ближай къ немецкому к) и т. д. Затѣмъ одно и тоже слово изъ различныхъ устахъ звучитъ неодинаково. Органъ слуха, подобно органу голоса, развитъ у людей далеко неодинаково: притомъ все люди несамо различаютъ звуки, когда находятся по известному расстоянію отъ говорящаго. Непрѣнистъ слуха исправляются, почти незамѣтно для нихъ самихъ, паче ухомъ, но легко могутъ быть замѣчены при диктовкахъ мало различныхъ языковъ. Намъ доводилось встрѣчать поразительныя ошибки, происходившія единственно отъ недостатковъ слуха или дальности расстоянія. Напр., однажды ребенокъ весьма часто замѣщалъ на письмѣ звукъ к звукомъ и, не зная не смыслись тѣхъ, что получались слова, совершающіе възаимодействіе и съ неизвестнымъ значеніемъ (т. е. несуществующія): отъ былъ уверенъ, что ясно слышалъ диктуемое. Несомнѣнно, что и взрослымъ человѣкамъ можетъ наѣхать подобныхъ ошибокъ, если разовѣть въ себѣ способность писать по слуху, такъ какъ письмо сдѣлается тогда механической работой безъ всѣхъ участій мысли. Сверхъ того, какъ известно, въ русскомъ языѣгласные звуки, на которыхъ бываетъ ударенія, звучатъ неопредѣленно: звукъ о слышится, какъ а, звукъ съ чѣго слышенъ, какъ и и т. д. Не хѣто зѣбъ подробнѣе указывать, какие именно звуки и въ какихъ случаяхъ даютъ неопределѣленное, среднее впечатлѣніе для нашего слуха; зѣбъ необходимо только отмѣтить, что и такие неопределѣленные звуки для различныхъ людей слышатся различно: одинъ ребенокъ называетъ „языкъ“, а другой „языкъ“ (какъ вахъ и слушалось видѣть), одинъ ясно отлипаетъ звукъ и въ словѣ „добрый“, а другой его не отлипаетъ и пишетъ „добрали“ и т. п. Шипоты согласные передъ громкими звучатъ, какъ громко, — и склоняютъ, но это правило справедливо не для всѣхъ ухъ, въ чёмъ легко убедиться при диктовкахъ тѣхъ, совершающіе възаимодействіе съ грамматикой. Этакъ краткихъ указаний достаточно, чтобы показать невозможность письма исключительно по слуху.

Однако защетники слухового письма могутъ возразить, что устная рѣчь при всемъ разнообразіи звуковъ оттенковъ, при всѣхъ недостаткахъ произношения и слуха, при недоговариваніи слова въ быстрой рѣчи, все таки легко понимаетсяими, — таъ оттого-ко будуть загруженнѣе чтеніе писавшаго по слуху? На это можно отвѣтить слѣдующее. Процессъ чтенія несравненно труднѣе процесса слушанія, во-первыхъ, потому, что способность слышать врожденна человѣку и съ юношествомъ она гораздо болѣе временно утрачивается въ различныхъ смыслахъ по сравненію слуха, чѣмъ посредствомъ зѣбъ: при чтеніи, и во-вторыхъ потому, что при выслушаніи устной рѣчи человѣкъ окруженнъ многими условіями, несомнѣнно способствующими къ уразумѣнію сказанного: глаголы жесты, выраженія лица, выраженіе голоса и даже самыя дважды губъ; эти условія есть при чтеніи: тутъ мы имѣемъ цѣло лишь сть мелкими знаками, такъ какого расположенія которыхъ нужно несравненно болѣе усѣйтъ или напряженіе, тѣмъ для распознаванія звуковъ. Орфографическія правила имѣютъ цѣль облегченіе труднаго процесса чтенія: одна изъ причинъ, по которымъ ребенокъ читаетъ неизвѣданные взрослого, есть неизвѣданіе первого сть грамматическими формами, указывающими на грамматическое отношеніе словъ въ предложеніяхъ. Въ слуховомъ письмѣ происходженіе словъ затрудняется всѣдѣствіе различного начерганія одинаковыхъ частей въ словахъ, искаженныхъ однѣ и тотъ-же корень; по этой причинѣ труднѣе вслухаются смыслъ словъ; центральныя флексіи часто могутъ поротить недоружіе или даже доусыпленіе, — между тѣмъ въ письмѣ по слуху флексіи могутъ писаться различно даже для одного и того-же падежа. Правда, многія изъ орфографическихъ правилъ придуманы и вовсе не вытекаютъ изъ свойствъ языка, но большинство такихъ правилъ весьма полезно. Искажь притомъ можетъ служить употребленіе большихъ или проиниціи буквъ. Весьма понятно, что по слуху нельзя различить, где надо поставить большую букву, однако же въ некоторыхъ случаяхъ безъ проиниціи буквы трудно обойтись, какъ напр. въ наименований собственныхъ имѣнъ или въ тѣхъ, которыя образованы изъ ниржательныхъ. — Вообщѣ фонетическое письмо затрудняетъ изученіе языка.

Сверхъ того, есть еще важная причина, по которой не можетъ быть введенъ чисто фонетическое письмо: какъ выговоръ пишеть на письмо, такъ и напротивъ — письмо производить вѣднѣе на выговоръ и вообще на языкъ. При введеніи употребленіи строго-фонетиче-

како письма самый язык изменился бы до разноточья, о которыхъ же теперь не можешьъ себѣ составить и понятия. Вотъ почему всіяки измѣненія въ письмѣ должны быть дѣлаемы съ величайшою осторожностью; во всякомъ случаѣ письма сълѣдуетъ перерѣпать вопросъ о правописаніи, которое утверждалось въ теченіи вѣковъ.

Позаду всего вынесказанного, строго фонетическое письмо не существуетъ въ настоящее время еще и потому, что для него необходимо значительно большее число знаковъ (буквъ), чѣмъ то, насколькъ мы располагаемъ теперь^{2).}

То письмо, которое обыкновенно приводятъ называть фонетическимъ, имѣетъ гораздо болѣе скромный видъ. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы стѣснить за общій произношеніемъ глаголъ, тѣмъ это не затѣняетъ прохожденія словъ, т. е. въ приставкахъ, суффиксахъ и въ некоторыхъ окончаніяхъ, придаютъ тѣ звуки, которые не произносятся, не должны выражаться на письмѣ, и каждый звукъ долженъ имѣть только одинъ звукъ. Такое письмо не есть письмо исключительное по стиху, ибо, какъ уже сказано выше, способность слышать исключительно разницу у людей³⁾ и ходить звуки производятся на нашъ слухъ неопределеннѣе влечателіе. Поэтому такое письмо должно подчиняться строго опредѣленнымъ правиламъ, но число послѣдовательныхъ введеній фонетического письма значительно уменьшится, такъ какъ будутъ уничтожены лишніе буквы и произвольные придуманные правила (какъ напр. окончанія іє и ії во множ. числѣ имѣть прилаг.); оставшія же правила будутъ подчинены по возможности подъ слухъ и начаю.

²⁾ Ск. «Филологическая разноголосіе»: въведеніе Грецѣ, изд. 2, т. 3, стр. 181: «... гдѣ, которые мечтаютъ о введеніи у насъ чисто союзитического письма, не знаютъ, что холода для такого письма мы не имеемъ первѣйшаго въ пущестѣнии уловки, т. е. союзитической избытии, которая окончательно покрыла бы себѣ себѣ избыточнѣйшии или слишкомъ излишнѣй избытии».

³⁾ Интересный прикладъ того, какъ можно пользоваться на свой слухъ, приводитъ И. Мюллеръ во 2-й серии «Чтений по парфии и языку»: «Актеры», позже живший въ Константинополѣ, пишетъ: «По всіхъ монахъ письмахъ есть только одно слово, относительно котораго въ каждой укрѣп., что оно вѣро написано,—это фасифасѣф—одарка. Я спрашиваю его тоже чисто и мой слухъ тоже привыкъ къ этому звуку, а мой письмо къ произношенію его, тѣмъ ченѣрь напѣрво не отвѣдусь къ самому макѣюмъ отънѣ произношенія».—Слово это единакъ звучитъ похитѣніемъ. Вероятно, познѣе письма обусловливались еще и общія несхожести по звучанию чистаго звука.

Что касается хо стеноографіи, то она должна въсіхъ умѣренно пользоваться фонетическими письмами. Прежде всего является вопросъ, оттого именна стеноографы обращали и обращаютъ наибольшее вниманіе на слуховое письмо? Оттѣль изъ этого однихъ они побуждались къ тому бѣдствью срѣтутъ, которыми располагается стеноографія. О чисто фонетическомъ стеноографическомъ письмѣ не можетъ быть и рѣчи: оно требуетъ сашинъ большого числа знаковъ, въ стеноографіи же запись простыхъ знаковъ, какъ мы уже и говорили, въсія письма. Составитель стеноографической системы, стремящійся къ точному фонетическому выражению человѣческой рѣчи, потеряетъ въ скорости, таъкъ будетъ иранужнѣе употреблять для выраженія звуковъ болѣе сложные знаки, — и опредѣлѣтъ поглощенну о языку заѣдахъ.

Если даже допустить возможность пользованія стеноографіей пра-вильнѣ этимологическимъ письма, то и въ такомъ случаѣ стеноографіи лишь настолько должна служить за произношеніемъ, насколько это представляеть для неи выгоды. Но когда въ фонетическомъ письмѣ быть никакой избытии для стеноографіи, то и не сѣдуетъ его приимѣнять, потому что различіе съ общепринятой этикетической письмомъ только уменьшитъ число послѣдователей стеноографической системы, каковы-бы ни были ёя достоинства: известно, что человѣка нехотѣно отступать отъ установленныхъ правилъ письма и что консервативнѣи ни въ чёмъ не проявляется въ такой сильной степени, какъ именно въ орѳографіи; пра-вѣровъ тому можно было бы привести всіяко много. Безшолемный и вредный въ долго еще будуть занимать свое място, — мы не говоримъ уже о буквахъ л., существование которой защищается всіми ипотеками. Нашъ могууть выразить, что применять фонетическое письмо отчасти—искусствѣально, что значитъ, чѣмъ систему вносится двойственность, — но во первыхъ въ обычновенномъ письмѣ существуетъ также двойственность, а во вторыхъ искусствѣально и болѣе чѣмъ уже существуетъ, какъ скоро цѣль сре-дствъ изъ осуществленія чисто фонетического письма. Между тѣмъ некоторые составители стеноографическихъ системъ полагаютъ, что, не употребляя буквы л. и з., они тѣль сажими обязаны писать ось вѣбего и и. т. д.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть еще одно, довольно курьезное, выраженіе, стравленіе составителей стеноографическихъ системъ, — стремленіе навязать свою систему болѣе важнѣй письмомъ другимъ языкамъ. Чтобы скрыть эту цѣль, прикрываются различными

о необходимости засобища международного алфавита, какъ будто стено-
графія имѣть цѣлью для того средства. Особенно разумѣть съ
пасиографіемъ приверженцы Габельсбергера. Нѣтъ сомнѣнія, что бол-
ьшо-бы несъяко заслуга власти общій алфавитъ, если не для всѣхъ язы-
ковъ, то изъ крайней чѣрѣ для европейскихъ. Но такой алфавитъ буд-
етъ только тогда имѣть значеніе, когда всѣ разнознаніе отъбога изъ
схожихъ звуковъ различнѣхъ языковъ будуть выражаться соответстви-
ющими изысканіями въ звукахъ,—иначе говоря, алфавитъ долженъ
быть строго фонетическімъ. Между тѣмъ выигорище языка послѣдо-
ватели Габельсбергера разрываютъ вопросъ обѣ универсальности пись-
мѣ очень легкѣ: ограниченній запасъ ибѣдствій стено-графическихъ
языковъ они расцениваютъ бѣзъ всякаго измѣненія между членами
стѣнографическихъ языковъ; понятно, что такой алфавитъ не можетъ быть фон-
етическимъ; если пѣмѣнное *l* въ русскомъ *л*, *лѣ*, *л* въ русскомъ *л* полу-
чатъ имена и тѣмъ-же звукъ, то такая алфавитъ не можетъ быть при-
нята генералью. Если даже предположить, что универсальность письма
можетъ быть по-всѣмъ времени, то вѣчно не хѣло стено-графію вводить его; попытка ихъ въ этомъ отношеніи просто
сифонны. Стено-графія должна прежде подумать о своемъ собственномъ
развитіи. Обыкновенное письмо можетъ искать всѣ необходимыя сред-
ства для осуществленія мысли обѣ универсальной письмѣ.—одинаково
мы видимъ, что эта честь не особенно то осуществлется. Да вѣрно одни, члены-бы ни были это познаніе, и не вѣ-
состоитъ разрѣшить такой грандиозной задачи. Введеніемъ универсальнаго
письма заграждается прежде всего вопросъ орфографический, —
и только тогда можетъ выступить на сцену мысль о первомъ, когда
окончательно будетъ разрушено второй, т. е. когда войдеть во все-
общее «потребленіе» фонетическое письмо. Защищники пасиографическихъ
средствъ изъ стено-графіи утверждаютъ обѣтиковенно на то^{*)},
что потому знаки и цифры одинаковы у всѣхъ образованіиныхъ наро-
довъ, но при этомъ забываютъ о томъ, что музыкальные звуки и числа
одинаковы всѣдѣ, тогда какъ звуки языка весьма разнообразятся у раз-
личнѣхъ народовъ. Трудно даже сказать заранѣе, пѣкъ какого громад-
наго числа буквъ состояла бы универсальный фонетический алфавитъ.—
тѣмъ болѣе, что многое изъ азіатскихъ языковъ пѣбѣтъ гораздо бол-
ьшое число согласныхъ, тѣхъ европейскихъ языковъ.

Введеніе универсальнаго стено-графического письма навѣтно и съ
специальностью стено-графической точки зрителя, но обѣ этомъ мы погово-
римъ въ спосѣѣ иѣстѣ — при разсмотрѣніи системы Габельсбергера.
Вотъ все, что мы можемъ сказать во введеніи.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ РУССКОЙ СТЕНОГРАФІИ.

Задача автора при составленіи очерка истории русской стено-графіи
состоала въ тѣмъ, чтобы собрать въ одно цѣлое вѣсомые памѣ-
тія о стено-графіи, которыя ему удалось найти въ печати. Приходи-
лось пользоваться даже самыми исключительными занятіями, собирая
всѣ крошки и по этимъ даннымъ составлять предлагаемый очеркъ. Если
послѣдний показался читателю чересчуръ краткимъ, — то авторъ въ этомъ
не стѣстаетъ себѣ виновнѣмъ: о русской стено-графіи тутъ мало пи-
сано, особенно во послѣднее время, что очарку и не можетъ быть
безвѣдно подробнѣе. Для изучающихъ становиться сть общемъ
исторіей стено-графіи и съ развитіемъ ея у различнѣхъ народовъ мы
можемъ рекомендовать прекрасный трудъ края Zeibig'a «Исторія и ли-
тература стено-графіи», вышедший въ прошломъ году 2-мъ изданіемъ
(«Geschichte und Literatur der Geschwindschreibkunst» vol. dr. J. W.
Zeibig. Dresden. 1875); исторія русской стено-графіи отведено тутъ
2½ страницы. На русскомъ издали вѣдь рядъ статей, изъ которыхъ
разматриваются исторія стено-графіи и составленіе ея изъ разныхъ стра-
нъ, напечатаны въ журнальѣ «Учителъ» 1863 г.; кроме того крат-
кие историческіе очерки находятся при многихъ сочиненіяхъ по стено-
графіи (штир. при «Русской краткозаписи» Шаульсона и Мессера изд.
1866 года, при сочиненіи Иванова «О стено-графіи или искусствѣ
скорописи» изд. 1858 г. и др.); что-же касается до исторіи собственно
русской стено-графіи, то она во всѣхъ русскихъ сочиненіяхъ имѣть
еще болѣе скромные размѣры, чѣмъ у Цейбига.

Мы позволимъ себѣ въ предѣлахъ историческаго очерка дать
краткое изложеніе о двухъ системахъ, соприкосновія съ которыми состав-
ляютъ

^{*)} См. «Рѣчь бар. Торвѣтъ при открытии курса стено-графіи при Харьков-
скомъ университете Усташинскому».

лять библиографическую рядкость; системы эти имѣютъ только историческое значеніе и потому разсмотривать ихъ подробнѣ не стоитъ. Вообще стенографія у насъ получила практическое значеніе только въ 60-хъ годахъ, со введеніемъ судебной реформы,—до тѣхъ же поръ отдельными попытками приблизить стенографію къ русскому языку не сопровождалась никакими успѣхами и проходили совершенно безуспешно. Слѣдовательно исторія стенографіи въ Россіи можетъ быть разделена на два периода. Исторія первого периода, продолжавшегося до эпохи 60-хъ годовъ, можетъ состоять только въ перечинѣ сомнений по стенографіи и въ краткомъ ихъ разсмотрѣніи.

Можно сказать, что поистинѣ начало русской стенографіи „скрывается во мракѣ неизвѣстности“ — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Пикториѳ время считали первой печатной попыткой привнесши стенографію къ русскому языку „Графодромію“ бар. Корфа ^{*)}, изданную въ 1820 году, бѣль можетъ, основанную на словахъ самого барона Корфа, который начинаетъ свое предисловіе следующими словами: „сей опись графодроміи, сколько хѣвъ изъѣтно, первыи да пашеихъ душаѣ“.—И такому же принадлежитъ въ голову заглянуть въ „Однѣй россійской библіографії“ Сопника или хоть въ „Россіи“ Смирнова! Между тѣмъ лишь въ 11 лѣтъ до „Графодроміи“ издано въ Москвѣ довольно тщательно разработанное по изложению къ русскому языку сочиненіе о стенографіи подъ заглавиемъ: „Русскій членіе и скорописаіе, или вѣрный способъ учить читать по русски съ прасовомъ пуштепемъ простой и легкой методы писать на есъи изъѣтъ стольже скоро, какъ и произносить слово. Твореніе профессора Годфруа... и воспитателя дѣтей П. С. Тухачевскаго, Москва 1809“^{*)}. Всъмъ странно, что бар. Корфъ не зналъ объ этомъ сочиненіи, ибо чѣмъ между прочимъ видно, какими успѣхамиользовались времѧ сочиненія о стенографіи. Выписанное изъи заглавіе (имѣющееся и у Сопника, и у Смирнова) можно встрѣтить въ послѣднее время въ избранныхъ рукописяхъ по стенографіи, но до сихъ поръ про сочиненіе

^{*)} Стенографіи прежде имѣла весьма различныя названія, наиболѣе употребляемые изъ языка суть: таубодроміи, таубографіи, скрипрафіи, брахиграфіи, сконрафіи; все они есть имѣнія якои «стено-графіи» въ большей или меньшей степени. Название «стено-графіи» укоренилось въ настоюще время и одѣланою родомъ; будтоли они писать учились. На русскомъ языкѣ употребляются только имена: быстропись, скоропись, краткопись, — по большей части только какъ прѣкраснѣе изъ словъ «стено-графіи».

віе Годфруа не писано ни строчки, и за барономъ Корфомъ таѣль и осталось честь первого приблизилъ стенографію къ русскому языку. Однако, и въ XVIII ст. была попытка пересадить стенографію на русскую почву. Упомянутый авторъ ^{*)}; находясь указаніе на то, что профессоръ Вальке въ Петербургѣ въ концѣ XVII ст. изобрѣтъ систему стенографіи, непредѣтвѣтъ которой она съ большими успѣхами записывала разговоры на русскомъ языке; однако эта система не была издана въ слѣд. Бѣль того, пашь удалось найти у Сопника зачашіе одного сочиненія по стенографіи 1793 года („Тахиграфія или способъ краткописаія“, по всему почти столь же быстро можно писать, какъ говорить, соч. Францемъ Ауре. Москва“), но изъ сожалѣнія его не оказалось въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ, такъ что цѣнзурѣ, простой-ли это переводъ или разработка, прѣкращеніе.

Такимъ образомъ наше ожиданіе обратилось къ краткому разсмотрѣнію любопытнаго сочиненія Годфруа (кажется, чью удачу принимать изъ этого труда „воспитатель дѣтей“ Тухачевскаго). Разсмотрѣваемое сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: изъ нихъ первая „Начала членія“ не можетъ чѣмъ интересовать, — верочель, она и не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, исключая фантазіи Годфруа, который предлагается въ короткое время обуздать грамотѣ всю Россію.—Для пашь важна вторая часть „скрипрафіи или скорописаіе“ (стр. 72—196) и довольно интересное предисловіе Годфруа.

„Если просыщащіе люди“, говорить Годфруа въ предисловіи, „даже уже измѣруются на худую методу изъ ученія, а особенно въ обученіи членію, не хѣмые жалуются и на занудливость и медленность общепринятаго письма, да и справедливо. И въ самому дѣлѣ, когда разсмотриваются, напримѣръ, начертаніе букви и, хотя на французскомъ, хотя на русскомъ языке, и видѣть, что та же сама начертанія рука должна производить шесть движений, сожалѣть, что при нуждѣніи, съ великую тратою времени, утрудительно ташиться, такъ сказать, на бумагѣ, дабы съ терпѣніемъ собрать на ней извѣстные и подобные знаки столь же быстрой, какъ и пись, писцѣ“. Затѣмъ, изложено подробнѣ польза стенографіи въ различныхъ случаяхъ, авторъ продолжаетъ: „И такъ не должно дивиться, что во всяко время и во всѣхъ просыщающихъ странахъ умножены усилия и изобрѣтенію

^{*)} Leipzig стр. 126.

способа писания, когда скорость отличала бы, скажи не скорость мысли, по крайней мере скорость слова⁶. Несколько вспомни за этих Годфруа смыслить замечать, что „должна ей теснее произвесть лишь исправильные или более недостаточные системы“. Ось делить все системы на 2 класса: на 1-му относить тѣ, въ которыхъ письмо идетъ, какъ пишутъ, безъ всякихъ линий, а во 2-му — тѣ, въ которыхъ пишутъ на довольноихъ параллельныхъ линияхъ. „Слабость способовъ“ системъ первого класса заставляетъ предпочтеть ить систему, пытущую по погонамъ легкими. Годфруа упоминаетъ о томъ, что искать о системахъ второго рода пришла первые Бланк (Blanc), но что „не умѣть пользоваться ею счастливой мыслию“ и его система была скоро оставленна, такъ какъ ею знаки не имѣли связи между собою. „Я бѣль счастливе“, продолжаетъ Годфруа, „и цѣловать разрушение трудности... Моя французская огирафія была принята въ Парижъ съ живѣйшево благосклонностью и пріятіе меня отъ числа разныхъ учениковъ общества, по справедливости уважаемыхъ, было поистинѣ наградой за усилия мои по сей части. Вареконструировать себѣ такимъ образомъ, авторъ заявляетъ, что русский языкъ особенно удобенъ для привѣнія его системы и что поэтому французская огирафія никогда не можетъ быть такъ проста, какъ русская. «Таково-то», говоритъ Годфруа изъ попытѣ превѣхованія, „сугубое сомнѣніе, имѣть я имѣю честь представить Государю Императору Всероссійскому и Его подданнымъ. Свидѣтельствомъ для меня будетъ удовольствіе, если оно устоится пріятіе отъ Е. И. В., и якою способомъ можно усилить въ ученихъ у письма, который чрезъ просвѣщеніе непреубѣди достигнуть будетъ то височайшей степени слова“. Не знаемъ, быть-ли Годфруа шаграждемъ за свой грѣхъ; предшественникъ-же его, Бланкъ, получилъ отъ Александра I въ 1802 году въ подарокъ перстень, украшенный бриллиантами, хотя трудился и не для русского языка.

Не углубляясь въ добры частныхъ правилъ и бесчисленныхъ окрасокъ, мы зададимъ линии самое общее понятие о „российской огирафіи“.

На первой же страницѣ авторъ замѣчаетъ, что въ системѣ сокращенного письма „ни мало не постѣгаешь за нужное паблюдатъ правописаніе, предписываемое грамматикомъ“. Поэтому между противниками защищается „черезъ с и автоборотъ, а въ срединѣ словъ даже проинесятъ заужна буква с и ж буквами я и у, если только это представляеть выгоду въ граffitiскомъ отношеніи, т. е. для механизма письма“.

Алфавитъ Годфруа состоять изъ прямыхъ черточекъ, точекъ и полукруглыхъ. Такъ гласомъ, такъ и полугласные звуки, имѣютъ по два знака (см. таблицу I). Значеніе искать идти по линии, и потому мы не будемъ останавливаться на рисункахъ алфавита. Замѣтить здесь только, что авторъ старается соблюсти пѣкоторымъ требования фонетики. Такъ, онъ обратилъ внимание на то, что слѣдовало бы дать два знака для тѣхъ двухъ звуковъ, которые теперь изображаются однимъ буквой *s*, но однако оставлять для нихъ одинъ знакъ. На верху линии есть „помѣстить пары согласныхъ, которые дѣляются самой внешней частью письмена, т. е. губами; а другія исходить постепенно, такъ, что производимъ горломъ помѣстимъ языкъ“. Точно также и гласомъ Годфруа дать положеніе „по естественной таблицѣ гласомъ“, — на верху чертежа помѣстивъ гласную я, коея произложеніе очень отверстое, а потому другія, исходя постепенно до буквы у, коея звукъ самый глухой⁷. Конечно, въ распределеніи звуковъ „по естественной таблицѣ гласомъ“ можно замѣтить ошибки (напр. у Годфруа звукъ с поставленъ выше звука я, хотя посѣдний въ есть самый высокий звукъ человѣческаго голоса), но уже самая попытка такого распределенія весьма замѣчательна для того времени.

Для того, чтобы знаки, написанные на различныхъ линияхъ, были связаны между собою, они пакутся болѣшими, чѣмъ въ натуральную величину (см. табл. I); въ такомъ случаѣ звуковъ ихъ опредѣляется положеніемъ ихъ конца; напр. въ словѣ „спить“ средняя перпендикулярная черта простирается черезъ три линии, но конецъ я въ находится между первой и второй линией, и потому конь черты означаетъ звукъ я. Такъ какъ начальши знакъ слова не служить для связи буквъ, то увеличенный разїѣръ такого знака заключаетъ въ себѣ дѣй буквы; напр. въ глаголѣ словѣ „спить“ первая косая черта оканчиваетъ буквой с и я; — въ первомъ знакѣ имѣть значеніе и начало, и конецъ его. Промежуточныи части прямыхъ чертъ ничего не означаютъ. Точно также вовсе не имѣть значенія прямы линии, оканчивающиися полукруглыми загибами; только постѣдний означаетъ какой-нибудь звукъ, прямы же линіи служатъ лишь для соединенія. Если же желательно, чтобы въ правомъ имѣло значение, то необходимо краевъ знакъ дѣлать такъ, чтобы онъ образовалъ уголъ съ прямой чертой (см. въ табл. I прямѣры „богъ“ и рядомъ „бр“).

Такъ какъ каждый звукъ имѣть два знака, то каждое слово можетъ быть написано въ сколькихъ способами (см. примеръ „спить“,

„житъ”, „створи”); необходимо выбрать толькъ способъ письма, который наиболѣе выгоденъ въ графическомъ отношеніи. Это обстоятельство крайне затруднительно для практики; конечно, жить возможності при самомъ письмѣ избирать удобѣшее начертаніе знаковъ. Въ виду этого Годфруа предлагается „пріобучиться писать всѣ корни языка, испытывая каждъ изъ нихъ различия соединенія знаковъ, которыми могутъ скласть начертаніе удобѣшнее” (стр. 168). Предполагая число корней равнымъ 3000, Годфруа разстѣняется, что изъ 15000 есть ходно всѣ выписать и то, если повторять такое упражненіе три раза, необходимый для скорого письма навыкъ будетъ пріобрѣтенъ.

Уже изъ сказанного видно, что система Годфруа отличается значительной замысловатостью. Многочисленныя частные правила еще болѣе запутываютъ теорію; практика же крайне затрудняется, врѣхъ упомянутаго выбора начертаній, еще и безвыгодными сокращеніями, составленными совершенно произвольно: фигуры, означающія извѣстныя окончанія, извѣстненія или начальные приставки, не имѣютъ также отдаленнаго сходства съ знаками, которыми можно было бы написать тоже самое иссокращенно; изученіе такихъ сокращеній должно требовать грамматической памяти и пронаднаго труда. Между тѣмъ авторъ обожаетъ сокращенія, ставитъ себѣ въ особенность застугу: „адѣсъ-го пашата”, говорить онъ, „система моя показываетъ съ изобиліемъ и, скажу охотно, съ рас простирательностью, послѣ которой ничего болѣе желать не можно”. Если эти слова авторъ для насыщть иллюстраціи, за то для насыщть особенности важно съдѣляющее зачѣтаніе его о своей системѣ. Онь говоритъ на стр. 166: „Всѣ пристѣнчивые люди совершенно знаютъ, что и съ самой кратчайшою и лучшимъ образомъ составленною системою писанія всегда цѣвозможно будетъ склоняться къ разговорамъ... и я не имѣю столько высокогбѣрія, чтобы привнесывать засѣкъ та кое совершенство, до коего совсѣмъ невозможно достичнуть” (кото рое никакъ достичнется чесуръ, прибавлять ли въ скобкахъ). Вероятно, авторъ утверждаетъ, что два писца, записывая фразы поочередно, могли бы услышать по сто системъ за самую быстрюю рѣчь; такимъ образомъ даже самъ Годфруа признаетъ, что его письмо въ два раза медленѣе честной рѣчи.

Заключимъ наше разсмотрѣніе системы „российской охиграфіи“ любопытными словами ее автора относительно трудности изученія системъ. Вотъ эти слова: „Чтожъ извѣстна до труда дать всегда

и точно каждому начертанію приложенное ему имено, то известно, что сда неизрѣченіе неизѣе трудасти играть съ точностью на скрипкѣ наприиѣръ... ибо скорописецъ всегда смотрѣть на свой инструментъ, ежикъ могу употребить сіе слово... а музыкантъ лишаетъ себѣ выгоды. Однакожъ весьма часто видать вѣнтисты, которые съ позадищемъ тонкостью и при первоначальномъ смотрѣніи на книгу играютъ музыкальный сочиненій, требующія въ изначеніи письмъ быстроты, почти молїй подобной. Наконецъ леркость, съ которой я самъ, хотя инастрагаюсь, послѣ недавно въ Россіи прѣѣхавшій, преборно писалъ по россійской охиграфіи, всѣ возможныя позраженія простираются и сажаешь рѣшительнымъ образомъ оправдѣваєтъ” (стр. 170—171). Однако, несмотря на столь убедительныя доказательства, сочиненіе Годфруа прошло совершило безскажно, и только быть можетъ въ паштѣ охотниковъ увлекаться искусствомъ письмомъ.

Съ теоретической стороны сочиненіе Годфруа представляется чисто разработаннымъ и весьма старательно привѣщеннымъ къ особыстїи русскаго языка; система весьма острумна и уловиста рѣзко одному изъ главныхъ условій письмъ языка, такъ какъ каждый звукъ выражается лаптъ одною чертою (и въ началь слогъ иногда одна черта означаетъ даже два звука); но... совершило же удовлетворяетъ грутымъ условіямъ и потому погружено въ практикѣ. Отрывокъ създанія письма по системѣ Годфруа, приведенный въ концѣ I-й таблѣ, слѣдующий: „Рядился звукъ вѣтеваго колокола, и вскоротулъ сердца изъ Новгородъ. Оди семействъ выражаются къ обѣйтѣ сулрую, и дѣтей, чтобъ спѣвать, куда зовѣть ихъ отечество. Педоумѣніе, сирахъ и надежда вѣкуютъ граждансъ шумныхъ тодами на великую площадь. Всѣ спрашивали, никто же отвѣтствуетъ”.

Слѣдующее по времени приложеніе стеноографіи къ русскому языку принадлежитъ барону М. А. Корфу*. Сочиненіе Корфа посвѣтилъ слѣдующее заглавіе: „Графодромія или искусство скороиска. Сочиненіе г. Аста, передѣланное и привѣщенное къ русскому языку барономъ Михаиломъ Корфомъ. Слѣд. 1820”. Годъ выхода сочиненія указываетъ на то, что оно было „плотиной доступомъ первой молодости автора”.

* М. А. Корфъ былъ долгое время директоромъ С.-Петербургской Публичной библиотеки засѣка, генерал-губернаторомъ П. стѣ, собств. Р. И. П. канцелярии и представителемъ Департамента Полионовъ Государственного Совета; умеръ 3-го янв. 1876 г.

на что она и самъ обращаетъ послѣдніи вниманіе печати^{1).} Появленіе сопливію императорскому царевосельскому лігюю²⁾. Изложенію теоріи предшествуютъ два предисловія—Борфа и Астле. Въ смыслѣ предисловія Борфъ высказываетъ ту мысль, которую мы видѣли энграffомъ къ памятнику сочиненію, и прибавляетъ, что она съ благодаřеніемъ будетъ принимать замѣчанія, по осложніи которыхъ исправлять изгрызости, „когда публика потребуетъ втораго издания“: Но книга Борфа не имѣла успѣха и еще въ 1841 году продавалась аукциономъ его экземпляры.

Но предисловія Астле излагаютъ только стениграфію (авторъ исходу протить себѣ занятъ), что „графодроміи пишутъ подъ диктанть изображеній“) и краткая исторія этого искусства. Указаніе на недостатки Тайлеровъ (или Телеровъ) системы (изъ которыхъ глаголъ слѣдуетъ транзитъ изображеніе глагольныхъ въ срединѣ слова), Астле продолжаетъ: „Тайлеръ, котораго замысловатая система измѣрила всѣ существовавши до нея, помѣши велкую славу, хотя и оставилъся далече отъ своей цѣли... Понему можно судить о достоинствахъ этого сочиненія, если слободить, что однозначными числомъ знакомъ графодромія выражаетъ двойное противу стениграфіи^{3)*}) число буквъ и звуковъ“. Впрочемъ, Астле тотчасъ же прибавляетъ, что конечно графодроміи съ теченіемъ времени будетъ все бодре совершенствоваться и что она можетъ считать себя, поѣдноѣ большей части

¹⁾ См. № 236 «Сборникъ Издѣлій, 1841 г.—Письмо въ издательство барона И. Борфа, на позднѣй обложкѣ книгодрука Залитина, что у него поступила на продажу книга Борфа «Графодроміи и т. д.». Борфъ здесь прямо говоритъ: «Но никакъ слухъ не поступалъ сего есть однозначное противопоставленіе моему письму, сбо то, что въ письмахъ въ 1820 г., напротивъ, въ первоѣ молодости, можетъ быть совершенно противоположно генеральному посланію языку не звукъ и не согласный, не склоненіи именъ отношеніемъ». Нельзя видѣть, что самъ авторъ гораздо кирѣе отошелъ отъ своихъ трустъ, чѣмъ тѣ, которые находили его востинѣ особенно замѣтительныи тѣмъ, что они противоположно учили практикѣ русскаго языка.

²⁾ По посыпѣ книжкѣ присоединяетъ списокъ особъ, „благодарившихъ подлиннѣсть въ сию книгу“; размѣщены эти списки по членамъ. Между „имъ землекопа-городника, вступившаго книгу Графодроміи, въ книгу „имъ Бакогородскаго“—А. С. Пушкинъ, который—конечно, „графодроміи“ не применялъ никакой целикъ въ нихъ занятияхъ“.

^{3)*} Всѣ стениграфіи назывались собственными именами Тайлеръ; и то время слово „стениграфія“ еще не употреблялось въ качествѣ родового названія.

сокращъ предшественниковъ, положившихъ послѣдній предѣлъ искусству сокращать письмо.

Астле пишетъ для графодроміи тѣ же знаки, и Тайлеръ для своей стениграфіи; первый, какъ и послѣдній, не выражаетъ половины согласныхъ, но за то выражаетъ глагольные звуки, хотя и не точно. Въ составѣ графодроміи вовсе не входитъ согласия: б, д, т, ф, з, ц, ж, ч, ю; все эти звуки изображаются апомонтическими согласиями (напр. б замѣняется черезъ и; ж, ч и ю замѣняются буквой и). Всюда въ употреблении вовсе, а въ употреблении только въ концѣ слова. Точно также опущены гласные: я, ё, м; послѣднія изображаются透过 и. Не смотря на все это, Борфъ утверждаетъ, что „точность и ясность составляющія отличительную черту этого искусства“ въ графодроміи Астле. „Кто не пойметъ, пшрнкѣръ“, воскликнѣтъ она, „что слова: исполніе, любовь, кутать, знатать: изобиліе, любовь, гулять?“ Но кто пойметъ, спросятъ мы, что значитъ слова: сидѣть, шаль, чуть, если звуки с и ѿ, ѿ и д, ѿ и ж, ѿ и б выражаются одинаково? Мы поможемъ прочесть: садомъ, шаль, чуть, но никто не уѣдетъ прочесть и задомъ, жаль, будь,—лѣдъ по смыслу читать не всегда можно.—не говорихъ уже о строго научныхъ требованіяхъ. Легко познать, сколько двусмысленностей можетъ породить такое письмо.

Изѣль, тѣ графодроміи даютъ знаки только для согласныхъ: въ, х, ж, т, с, з, н, л, р, с и ж (см. табл. II). Авторъ предлагаетъ читать всегда сначала эти звуки и потомъ уже исправлять контекстъ, ставя въместѣ несъупругихъ звуковъ аналогичные. Тѣ-же знаки, которыхъ изображаются унонупные звуки, служатъ въ срединѣ слова для выражения словъ си—ши, се—ни и т. д. (а съединительно и для выражения словъ еб—иб, ег—иг и т. д.). Такимъ образомъ единъ и тотъ-же знакъ въ срединѣ слова хощеть изѣть шесть значеній (напр. и—б, си—ши, еб—иб). Авторъ опять предлагаетъ правило для чтенія: сначала слѣдуетъ читать слогъ, начинавшійся съ с, заканчившій простой согласной звукъ и начинецъ уже, если слово все-таки будетъ выходить неизѣрно,—читать звукъ за слогъ, начинавшійся съ и. Пре писать по системѣ Астле слова раздѣляются на слоги, но не обособленіе, а начинавшійся съ глаffой буквы: такъ, чтобы писать „сарапавъ“, нужно последовательно написать слоги: се, ар, ав, ав. Это должно немало затруднить изученіе системы на практикѣ. Слоги аи, ии и т. д. выражаются особыми знаками (см. табл.), причемъ тѣ же знаки въ срединѣ слова изображаютъ слоги он, он и т. д.;

только слоги *ах* и *ох* имеють знаки, отличные отъ *а* и *о*. Чрезъ прибавленіе точки къ знакамъ для согласныхъ *и*—*и* и т. д. получаются знаки для слоговъ, начинавшихъ съ *и*, а точки, прибавленіемъ къ знакамъ *и*—*и* и т. д., выражаютъ слоги *и*—*и*, *у*—*и* и т. д. Такимъ образомъ въ срединѣ словъ не гласные звуки даются только некоторой частью, что, изъ склонъ къ неточнымъ выраженіямъ согласныхъ, должно дѣлать свободное чтеніе стемографами полагательно невозможнымъ.

Одѣльныя язаки для гласныхъ (г. II) употребляются въ концѣ словъ или тогда, когда гласные звуки составляютъ отдельное слово. Въ началѣ и въ концѣ слова лучше выражать слоги съ начальными гласными совершенно точно, исключая слоги *и*—*и* и т. д., которые въ началѣ словъ выражаются совершенно одинаково (см. табл.).

Имеются въ разматриваемой системѣ и сокращенія для окончаний, некоторые изъ которыхъ предлагаются выражать просто точкой и т. д. Кроме того предлагается самому употреблять, когда этоъ склоняется чѣмъ-либо въ графологии, „примутъ еще тысячу сокращеній, съ которыхъ ускорится и облегчится письмо“*. Данные особые знаки препинанія, по счи еще сложнѣе обыкновенныхъ, какъ можно видѣть изъ табл. III.

Подстрочный переводъ привѣротъ и отрывка, написанныхъ по системѣ Астье, лучше всякихъ разысканий показываютъ, какова точность этой системы (см. т. II и III; только часть отрывка приведена написанного раздѣлена и съ переводомъ (подобно тому какъ и на табл. I); все же содержаніе трехъ строчекъ слогового письма, написанныхъ на т. III, есть слѣдующее: „Пальба умолка; въ дни города раздавались только уши мечей, стоны убийствъ, клики побѣдителей. Главный военачальникъ присыпалъ сказать государю: радуйся, благочестивый самодержецъ! Твоимъ лукостою и счастьемъ побѣда совершилась: Казнь наша. Паръ ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ пѣну“. Что-же касается до оценки системы Астье въ графическихъ отношеніяхъ, то мы уже имѣли случаи познакомиться съ геометрическими системами въ этомъ отношеніи; мы сказали, что геометрическимъ системамъ вообще мало пригодны для написанія за говорящими, и, хотя они до сихъ поръ употребляются для этой цѣли въ некоторыхъ странахъ (наср. въ Англіи и во Франціи), но требуютъ несравненно большаго количества сокращеній, чѣмъ системы графической. Притомъ, сгѣдуется замѣтить, что новѣйшия геометрическимъ си-

стемы значительно превосходятъ систему Астье по точности и даже по удобству для письма.

Въ 1844 г. въ Москвѣ появилась анонимная брошюра „Стемографія или искусство писать также скоро, какъ говорить“, представляющая простой переводъ съ французской съ присоединеніемъ кое-какихъ разсужденій о russkikhъ склоненіяхъ и саржавыхъ; сама же система совершенно не приспособлена къ russkому языку, это приспособленіе продолжается съ每一天 читателю. Въ той же мѣсяцѣ система французской стемографіи, въ таблицахъ помѣщены французские прѣѣры, и только забука дана для russkого языка; съ ми и воспроизведутъ на табл. III. Вообще брошюра не заслуживаетъ особаго вниманія.

Черезъ 1 года въ Москвѣ же издана также скромнѣстимъ авторомъ, обозначившимъ свое имя и фамилию трехъ буквами С. Н. К., „Стемографическая азбука“, оставшую дохорошеннія и не обхваченную въ авторѣ никакого графическаго туты,— по то чго помѣщены. Носятъ таго, что было сказано во введеніи, читателя съѣдѣтъ при первомъ взглядѣ на эту азбуку, что письмо обыкновеннѣи будемъ должно быть гораздо быстрѣе письма позадѣшнаго автора.

Первое пріемѣніе графическихъ системъ къ russkому языку было съдано въ Вѣнѣ въ 1849 г. профессоромъ Гегеромъ (Geger), котораго Цейбихъ называетъ аристократомъ Габельсбергеровой стемографіи въ Австрии. Сочиненіе Гегера носить довольно длинное заглавіе: „Kurze Anleitung zur Steno-Tachographie fü r die vier Slavischen Hauptsprachen als: die böhmische, polnische, litauische und russische“ и т. д.; начинчано оно параллельно на чешскомъ и немецкомъ языкахъ. По свидѣтельству Цейбиха, *) оно было отъѣзжено на запросъ со стороны russkаго правительства иѣзъ значенному Габельсбергеру,— пріемѣнѣла его систему къ russkому языку. Однако коротенькія брошюры Гегера особаго вниманія не имѣть, такъ какъ пріемѣніе системъ къ техническѣмъ изысканіямъ слишкомъ мало разработано. Азбука и прѣѣры стемографического письма приведены параллельно для всѣхъ четырехъ языковъ. На табл. IV приведены вѣдь строчки russkого письма по системѣ Габельсбергера, взятая изъ брошюры Гегера; это „Отче нашъ“, волчья словака „лю-ша и мы оставляемъ“. Прѣѣры у Гегера помѣщены въ самыя густѣ и такъ мелки, что трудно разобрать ихъ.

*) Russische Revue, 1853 г., т. Венѣ, 5, 326—331.—Die Stenographie in Russland, von Dr. J. W. Zeißig.

Шаконецъ, чтобы докончить съ первою перюдою, упомянутъ о сочиненіи М. И. Иванова *) „О стенографіи или искусстѣ скрописи и прауденіи ея къ русскому языку”, изданномъ въ 1858 году. Считала на соприкосновіе Иванова не обратили никакого вниманія, но уже въ 60-хъ годахъ о его системѣ заговорили, начались запечатленія и проектированія ея, и даже первыя практическія стенографы у насъ были по этой же системѣ.—Обо всемъ этого и поговоримъ ниже, теперь же скажемъ только со словъ автора, что она еще за 25 лѣтъ до того (т. е. до 1858 г.) составляла стенографіи для русского языка и занимавшія посрѣдствомъ нея гаузианцы ихъ лекціи, но, начавъ учиться уже въ возрастѣ, не могъ достичь таинъ быстроты, чтобы слѣдить за говорѣніемъ. Авторъ полагаетъ, что стенографіи следуетъ учиться съ малолѣтства, когда члены нашего тѣла еще гибки, также какъ необходимо привыкнуть руку къ движеніямъ, по разнымъ направлениямъ (система Иванова принадлежитъ къ числу геометрическихъ; имъ разсмотрѣть ее впослѣдствіи отѣльно).

Перейдемъ теперь во второму периоду въ исторіи русской стеноографіи.

Видѣть съ извѣстіемъ судебной реформы обратили вниманіе и на стеноографію, и правительство приняло за себя заботы обѣ образованій стенографовъ. Но будемъ говорить словами официальныхъ издаѣй.

Изъ „Журнала Министерства Юстиціи“ **) читаемъ: Министерство Юстиціи обратило вниманіе на то, что для изложения на письмѣ судныхъ рѣчей, произносимыхъ выслушавши, а также содержанія язвительныхъ показаній подсудимыхъ, свидѣтелей и другихъ, при угощашемъ судъ, претставляется необходимымъ иметь въ судахъ опытную скорописецъ, стенографъ. Имѣя въ виду, что образованіе къ требуетъ времени, и что искусство это, всевозможное уже въ Германіи на стоянѣ падъ, почти въсе извѣстно у насъ, Министерство попло черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ сношеніе съ Директоріемъ Стеноографическими об-

*) Тогда полковника, капитана гвардии-лейтенанта и членъ военно-учебного комитета гвардейского штаба. Родился Ивановъ въ 1806 году, умеръ въ 1874 г.

**) Поздро 1865 г.—Сейчасъ съ ходу работъ по изложению къ действующей судебнѣй реформѣ. стр. 257.

ществомъ и просило его отныне о достоинствѣ составленнаго учредителью Одесскаго частнаго училища Ренеасомъ стеноографическаго ключа русскаго языка.—Древлѣское общество, давъ удостовѣрительный отсѣкъ о трудахъ Генези, изъявило при этомъ готовность содѣствовать посвѣченію у насъ стеноографіи.

„Между ггми Государь Императоръ, по выслушаніи возраженій въ Совѣтѣ Министровъ написалъ, потому что ему слѣдовать Министерству Юстиціи для успѣшнаго содѣствія преобразованію по судебнѣй части, Выполните посвѣщеніе соизволіемъ: здѣсь Министру Юстиціи, совокупно съ Главнотправляемымъ II Отд. С. В. И. В. Балцеларіи и съ Министромъ Шерифного Пресѣнія, въ подобное обсужденіе дальнѣйшихъ чѣмъ въ развитію русской стеноографіи и приложенію ея къ юридической практикѣ. Во исполненіе этого высочайшаго повелѣнія, для установлениія необходимыхъ главныхъ оснований примѣненія стеноографическихъ знаковъ къ русскому языку и для обсужденія способовъ приготовленіяъ пѣкотораго числа преподаваемыхъ стеноографій для нашихъ гимназій... составлена была, подъ предсѣдательствомъ Попечителя Слѣд. учебнаго округа, т. е. Делянова, особая комиссія, членами которой назначены: отъ II Отд. т. е. барона Торнау, отъ М-ва Юстиціи—с. с. Сушевъ, а отъ М-ва Нар. Присв.—директоръ Слѣд. гимназій, членомъ особыхъ порученій Ф. Брадке, который въ 1863 г., въ Высочайшемъ соизволеніи, поскольку былъ за границу съ цѣлью изученія въ Германіи современнаго состоянія стеноографіи, и является кругомъ лицъ“.

Комиссія эта, по обсужденію предложенныхъ ей вопросовъ, пришла къ сѣдующимъ заключеніямъ: 1) Книжъ для практическаго, такъ и для интересовъ частныхъ лишь не только важно, но и необходимо, дабы въ учрежденіяхъ судебнѣхъ и администраціонныхъ, где бываютъ происходить сложныя процессы, которыхъ могутъ быть опасны за убѣжденіе лица, бѣла употреблена одна стеноографическая система, которую и должно признать официальную или правительственную.—2) При введеніи обучения стеноографіи изъ учрежденій отъ правительства учебныхъ заведеній, оно должно и чѣмъ превзойти по цѣлью приготовленіе публичныхъ присяжныхъ стеноографовъ, а для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы преподаваніе стеноографіи въ этихъ заведеніяхъ совершилось также по одной системѣ.—3) При этомъ комиссія, преподавая по практикѣ, что признаніе одной стеноографической

системы правительства должно быть сделано съ большю осмотрительностью и не паче, какъ, даетъ случай и время выездаться тѣмъ лицамъ, которые занимались приближеніемъ стеноографическихъ извѣстий изъ русскаго языка, принадла нужную объявить конкурсъ на составленіе сочиненія о русской стеноографіи ^{*)}). Кромѣ того комиссія поручила другимъ членамъ — Ф. Бриллю и Ф. Мессеру проработать начатую ими разработку приложениія системы Габельбергера къ русскому языку и представить свою работу комиссіи ^{**)}.

4-го января 1864 г. журналъ заѣданій комиссіи былъ выслушанъ въ совѣтѣ министра народного просвѣщенія, практикъ комиссіи представила проектъ общихъ правилъ о конкурсе и своимъ соображеніемъ о конкурсе и введеніи обученія стеноографіи; по проекту комиссіи срокъ представленія сочиненій на конкурсъ былъ назначено 31 марта 1864 г. Состѣвъ министра, согласившись съ комиссіей во главѣ съ ее предсѣдателемъ, сдалъ вѣдомости комиссіи и, что важнѣе всего, отдалъ срокъ конкурса до 1-го октября того же года ^{***)}. Вокругъ послѣ того (изъ начальнѣ февраля) было опубликовано объявление о конкурсе, на съдѣющихъ условіяхъ: сочиненія, рукописныя или печатныя, заключающія въ себѣ самостоятельную систему или приложеніе иностранной системы, должны быть непремѣнно разработаны въ видѣ учебника для средняхъ уѣбныхъ заведеній; въ востороженіи автору того сочиненія, которое будетъ признано комиссіей наиболѣе удовлетворительнымъ, познанна премія въ 1.500 руб., а кромѣ того обѣщано, что такое сочиненіе будетъ напечатано, если оно представлено въ рукошии, на счетъ правительства въ количествѣ 1,200 экземпляровъ съ предоставлениемъ ихъ въ пользу автора.

Въѣдѣтие сказаннаго объявленія было прислано въ комиссию 28 конкурсныхъ работъ по русской стеноографіи. Для участія изъ разсмотрѣнія этихъ работъ комиссія пригласила соспѣшниковъ по филологіи — академика Шиффера и профессора Слѣб. университета Сухомлинова ^{****)}.

^{*)} Св. «Оборотъ постановленій по И-му Нар. Прес.: т. III, — октябрь 3-го 1863 г.»

^{**)} «Журн. И-го Нар. Пр.,» 1864 г. мартъ, ч. I, стр. 88.

^{***)} Ibidem.

^{****)} Св. „Beitrdge zur Geschichte und Statistik der gesetzten und Schulerstalten des k. ges. Min. der Volksbildung“ von Wohlauer.

Только же изъ посыпалось краткое извѣстіе отъ комиссіи («Синопс. Почты» 1865 г. № 146) о результатахъ конкурса. Ни одно сочиненіе не было признано вполнѣ удовлетворяющимъ условіямъ конкурса и потому ни одно изъ нихъ не удостоилось преміи. Въ заключеніе извѣстія напечатано: «Лювода о семъ до общаго съѣзжанія, комиссія стигается въ тоже время толгть заявить, что изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій — два (именно: «Руководство къ русской быстрописи», сост. по системѣ Габельбергера Ольховаго и «Русская краткость или стеноографія по папахамъ Шильце», сост. гг. Паульсонъ и Мессеру) заключаютъ въ себѣ, по мнѣнію съ, много данныхъ для того, чтобы, при некоторой дальнѣйшѣй ихъ разработкѣ, они съ полной силой быть примѣнены за руководство при преподаваніи стеноографіи».

Таковыя представляются дѣло съ офиціальной стороны: въ благородствѣ обратили вниманіе на необходимость стеноографіи, вошли въ спомѣтѣ съ инструкціями стеноографическими обществомъ, быть отправлены членами, для изученія состоянія стеноографіи въ Германії, назначенна специальная комиссія и наконецъ даже объявленъ конкурсъ съ довольно значительной преміей. Были бы при первыхъ взглѣдѣ, что все ходило волево, какъ скажутъ; однако при более внимательномъ чтеніи приведенныхъ офиціальныхъ извѣстій выясняется некоторая недоразумѣнія.

Прежде всего можетъ явиться сомнѣніе, действительны ли было признано во вѣдомсвѣ, что «образованіе опытныхъ стеноографовъ требуетъ времени»? Мы увидимъ ниже, что первые суды тѣмъ были открыты, а практическія стеноографы по системамъ Шильце и Габельбергера еще не было. Затѣмъ, можетъ показаться странно, что къ специальнѣо-стеноографическому вопросу призываютъ вопросъ педагогическій; возникло-бы, что сначала слѣдуетъ разрѣшить вопросъ о превосходствѣ той или другой системы и уже потомъ объявлять какой конкурсъ на составленіе учебника по этой системѣ: обработка въ формѣ учебника могла затруднить первоначально автора, хотя бы система и была хорошей. Даѣте, чрезвычайно странно, что для представленія сочиненій на конкурсъ быть назначеннѣй такой малый срокъ. И въ самомъ дѣлѣ, разъ не упомянуто, что для составленія стеноографической системы было назначено только 6 мѣсяцевъ, тогда какъ на составленіе энциклопедическихъ учебниковъ дается час то больше года времени? Между тѣмъ, составленіе стеноографической системы, помимо трудности самого дѣла, встрѣчаетъ требовать значительного време-

и для практической проверки теоріи. Относительно того, что комиссія назначила такой короткій срокъ, могутъ быть допущены два объясненія: или жалаги наверстать потерянное раньше время, или же даже не допускали мысли о томъ, что самостоятельная русская система можетъ быть лучше иностранной, таъкъ какъ на применение чужой системы къ русскому языку, пошалуй, и 8 вѣковъ достаточно. Послѣднее предположеніе находить себѣ косвенное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что комиссія поручила группу своихъ членовъ заняться приведеніемъ къ русскому языку системы Габельсбергера. Спрашивается, къ чему нужно было хавать порученіе и опубликовывать о немъ передъ самимъ конкурсомъ? Равно не производится въ подобныхъ случаяхъ некоторое давленіе на конкурсующихъ, которые въ такомъ порученіи могутъ увидѣть выраженіе предвзятыхъ взглядовъ комиссіи? Польза не соизволѣтъ и о томъ, что большинство членовъ комиссіи вовсе не было знакомо со стеноографіей. Наконецъ, можно удивляться и тому, что на разсмотрѣніе конкурсныхъ сочиненій потребовалось больше времени, чѣмъ па нихъ составленіе, и что комиссія опубликовала только краткую замѣтку о результатахъ конкурса, а не подробній отчетъ. Это послѣднее важно хотя бы даже потому, что подробній отчетъ задѣ-бы имъ понятіе о тѣхъ матеріахъ, никакимъ руководствомъ комиссія, отдавъ предпочтеніе двумъ вышеупомянутымъ сочиненіямъ и не удостоивъ ихъ то-же зренія ни одного преміи; можетъ быть изъ этого-же отчета мы узнали бы фамиліи тѣхъ авторовъ, которые по посыпаліи скрылись подъ девизами; въ настоящее же время остается только догадываться, какія сочиненія были представлены на конкурсъ.

До сихъ порь мы говорили о заботахъ правительства относительно развитія русской стеноографіи; посмотримъ теперь, какъ развивалась стеноографія на самочу дѣлѣ.

Мы упомянули о томъ, что въ 1858 г. вышло сочиненіе Иванова „О стеноографії“. — Изъ двухъ писемъ г. А. Шевякова, помещенныхъ въ журналь „Учителѣ“ 1862 г., мы узнаемъ, что г. Шевяковъ избрѣлъ около того времени свою собственную оригинальную стенографическую систему. Въ 1863 г. вышла въ Дрезденѣ „Русская стеноографія“ проф. Цейбиха и бар. Торнау, — привѣсіе къ русскому языку системы Габельсбергера; въ 1864 г. это сочиненіе вышло 2-ію издачей. Такимъ образомъ еще до объявленія конкурса у насъ имѣлись три стенографические системы помѣшаго происходивши. Шесть основанія полагать, чтобы эти системы не были представлены на конкурсъ, и относи-

тельно системы Иванова мы можемъ даже вѣковою положительными указаний въ чёмъ смыслъ, что она также рассматривалась комиссией. Можно предполагать, что я появившаяся въ 1865 г. брошюра г. Коренса подъ заглавіемъ „Основанія русской стеноографії“ тоже была выдана конкурсомъ. О достоинствахъ системъ г. Боренева можно судить по избранію IV, где приведены альбум и письмо его; оно вполне не обладаетъ чистотой, источно и не особенно кратко. Гг. Паульсонъ и Мессеръ еще задолго до объявленія конкурса трудились надъ привнесеніемъ системы Штолле къ русскому языку; ихъ сочиненіе представляется наиболѣе разработаннымъ и добросовѣстнымъ изъ всѣхъ сочиненій по стеноографіи, вышедшихъ въ Россіи. Что касается до применения системы Габельсбергера къ русскому языку Ольхинъ, то это примененіе вѣковою отличается отъ разработокъ Цейбиха и Торнау: тогда какъ постѣдніе — приверженцы писмографіи, г. Ольхинъ того мнѣнія, что стеноографія должна быть самостоятельно разработана въ подробностяхъ для каждого языка.

Въ рассматриваемое нами время во обществѣ появился значительный интересъ къ стеноографіи, а въ литературѣ возникъ жаргон целикомъ между послѣдними системами Габельсбергера, Штолле и Иванова. Появилося положено статьи-корреспонденціи гг. Брадиса и Стасюлевича (проф. исторія), которыхъ были соавторами въ „Голосѣ“, а также въ „Журналѣ М. И. И.“; въ этихъ статьяхъ восхвалялась система Габельсбергера и, очевидно по наслышкѣ, поганѣроно порицалась система Штолле. На занятіи послѣдней выступилъ редакторъ журнала „Учителѣ“ (одинъ изъ редакторовъ которого былъ Л. Паульсонъ) съ рѣжкою статьюю, весьма остроумно осуждавшей бюрократическіе взгляды г. Брадиса, предлагавшаго учредить въ Петербургѣ прѣсто въ родѣ стеноографического департамента и прлагаясь изъ Германіи учителей стеноографіи, „хотя вѣковою знающими русскій языкъ“, таъкъ какъ „на первый разъ нельзя будетъ избѣжать чужой помощи“; статья журнала „Учителѣ“ предлагала учредить конкурсъ по стеноографіи съ преміей въ 4 или 5 тысячъ р. Конкурсъ, действительно, и состоялся, но, какъ мы видѣли, не привелъ къ ожидавшимся результатамъ, быть можетъ, вслѣдствіе исходокреативности условій и главнымъ образомъ краткости срока. Сказаными статьями начались полемика о стеноографическихъ системахъ, также не приемлема ни къ какому результату, таъкъ какъ многие изъ писавшихъ отличались большою имѣльностью, таъкъ значимостью стеноографіи; иногда въ одной и той-же газетѣ поддавались противорѣчивыя

свідція в статті. Защитник системи Иванова обвинивши упіралі в ті, що эта система есть будто-бы самостоятельно русская, національна, и что є необходимо противопоставить тімъ системамъ, корпора будто-бы підозрюються памъ чимпаки. Подобаго рода патріотическія доказательства нинішо не убѣдительни и претомъ підозрки, такъ какъ система Иванова вовсе не представляє чого-шебудь самобутньо-русского, хотя съ другой стороны несправедливи и ухърещія противники, что Ивановъ просто принадлежи къ русскому языку систему Теслера.

Система Иванова въ первое время имѣла то важное преимущество передъ другими системами, что только по ней издавались практическіе стекографы. Еще въ 1863 г. въсій министру издавались же-даніе имѣти стекографію въ числе исключительныхъ предметовъ курса военно-учебныхъ заведеній. Въ 1864 г. бывшъ приглашеніе, для преподаванія системи генераль-майора Иванова училищамъ спб. учащихъ военного вѣдомства — топографіи, г. Артоболевскій, преподавателъ въ индію Різ. Результаты его занятий съ топографиєю старшаго класса были весьма удачны^{*)}. Занятія продолжались съ марта до половины апрѣля и съ августа до конца октября при трехъ урокахъ въ недѣлю; всего было дано 61 урокъ. Въ лѣтнее время топографиіи воне не могли заниматься стекографіей, такъ какъ были на съезжкѣ, но, несмотря на это, въ октябрь двое изъ нихъ уже занимали застѣдніе спб. общества сельскихъ хохлевъ. Послѣ того Артоболевскій зовинъ своихъ учениковъ для практики въ различніи висшія учебнія заведенія, въ засѣданія вольно-народническаго общества и т. д. Планющи топографиа бывъ сдѣланъ окончательный виключень изъ стекографію въ приступіи вісійного министра, послѣдніе чого было практиканіе Артоболевскаго продолжать обученіе стекографії въ чинищѣ военного вѣдомства. За обученіе топографовъ Артоболевскій былъ даже награжденъ перстнемъ изъ Кабинета Его Величества.

Міністръ усіхъ възловъ Артоболевскій открылъ въ Петербургѣ публичные лекціи о стекографії и, какъ единственій въ то времѧ преподаватель этого искусства, выдали для той-же цѣліи въ Москву, тѣмъ, судя по початкову заявленію московскаго городскаго головы, всъма удовлетворительно и въ короткое время приготовилъ стекографію для ти-

ролской думы. Ею сожалѣю, Артоболевскій всъма погордилъ пропагандируемой имъ системѣ склони реклами, въ каторихъ предлагалъ, пользуясь новинкою дѣла и отсутствіемъ конкурентовъ, изучить стекографію каждаго изъ одинъ урокъ или за 100 рублей^{**)}). Не мало предполагало также системѣ Иванова то обстоятельство, что первые практическіе стекографы не были достаточно образованы, и вслѣдствіе того дѣятельность ихъ не била свободна отъ упрековъ. Въ 1865 г. Артоболевскій началь издавать «литографированій журналъ „Самоучитель стекографії“»; но это грязное по виѣности паташо, въ которомъ ничего не было, исключая названія системи Иванова и сценъ у мировыхъ судей, могло только оттолкнуть публику отъ свидѣнной системы.

Самъ Ивановъ вовсе не практикалъ участія въ поединкахъ по изводу его системы. Только разъ постыдилъ онъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1866 г. статью „Теорія стекографіи для русского языка“ (я то вовсе не политическаго характера), въ которой онъ выяснялъ принципы своей системы. Въ томъ же 1866 г. товарищество „Общественномъ Цольза“ издали руководство Иванова; на первої страницѣ руководства напечатано заявленіе отъ товарищества приблизительно слѣдующаго содержанія: такъ какъ товарищество поставило себѣ цѣлью изданіе дѣйствительно полезныхъ книгъ, то оно подвергло систему Иванова предварительному испытанію въ лицѣ четырехъ его учениковъ, которые поочередно съ точностью записали отрывокъ, размѣренъ въ печатную страницу, прочитавши иль доводило спорово. Это заявленіе, а также и другіе печатные отрывки о практической дѣятельности учениковъ Иванова заставляютъ сожалѣть, что не было удовлетворено ходатайство Иванова о томъ, чтобы учащіеся по его системѣ были допущены къ сочинительному испытанію наравнѣ съ учащими по системамъ Штольце и Габельбергера иль открытыхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія стекографическихъ курсахъ^{**)}). Хотя такое испытаніе и не могло решить вопроса о томъ, какая изъ стекографическихъ системъ лучше, но за то оно сразу показало бы непреткнность совершенно плохой системы, каковою считали систему Иванова ед противники. Постѣдніе сомнѣвались въ достовѣрности свидѣтельствъ о практической дѣятельности стекографовъ, обучавшихся по сказанной системѣ, но официальное испытаніе установ-

^{*)} См. „Народное благоустройство“ 1864 г. № 138 и „Голосъ“ 1864 г. № 318.

^{**)} См. введеніе въ «Руководству русской стекографіи» Установка.

^{**)} См. „Дѣятельность“ 1863 г. № 153 — первую статью.

важе-бы несомненно тот фактъ, что и по системѣ Иванова должно записывать за говорящимъ. Мы легко не сомнѣваемся въ этомъ въѣдрии тому, что ученики Иванова и Артоболевскаго достигали скорости, необходимой для публичнаго стенографа въ сравнительно короткое время (напр. въ 6 мѣсяцахъ), но полагаемъ, что стеноограммы этихъ учениковъ вовсе не отличались точностью. Дѣйствительно, въ № 59 „Судебнаго Журнала“ 1866 г.—газеты Министерства Юстиціи, мы находимъ весьма неблагопріятный отзывъ о точности стеноографическихъ отчетовъ,—а въ то время практические стеноографы учились только по одной системѣ Иванова. Такъ какъ система Иванова геометрическая, то она должна имѣть большое число сокращеній; между тѣмъ Ивановъ предлагаетъ лишь весьма ограниченное число изъ. Отсюда иено, что стеноографирующийъ пренужденъ произвольно сокращать слова иъ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ, конечно, точность исчезаетъ.

Редакція „Отечественныхъ Записокъ“ съ согласіемъ Иванова пыталась было устроить публичное состязаніе стеноографовъ различныхъ системъ, но на вилонъ, напечатанный въ № 17 этого журнала за 1866 г., отмѣтилось только пять стеноографовъ по системѣ Иванова; изъ прочихъ системъ не нашлось желающихъ состязаться—по той причинѣ, что тогда еще не было практическихъ стеноографовъ по системамъ Штольце и Габельсбергера. Въ послѣдующіе годы все жешло въ чисто създанию о стеноографіи Иванова, и въ настоящее время она совсѣмъ забыта. Обрагимся теперь слова къ забоямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія относительно образования стеноографовъ.

„Хотя къ сожалѣнію“, сказали въ „Журналѣ М-ва Юстиціи“ 1865 г. (№ 11), „при настоящемъ положеніи дѣлъ не можетъ быть и рѣчи объ обученіи въ учебныхъ заведеніяхъ стеноографіи по однобразной, съ исключениемъ всѣхъ прочихъ, системѣ, по какъ дадъшьѣшее отлагательство этого обученія, въ сажданіи составленія совершился по однѣй системѣ учебника, при настоящей судебнай реформѣ несгодно, то Министерство Народнаго Просвѣщенія уже въ юль настоящаго года приступило къ начертанію мѣръ для изданія обученія стеноографіи въ видѣ необязательнаго предмета, на первый разъ въ С.-Петербургѣ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, а разве и для открытия публичныхъ курсовъ стеноографіи для посторонніхъ лицъ“. Въ декабрѣ 1865 г. г. Ольхову временно было поручено преподаваніе стеноографіи при 6-й гимназіи, а въ апрѣль 1866 г. уже окон-

чательно; тогда-же открыты курсы стеноографіи по системѣ Штольце при 2-й сиб. гимназіи, на которыхъ преподавателями были по очереди гг. Паульсонъ и Мессеръ. Оба курса раздѣляли на бурсы для посторонніхъ лицъ и для учениковъ гимназій и уѣзжихъ училищъ *). Бурсы были безплатные. Избрать такимъ образомъ средний путь,—прекращеніе по двумъ системамъ (частью съ цѣлью сравненія ихъ), Министерство Народнаго Просвѣщенія сдѣлало большую ошибку. Многіе не знали, по какой системѣ начинать обучаться; многие, увидѣвъ, что изученіе стеноографіи вовсе не легкая, остановили курсы по одной системѣ и начинали изучать другую, которая оказывалась столь-же, если не болѣе, трудной. Кроме того, открывъ курсы для всѣхъ желающихъ, Министерство совершенно не позаботилось выяснить тѣ выгоды, которымъ можетъ доставить изученіе стеноографіи, и отсюда, при необходимости ученикъ, многие бросали совсѣмъ стеноографію, когда уѣхали, что имъ приходится употребить большой трудъ при сомнительной пользѣ отъ него въ материальномъ отношеніи. Наконецъ, неподдавшись и то упущеніе, что не было установлено никакихъ условий для поступленія на стеноографические курсы; вслѣдствія этого явилось для изученія стеноографіи, какъ свидѣтельствуютъ отчеты преподавателей, даже такій лѣда, который быкъ мало сбѣдущій русской грамматикѣ.

По изложенію выше приведемъ начало курсовъ не было удачно. Во 2-й гимназіи записалось на курсы для посторонніхъ лицъ болѣе 100 человѣкъ, но скоро число это уменьшилось, а послѣ лѣтніхъ вакансій для оконченія теоріи осталось только 24 лица; когда, по оконченіи теоретическаго курса, имъ были предложены занятия для практическихъ занятій, то этимъ предложеніемъ воспользовались только 12 человѣкъ и изъ нихъ двое къ декабря изѣду достигли скорости 70 словъ въ минуту, что соответствуетъ скорости обыкновеннаго разговора. Причина введенія курсовъ отчетъ **) гг. Мессера и Паульсона состояла въидное открытие курсовъ (перехъ ханикудамъ) и необязательность учения.

Въ ноябрѣ 1866 г. былъ открытъ 2-й курсъ по системѣ Штольце, на который записалось болѣе 300 человѣкъ. Такъ какъ не было возможности заниматься съ такимъ большимъ числомъ учащихъ и было

* Ж. М. И. П. 1865 г., ч. 130, стр. I, стр. 33.

**) Ж. М. И. П. 1866 г., ч. 133.

очевидно, что многие явились только из любопытства, то Паульсонъ положить продолжать занятия только съ тѣмъ, которое поедетъ въ-
школьныхъ лекцій представить удовлетворительную письменную ра-
боту; такъ оказалось только 76 чл. Въ январѣ 1867 г. начать
3-й курсъ, на который посѣтъ письменной работы осталось 42 человѣка. Впослѣдствіи оба курса слиты въ одинъ. Занятія продолжались
и лѣтомъ. Опять повторилось то же явление, что по окончаніи теорети-
ческой части число учащихся сильно уменьшилось, а къ концу 1867
года на 2 и 3 курсахъ осталось только 26 человѣка, — но близъ до-
стигнутъ большій успѣхъ сравнительно съ 1-мъ курсомъ, такъ какъ
нѣкоторые изъ учащихся достигли скорости до 100 словъ въ ми-
нуту *).

Курсы при 8-й гимназіи по системѣ Габельсбергера ит. началь-
тоже не были достаточно успѣшны; г. Ольхина причины малоуспѣш-
ности видѣть въ томъ, что учащимся было ненужнѣно, въ каждомъ
числѣ потребуются при служебной реформѣ стенографи и на какое
они могутъ расчитывать вознагражденіе. Иль отчета г. Ольхина **)
можно заключить, что пять 300 листъ, выанныхъ на курсахъ, къ концу
1866 г. 8 человѣкъ достигли значительной скорости (350 — 500
буквъ въ минуту).

Въ печати появилось только 2 отчета Паульсона и 1 — Ольхина, но
курсы продолжались пять года въ годъ, и всегда повторялось тоже явление:
въ началѣ курсовъ шло много желавшихъ обучаться стенографи-
и, но къ концу оставалось только 15-20 человѣкъ. Что касается до курсовъ для воспитанниковъ гимназій, то они вообще были весьма
неудачны, такъ что г. Паульсонъ не возобновилъ ихъ осенью 1867 г.
По его мнѣнію, польза отъ изученія стенографіи въ гимназіяхъ мо-
жетъ быть достигнута лишь при обязательности этого предмета и
при совершенномъ преобразованіи преподаванія паліографіи, но и то
и другое г. Паульсонъ считалъ неудобносполнимъ въ то время, —
«спышное-же прохожденіе стенографической системы въ короткій
срокъ (съ октября по апрѣль) положительно предъявляется на не-
уставляемій еще почеркъ воспитанниковъ, не говоря уже о вредѣ
въ практическомъ отношеніи, происходившемъ отъ всячаго поверхно-
стного учения». Впрочемъ, учитывая гимназій дама была возможность

посѣщать курсы стенографіи для постороннихъ лицъ. Ко 2-му своему
отчету г. Паульсонъ прложилъ свои соображенія о тѣхъ измѣн-
еніяхъ, которыми, по его мнѣнію, необходимо было сдѣлать въ устрой-
ствѣ стенографическихъ курсовъ. Первымъ условиемъ успешности пре-
подаванія на курсахъ описанъ спрощеніе правилъ практіи
съ единой системой, «хотя бы просто по жребію». Затѣмъ описанъ
такъ же требование отъ лицъ, поступающихъ на курсы, избѣ-
гать подготошки и обязательства оставаться на курсахъ 2 года, такъ
какъ «онѣ не должны, что приготовить хорошаго стенографа
раньше 2-хъ лѣтъ неѣ никакой возможности»; г. Паульсонъ обратилъ
вниманіе на то, что въ замѣтъ такого обязательства необходимо
дать учащимся уверенность въ томъ, что по окончаніи курса они
будутъ опредѣлены стенографами. Въ виду этого г. Паульсонъ пред-
лагалъ учредить при сиб. судебнѣй палатѣ стенографическое
бюро, по образцу заграниценныхъ, т. е. организованный кружики стено-
графовъ, тѣсно связанный съ курсами; члены бюро холмистовали
быть въ то же время преподавателями въ курсахъ, а конченіе курсъ
молодые стено графи начинатъ свою практикѣ подъ надзоромъ
большыхъ членовъ бюро; бюро могли бы снабжать стенографами
различныхъ мѣстъ Россіи. Таковы были предложения г. Паульсона, но,
къ сожалѣнію, они вовсе не осуществились.

Правда, были произведены огюбю комиссіемъ практическими испы-
таніями учащимися по системамъ Штоллье и Габельсбергера, но они не
дали никакого практическаго результата, такъ какъ преподаваніе
по двумъ системамъ продолжалось и послѣ того. Испытания были произ-
ведены 25, 27 и 30 ноября 1867 г. На всѣхъ трехъ испытаніяхъ ученикъ
г. Паульсона показывалъ лучшее стеноGRAMMЫ ученіе
г. Ольхина. Такъ, между прочимъ, комиссія нашла, что «представленія
учащимися у г. Паульсона стеноGRAMMЫ лучше стеноGRAMMЫ ученіе
г. Ольхина. При этомъ во всестоявшихъ стеноGRAMMЫхъ
учениковъ г. Ольхина замѣтыны были предложенія, въсѧ не дикто-
ванные, періоды безъ всякаго смысла и нерѣдко замѣты сіиже слить
другими *). Вокставленіи стеноGRAMMЫ учащимися у г. Паульсона
подобныхъ недостатковъ не имѣли и передавали текстъ съ большей

* Это поясняетъ, конечно, обусловленіе неудачи пользованіемъ логи-
ческими сокращеніями, о которыхъ мы вѣжливъ при разомѣрѣ системъ Га-
бельсбергера.

*) №. М. Н. П. 1868 г., т. 14, листъ

** №. №. т. 133.

точностию². Мы уже высказались во введении о составительных испытаниях и теперь не прибавим к этому ни слова.

Между тѣмъ стеноографія распространялась и по другимъ городамъ, кроме Петербурга.

Въ Москвой стеноографіи вообще не предѣтала. Постоянныхъ курсовъ стеноографіи тамъ вовсе не было читано. Въ 1866 г. пріѣзжалъ изъ Москвы Артоболевскій, а въ 1870 г. И. А. Устиновъ прочелъ лекціи о системѣ Габельсбергера.—тѣмъ и все, что наимѣло вѣдомство о преподаваніи стеноографіи въ Москвѣ. Въ 1886 г. тамъ издана „Стеноографіческій пропись“ по системѣ г. Шевякова, совершившему познаніемъ нашу печатью. Къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній о распространеніи системы г. Шевякова и о томъ, имѣлись ли по ней практическіе стеноографіи; такія свѣдѣнія были быѣть болѣе интересны, что упомянутая система совершила практикальна; мы разсмотримъ ее особо. Черезъ два года появилась въ Москвѣ же „Стеноографія“, составленная преподавателемъ стеноографіи А. Брайковскимъ и М. Прокудинымъ, по системѣ А. Брайковскаго³. Уже бѣлый вслѣдъ на виско г. Брайковскаго показываетъ, что его система есть лишь незадачливое видоизмѣненіе системы Шевякова. Объ этомъ сомнѣваться и самъ г. Шевяковъ⁴; г. Брайковскій былъ его ученикомъ и, замѣтивъ его занятия съ легкими измѣненіями, стала выдавать систему за свою. Въ 1871 г. тѣмъ-же г. Брайковскій выпустилъ изъ своего руководства по стеноографіи подъ заглавиемъ „Школа русской стеноографіи“.

Наиболѣшее развитіе стеноографіческое преподаваніе получило въ южной Россіи. Выѣхѣ съ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій въ Харьковскому судебному округу, измѣлся въ Харьковѣ и преподаваніе стеноографіи. Харьковское губернское земство пригласило съ цѣю цѣлью изъ свой счѣтъ И. А. Устинова, ученика барона Торнау. Первый безплатный курсъ стеноографіи по системѣ Габельсбергера (но практикѣ Цайбиха и бар. Торнау) былъ открыти 3 янв. 1868 г.; университетъ предоставилъ поѣдѣніе. Баронъ Торнау, который открылъ тогда новые суды въ Харьковскомъ округѣ, открылъ и курсъ стеноографіи свою рѣчью и затѣмъ пѣсколько разъ присутствовалъ на испытаніяхъ стеноографовъ. Въ Харьковѣ повторилось тоже явленіе, что и на стеноографическихъ курсахъ въ Петербургѣ: въ началѣ явился

очень много слушателей, но къ концу курса число ихъ сильно уменьлось. Но, не смотря на то, преподаваніе шло успѣшно: уже въ апрѣль 1868 г. двое лучшихъ учениковъ г. Устинова стеноографировали въ окружномъ судѣ, а въ сентябрѣ записывали въ засѣданіи Харьковскаго губернскаго земскаго собрания⁵). На испытанія стеноографовъ 3 октября бар. Торнау былъ приглашенъ сознаться, что онъ ошибался, когда говорилъ, что для образованія публичныхъ стеноографовъ требуется 2 года или, при самыхъ усидчивыхъ занятіяхъ, окань годъ времени. Харьковское земство продолжало поддерживать курсъ, и въ короткое время Харьковъ сдѣлалъ разсадникомъ стеноографовъ; изъ Харьковскихъ стеноографическихъ курсовъ выѣхались преподаватели стеноографіи, напр. изъ Одессы (г. Теникова) и изъ Харьковской юридической семинарии. Г. Устиновъ напечаталъ пѣщесколько руководствъ, а съ июля 1870 г. стала издаваться „Стеноографіческій Листокъ“, ежемѣсячное, весьма спрятное изданіе, авторированное (а отъ письменныхъ правилъ) параллельно обложенному и стеноографическому приложению. „Стеноографіческий Листокъ“ прекращался по цивільской цѣли причинѣ въ началѣ 1872 г. Не большие по объему №№ „Листка“ (по большей части 8 стр. 4⁵) въ цѣломъ включаютъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о дѣятельности стеноографовъ и преподаваніи стеноографіи, а также пѣсколько достойныхъ вниманія статей. Изъ „Стен. Листка“ мы укажемъ, что въ 1870 и 1871 гг. безплатное преподаваніе стеноографіи по системѣ Штольце въ С.-Петербургѣ не производилось—„но недостатку являющемся обучаться“, но что въ то-же время продолжалось преподаваніе по системѣ Габельсбергера при 6-й гвардии; въ 1872 г. преподаваніе по системѣ Штольце было вновьовано. Стеноографіческій-же Листокъ констатируетъ тѣтъ фактъ, что практическіе стеноографы занимались по большей части по системѣ Габельсбергера. Съ прекращеніемъ „Стеноографіческаго Листка“ исчезли свѣдѣнія о преподаваніи стеноографіи въ Харьковѣ. Когда прекратились тѣмъ тѣтъ публичного преподаванія стеноографіи, въ г. Устиновъ совершилъ оставшій преподавательскую дѣятельность, будучи занятъ своимъ обиженостямъ по редакціи „Харьковскаго Губернскаго Вѣдомості“, редакторомъ неофиціальной части которой онъ состоялъ.

²) «Русскія Вѣдомости», 1872 г. № 205.

³) См. предложеніе къ «Руководству стеноографіи» Устинова.

Въ другихъ городахъ давались огнь времени до времени частные уроки стеноографіи, а въ Одессѣ г. Тенишковъ публично читать рядъ публичныхъ лекцій съ довольно утвержденной платой; некоторые изъ его учениковъ сдѣлались практикующими стенографами. Г. Тенишковъ имѣлъ руководство по стеноографіи. Въ Кіевѣ нѣсколько сочинений по стеноографіи издано г. Дарскими, приверженцемъ системы Штольце. Въ разное время и въ разныхъ городахъ стеноографія по различнымъ системамъ преподавалась въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ частныхъ, такъ и казенныхъ (напр. въ Александровскомъ лицѣ,—по системѣ Штольце).

Обратимся снова къ Петербургу. Стеноографическіе курсы продолжались на привычныхъ основаніяхъ; руководства по стеноографіи издали по мѣсяцамъ изданій, но интересъ къ стеноографіи уже ослабѣлъ и о ней съ начала 70-хъ годовъ появляется очень мало сѣдѣній въ печати. Въ 1875 году разрѣшено было писателю поэзіи М. А. Терне преподавать, въ видѣ олица, при 2-й гимназіи его собственную систему (преподаваніе системы Штольце совершило прекращеніе^{*)}). Система Терна представляетъ видоизмененіе системы Штольце, построенное на совершенно новыхъ принципахъ; эту систему мы также разсмотримъ отдельно. Черезъ годъ особо назначеною комиссию было произведено испытаніе учащихъ у г. Терна и «результатъ оказался на столько благоприятнѣмъ^{**)}», что г. Тернъ разрѣшено было продолжать лекціи и на будущее время. Г. Тернъ издалъ учебникъ по своей системѣ въ 1874 г.

Въ томъ же году издалъ свою брошюру „Теорія русской стеноографіи“ г. В. Пунцовъ. Авторъ въ предисловіи старается уѣздѣть, что его система живетъ болѣею жизнью иль срочнѣе съ другими системами, но по нашему мнѣнію она не имѣеть никакихъ достоинствъ. Читателямъ можетъ убѣдиться въ этомъ, взглянувъ на образцы грехъ-стакановъ словъ, написанныхъ по системѣ г. Пунцова (см. табл. IV); большая часть словъ идетъ при письмѣ сверху внизъ, а избуза вонес не отмачаєтъ простотой. Нѣть сомнѣнія, что эту „систему“ никто не изучалъ.

^{*)} До того г. Тернъ былъ помощникомъ г. Шаульсона по преподаванію стеноографіи, а потому самостоительно преподавалъ въпіто Шаульсона систему Штольце при 2-й гимназіи до начала 1875 г.

^{**)} „Голосъ“ 1876 г. № 68; также „Соб. Вѣромѣти“ 1876 № 30.

Въ 1876 году опубликованъ „Уставъ С.-Петербургскаго общества стеноографовъ для запечатанія устнѣй рѣчей“ ^{*)}). Инициаторъ этого общества признался г. Терне, § 1 устава гласитъ: „Цѣль общества—доказывать, по требованію публики, опытныхъ стеноографовъ для запечатанія всѣхъ рода рѣчей и обезпечивать за изучавшими стеноографическое письмо постѣнную работу съ достаточными вознагражденіемъ“. Число членовъ общества (по точному смыслу устава) не ограничено. Члены общества могутъ быть стеноографы практики всѣхъ системъ безъ различія—послѣ надлежащаго испытанія. Члены дѣлится, для работы, на отряды, по 3 членѣка въ каждой, а выступающая поступаетъ въ общую кассу и, по истеченіи срока, дѣлится по равнѣи между всѣма членами. Всѣ члены составляютъ общее собраніе, на которомъ выбираются старшину, утверждаются размѣры зарплаты и пр. Текущія дѣла разрѣшаются старшиной. Въ уставѣ ничего не сказано о газ., на какой срочкѣ избирается старшина. Но сказано въ то, что „общество“ престѣдуется чисто гуманитарнымъ цѣлямъ и вовсе не имѣть въ виду пропагандировъ задачу.—что входитъ обязательно въ кругъ пѣлевъ стеноографическихъ обществъ въ Германіи. Намъ кажется, что разнообразный составъ членовъ общества—изъ представителей различныхъ стеноографическихъ системъ—можетъ привести къ недорогому и раздорному въ средѣ членовъ. О членѣ послѣдуетъ, также какъ и вообще о деятельности общества, въ печати не было никакихъ сдѣлкъ. Но, какъ мы слыхали, въ обществѣ были исключательно стеноографы системы г. Терна, который состоять старшиной; въ настоящое время число членовъ общества крайне неизначительно.

Бесплатные курсы стеноографіи въ Петербургѣ покончили свое существованіе въ концѣ 1877 года. Министерство Народного Просвѣщенія прекратило преподаваніе, какъ по системѣ Габельбергера при 6-й гимназіи, такъ и по системѣ Терна. Причина прекращенія курсовъ не была заявлена въ печати, но, какъ намъ доводилось узнать, накраткѣ иль обусловлено чисто финасовыми соображеніями. Государственный Собрѣніе нашло, что затраты на стеноографические курсы (3500 р. ежегодно на оба курса ^{**)})—и предѣль, хотя и подозрѣтельный, но не необходимый—представляются обременительной для Го-

^{*)} „Правительственный Вестникъ“ 1876 г. № 220.

^{**)} Каждый изъ преподавателей получаетъ по 1500 р. вынаграждженіе.

государственного Казначейства въ виду его затруднительного положения по случаю воинского времени, а потому и полагать не пронизывать асигнованыи необходимой для преподавания стеноографии суммы; это мнѣніе Государственного Совета было Высочайше утверждено. Изъ сказанного видно, что прекращеніе преподаваній стеноографии бѣть какъ бы временній характеръ.

Съ тѣхъ порь стеноографія оказалась совершенно заброшенной, и, если заявлять о себѣ изрѣка, то только въ газетныхъ объявленіяхъ. Бирюсовъ, въ текущемъ году, пѣтъ г. Циммерманъ (военный врачъ) въ засмотрѣлѣ комиссіи по устройству паролейныхъ членій, состоящей при педагогическомъ музѣи военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, свою систему универсальнаго стено-фонографитескаго письма; комиссія, не касаясь сперіально стеноографической стороны способа, предложенаго г. Циммерманомъ, совершило осуждена систему съ педагогической точки зренія, и г. Циммерманъ потерпѣлъ полнѣшее фiasco, что и заслуживаетъ, какъ можно судить по вышеннейшой изъ вскорѣ послѣ того бриллюра: „Стено-фонографитеское письмо“.—Мы будемъ говорить объ этомъ курьезномъ явлѣніи въ области стеноографической литературы при разсмотрѣніи системы Терле, такъ какъ система, выданная г. Циммерманомъ за свою, принадлежитъ г. Терле. Паки възвѣщаемъ о томъ, что въ самое послѣднее время вышло 2-е изданіе учебника г. Терле.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о судьбахъ русской стеноографіи пользующася известіемъ отъ тѣхъ. Бросая ретроспективный взглядъ, мы замѣчаемъ, что стеноографія привлекла на себѣ общую судьбу большей части написанныхъ хорошихъ начинаній. Съ жаромъ набросились на новинку, спѣшили устроить дѣло преподаванія стеноографіи, съ жаромъ излемѣзировали и... по немногу забыли о стеноографіи. Всѣ то, что стягнуло необходимымъ слѣдить сначала, не выполнено, и преподаваніе стеноографіи до самого конца приводилось по двумъ системамъ; конкурсъ и сперіальная комиссія не дали результата, которого отъ нихъ ожидали, — ни одна система не была признана правительствомъ. Безплатные курсы въ Петербургѣ и Харьковѣ, на которыхъ перебывало за все времена, сколько можно сказать, около 3000 человѣкъ, дали всего 2—3 десятка практическихъ стеноографовъ. Конечно, изучило стеноографію практическіи гораздо большее число лицъ, но испугомъ иль иныхъ избрали длительность публичныхъ стеноографовъ, такъ что послѣдніе изѣются только въ большихъ центрѣахъ. Нерѣдко редакціи газетъ посыпать

своихъ специальныхъ стеноографовъ за газету и бѣже вѣрѣть для стеноографированія какого нибудь интереснаго судебнаго процесса, слушаніе котораго можетъ быть отложено, за невозможность свидѣтелей или по другому привлекать, такъ что стеноографы привлѣдены тогда возвращаться обратно. Малое число лицъ, поглощающихъ себѣ хѣтельности практическаго стеноографа, зависятъ прежде всего отъ неподготовленія развитія гласности. Стеноографія почти исключительно производится у насъ для записыванія судебнаго заседанія или горожанскихъ собраний различныхъ обществъ; та-же сфера, тѣа праѣтия стеноографіи могла бы получить свое наиболѣшее развитіе, закрыта, за немногими исключеніемъ, для стеноографовъ,— и говорить о всесмѣшныхъ собранияхъ. Когда возникнетъ потребность въ болѣе широкой гласности, будетъ болѣе и стеноографовъ; когда повторится оживленіе общества, подобное оживленію 60-хъ годовъ, получитъ и стеноографія должное практическое примѣненіе. Въ настояще-же время и существующихъ стеноографовъ достаточно, чтобы удовлетворить любопытство современного общества доставляемому отчетомъ (и то почти всегда сокращенномъ) о болѣе или менѣе скандальныхъ процессахъ. Бѣль другъ причинъ, обусловливавшихъ исключительность числа стеноографовъ, слѣдуетъ отнести трудность практическаго изученія стеноографіи въ связи съ невозможностью разсчитывать на постоянный заработокъ.

Нѣкѣль коммѣнтируяъ въ тоѣтъ, что необходимо дальнѣйшее избрание въ развитію русской стеноографіи, по о нахъ мы неговоримъ въ заключеніи, теперь же переходимъ къ разсмотрѣнію отдельныхъ стеноографическихъ системъ.

СИСТЕМА ИВАНИЦА.

Изъ собственныхъ словъ Иванова (см. его руководство изд. 1858 г.) мы узнаемъ, что отъ поставилъ себѣ цѣлью соединить точность обыкновеннаго письма съ быстротой стеноографитескаго. Прежде всего отъ старается доказать возможность составленія такой избухи, посредствомъ которой достигалось бы письмо за говорящими, безъ прерѣда для испости и точности. „Наблюдайте“, говорить авторъ, „движенія нашего языка, губъ и членостей при произношении какого-либо

слова, и вы замѣтите, что линіи, описываемыя ими при этомъ движениі, если-бы начертить ихъ на бумагѣ, составили бы гораздо большую длину, чѣмъ очеркание буквъ писавшаго на бумагу произнесеннаго слова при вышеизложенной стеноографической азбукѣ". Иванинъ подозреваетъ, что стоять только съ лѣгкствомъ прутуть пальцы руки стѣснѣть за мысли тѣкъ, какъ слѣдить за цѣлью и покинутей ей измѣнѣть, то и получится возможность передавать на бумагу самую быструю рѣчь. Но это разсужденіе неубѣдительно. Иванинъ ограничилъ образованіе звука лишь вѣдь то обстоятельство, что буквы изображаются одинакъ только контуромъ пера, тогда какъ различие звуковъ нашего голоса производится помочью различныхъ органовъ и оттого часто могутъ стѣснѣть одинъ за другимъ совершение одновременно; такъ, всякий слогъ, изъ якою бы числа звуковъ онъ ни состоять, произносится совершенно въ то же время, лишь и отдельный гласный звать (напр.: о, во, тво, ство, рѣсто); между тѣмъ перво тужею огласовательно изображены эти звуки на бумагѣ. Понятно, что оно исключено отставать, если даже будеть диктателемъ съ такою же скоростью, какъ языка. Правда, Иванинъ старается дать гласныи замѣтки языка, чтобы слоги, состоящіе изъ гласной и согласной, имѣлись столь же быстро, какъ и отдельныи согласные,—то это имъ не всегда достигается; притомъ интервалъ скорости непремѣнно будетъ существовать при изображении согласныхъ согласныхъ (напр.: ств., рѣстъ и т. д.), употребление которыхъ въ русскомъ, да и въ другихъ языкахъ, весьма значительно. Перо только въ такомъ случаѣ могло бы свободно скользить по устному рѣчю, когда всякий слогъ изображался бы одинакъ языкомъ пера,—что нехостожно.

Вотъ почему ни одна стеноографическая система, употребляемая для записыванія за говорящими, не можетъ обойтись безъ сокращеній. Если-бы разсужденіе Иванина было правильно, то тогда система не требовала бы никакихъ сокращеній,—однако и у Иванина они употребляются. Въ другомъ мѣстѣ („Отечеств. Зап.“ 1866 г. № 9) онъ дѣлаетъ расчѣтъ, который прочно противорѣтилъ сказанному разсужденію. Предполагалъ по опыту, что число буквъ въ слогахъ, которыми можно производить въ минуту, можетъ достигать до 1000 (хотя обикновенно бываетъ менѣе). Иванинъ замѣчаетъ, что самыи простыи чертежи, изгнутые всерхъ и внизъ, можно написать въ минуту не болѣе 550, иъ чѣмъ также легко убѣдиться на опыtre; отсюда ясно, что для записыванія за говорящими необходимо сокращительные знаки.

Знаки или буквы Иванина (см. таб. V) такого-же характера, какъ и знаки, употребляемыя въ другихъ геометрическихъ системахъ (ср. съ табл. III). Особенностью своей системы Иванинъ считаетъ способъ выраженія сходныхъ по произношенію согласныхъ и способъ выраженія гласныхъ. Въ прежнихъ системахъ склонны соединять гласные звуки или выражались однажды, или различались длиной, или же изображались поставленными подъ ними точками. Осуждая эти способы, Иванинъ различаетъ сходные звуки посредствомъ утолщенія. Однако постѣйній способъ не составляетъ исключительной особенности системы Иванина,—въ лучшей изъ геометрическихъ системъ фонографіи Питтмана, утолщеніе звуковъ употребляется,—и для той-же цѣли. Дѣйствительную же особенность системы Иванина представляеть выраженіе гласныхъ. Такъ какъ изображеніе гласныхъ точками противорѣчитъ основному принципу звуково-скоро-письма—связности, то Иванинъ считъ необходимымъ писать гласные звуки другимъ образомъ; пропускать же ихъ онъ не находилъ возможнымъ, потому что въ русскомъ языке употребленіе гласныхъ мало тѣмъ уступаетъ употребленію согласныхъ (въ типографіяхъ гласныхъ бываетъ больше 40% всего количества буквъ), притомъ гласные составляютъ прямѣтъ окончаний, что во тѣкъ важно въ иностраннѣхъ языкахъ, въ которыхъ существуетъ члѣвъ. Въ виду этого гласные звуки въ системѣ Иванина изображаются посредствомъ небольшихъ загибовъ, въ родѣ занятыхъ. Авторъ говоритъ, что сокращенія согласныхъ съ гласными пашутъ почти съ такою же скоростью, какъ и простыи согласные. Если это справедливо для иностранныхъ словъ, во, сѣ, тѣ,—см. т. V), въ которыхъ дѣйствительны знаки гласныхъ представляются лишь небольшии загибы согласныхъ, то поже несправедливо для другихъ словъ (шаръ, ер., ии, го, от), тѣхъ гласныхъ представляются отдельные знаки, образующіе съ согласными острые углы. Этотъ способъ выраженія гласныхъ избѣгъ, кроме того, некоторые недостатки. Такъ, Иванинъ различаетъ сходные гласные звуки посредствомъ утолщенія, но, по нашему мнѣнію, утолщеніе такихъ малыхъ знаковъ совершение невозможно при быстромъ письмѣ, особенно когда оно производится карандашемъ (известно, что карандашъ, а не перо, употребляется публичными стеноографами, потому что первый болѣе удобенъ при стенографировании). Достоинство замѣчания, что Иванинъ считаетъ необходимымъ изразить букву «и» вовсе не даетъ знака для звука «и». Знаки «и», «и», «и» пишутся сверху внизъ, а знаки для «и», «и», «и»—сплошь сверху;

могутъ быть утолщены, то звукъ и выражается приближенніемъ точки къ звуку *и*. Точку же предлагаются употреблять и въ другихъ службахъ изъгнанія гласныхъ,—по желанію; точки употребляются и для отличія буквъ *з*, *с*, *и*; наконецъ буквы *з*, *и*, *й* выражаются также надстрочными знаками. Такимъ образомъ и Иваніевъ не избѣгъ употребленій знаковъ, ограничивающихъ руку отъ строки. Несмотря на указанные недостатки, выражение гласныхъ у Иваніева представляетъ пѣкоторое усовершенствованіе генеральнихъ системъ; замѣтно, что Пятмана гласные звуки выражаются надстрочными точками и черточками, такъ что изъ отсутствія отмѣненія системы Иваніевъ имѣеть преимущество.

Свою стеноографическую азбуку Иваніевъ составилъ, то его слѣдуетъ, послѣ многихъ измѣнений, приспособленій для русскаго языка и долгаго смысла. Довольно интересны его общеславянія относительныя окончатательнаго распределенія знаковъ между согласными (см.: Отч. засл. 1866 г. № 9). Какъ ни просты стеноографические знаки, однако же всѣ они пашутся съ одинаковою скоростью. Въ виду этого необходимо тѣлье бѣлье простые знаки гѣть звуками, которые чаще встрѣчаются изъ рѣчи, иначе произойдетъ значительная потеря во времени. О степени употребленіности буквъ изъ языка можно судить по употребленію ихъ въ типографіяхъ, где количество различныхъ буквъ, необходимыхъ для печатанія, опредѣляется по указаніюъ долговре-менного опыта. Иваніевъ приложилъ къ своей статѣ табличку о количествѣ буквъ изъ трехъ типографій: Академіи Наукъ, П. Отдѣле-нія С. Е. И. В. Канцелярія и инспекторскаго департамента Военнаго Министерства. Оказывается, что пѣкоторыя буквы употребляются въ 9 разъ, чаше другихъ. Но азбуку Иваніевъ дѣлать не будущий расчетъ. Изъ типографскихъ табличъ видно, что буквы: *и*, *и*, *и*, *и* составляютъ почти $\frac{1}{3}$ всѣго количества буквъ, тѣлье что, если изъ по-чатной листъ пойдуть, пріемѣро, 20,000 буквъ, то употребленій 4-хъ буквъ попадутся 4,000; съ табличкою гѣть же табличка Иваніевъ, разсчитанная, что буквы: *и*, *и*, *и*, *и*, не могутъ занять на тѣлье же листъ тѣлье 666. Предполагая, что въ минуту вообще можно написать 360 стеноографическихъ знаковъ⁴⁾, т. е. въ секунду—6, Иваніевъ считаетъ, что для изображенія пѣкотораго изъ простейшихъ знаковъ достаточно $\frac{1}{6}$ сек., а для бѣлье сложныхъ $\frac{1}{4}$ сек. Слѣдова-

тельно, если самые простые знаки дать звуками, бѣлье употребляемыми, а остальные—може употреблять, то для изображенія 4,000 указанныхъ выше буквъ потребно будетъ $\frac{1}{6}$ сек. \times 4,000 = 666 сек., а для 666 другихъ знаковъ— $\frac{1}{4}$ сек. \times 666 = 166 сек. (приближительно), всего 666 сек. или 11 мин. и 6 сек. Если же распределить знаки изъоборотъ, т. е. для чаше встрѣчавшихъ звуковъ дать бѣлье сложные знаки, то для письма необходимо будетъ $\frac{1}{4}$ сек. \times 4,000 = 1,000 сек. и $\frac{1}{4}$ сек. \times 666 = 166 сек., въсего 1,000 сек. или 16 мин. и 8 сек. Такимъ образомъ ячера во времени отъ неправильнаго распределенія только въ знакахъ разлилось почти 7 минутами за одинъ пѣкоторый звукъ. Потеря эта, конечно, увеличится, если все знаки будутъ распределены изъбрюо въ дѣльте, пріемѣро, до 15 мин. Изъ того же расчета Иваніевъ можно вывести, что для избраний 20,000 буквъ необходимо, приближительно, 1 часъ времени (20,000: 360); следовательно отъ неправильнаго распределенія знаковъ можно потерять $\frac{1}{3}$ часа изъ каждой часъ,—потеря весьма значительна. Хотя мы и не признаемъ за себѣ ответственности за совершение греш-ности цифры этого расчета, лѣть бѣлье, что мы уже высказали свое мнѣніе о возможности тѣхъ способовъ при составленіи стеноографическихъ знаковъ, однако общий выводъ долженъ быть признанъ правильнымъ; несомнѣнно, что отъ дурнаго распределенія знаковъ можетъ произойти большая потеря времени при стеноографировкѣ. Поэтому всегда необходимо стараться бѣлье сложные знаки давать рѣчи встрѣчавшимъ звукамъ. Изъ приложенныхъ къ той же статьѣ Иваніева табличъ типографіи Академіи Наукъ для буквъ французского и французскаго языковъ видно, что степень употребленіости звуковъ по различнѣмъ языкамъ весьма различна, и потому для каждого языка должно быть сдѣлано особое распределеніе знаковъ, т. е. каждый языкъ долженъ иметь свою особую стеноографическую азбуку, изъ силы специальной цѣлѣ стеноографіи.

Кромѣ сказанаго Иваніевъ вводитъ еще одно условіе для распределенія знаковъ—удобство соединенія буквъ между собою, и тутъ его разсуждение, къ сожалѣнію, не могутъ быть признаны правильными. Важно, на починѣ словаря Рейфа, отъ, но чисту сгражданъ, занимавшихъ въ Рейфа различнѣя буквы, судить о степени употребленіости бѣлье изъ началь словъ; тѣлье буквы, которыхъ чаше встрѣчаются изъ началь, чаше изъ средней и концѣ словъ, они тѣже бѣлье удобные знаки, на гемъ основаніи, что въ это системѣ главный способъ сокращенія словъ состоять въ недописываніи ихъ; поэтому, напр., *и* и *и* получаю-

⁴⁾ Выше приведенное число 360 надо для простейшихъ чертежей, по стеноографическимъ знакамъ вообще сложнее.

богатые удобные знаки, чѣмъ т—д, с—ф, хотя послѣдніе вообще употребляются въ языкахъ чаще первыхъ.—Такой взглядъ совершенно необратимъ: какъ же Иванинъ не признаетъ сокращеній особаго значенія и, между тѣмъ, основывается на нихъ при такихъ введеніяхъ дѣлъ, какъ расширѣніе знаковъ! Протохъ, напримѣръ Иванинъ обратился къ словарю; словарь не можетъ дать образа концепціи о степени употребляемости буквъ, подобно типографскимъ таблицамъ. Если известная буква занимаетъ въ словарѣ много страницъ, то это еще не значитъ, чтобы въ живой рѣчи она встречалась въ началѣ слова, во столько разъ чще проходя букву, во сколько число страницъ, занимаемыхъ этой буквой, больше число страницъ, занятыхъ другими буквами. Словарь въ этомъ отношеніи можетъ дать только весьма приблизительныя результаты, и лучше вине къ нему не прибѣгать. Если, напримѣръ, буква «занимаетъ въ словарѣ мало страницъ, то это еще не можетъ показать, на сколько рѣдко она употребляется въ начатѣ слова, чѣмъ сама эти слова (то, чтобы, чѣмъ и т. д.) весьма часто употребляются въ живой рѣчи. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими объясненіями Иванинъ относительно расширѣнія знаковъ; на нашъ взглядъ эти объясняемы довольно искусственно и не имѣютъ польы гвердаго основанія.

Къ алфавиту Иванина, представленному на таблицѣ V, необходимо дать съдѣщающее поясненіе. Знакъ *и* отличается отъ *р* тѣмъ, что первый пишется сверху внизъ, а второй—снизу вверхъ. Знакъ *з* меньше *с*, а *к*—больше *с*; вирочемъ можно писать *з* и *к* такой же величинѣ какъ *и* и *с*, отличая ихъ точками, какъ показано на таблицѣ. Всѣ буквы съ колечками пишутся наливая съ колечекъ, которыхъ могутъ быть и съ правой, и съ лѣвой стороны, смотря по удобству. *К* и *и* выражаются меньшими дугами, а *х* и *ч*—большими или полукругами. Бородки слово, въ особенности *тѣ*, въ составѣ которыхъ входятъ буквы *у* или *я*, пишутся сравнительно удобно, но за то длинныя или *тѣ*, въ составѣ которыхъ входитъ искажено буквы, идущіе сверху внизъ, представляютъ весьма неудобный для письма фигуру. Въ виду этого Иванинъ допускаетъ письмо буквы *ж* и *и* не сверху внизъ, а снизу вверхъ; однако это не особенно удобно, притомъ въ такомъ случаѣ иногда нельзя отличить букву *и* отъ буквы *у* (см. напр. въ табл. V склон. „математика“, где слово *иа* можетъ быть прочитано какъ *иа*). Послѣдніе дѣлъ букви, т. е. *и* и *у*, вообще требуютъ большей тщательности отъ пишущаго; при быстромъ письмѣ такихъ словъ, какъ *стаже* и *туже*, могутъ быть налипания совер-

шенно одинаково. Въ другихъ случаяхъ совершенно нельзя отличить букву *и* отъ *е*: такъ, слова „Римъ“ и „Рейхъ“, „лежу“ и „льжу“, написанные по системѣ Иванина, не избѣгутъ никакого различія. Въ окончаніяхъ же всегда можно отличить *е* отъ *и* (см. примеры „астре“ и „марс“), иногда затруднительнѣе показать, есть ли между занятыми согласными буква *е* (какъ напр. въ склон. „ссиять“) и т. д. Такимъ образомъ чѣткость, которую Иванинъ считаетъ особенностью своей системы, не всегда можетъ быть достигнута. Для выраженія двойныхъ согласныхъ знаки согласной перетекаютъ, и для обозначенія двухъ рядомъ стоящихъ согласныхъ, каждая согласная перетекаетъ прямой черточкой съ антибисеромъ (см. табл.); въ знакахъ съ колечками исключения могутъ быть увеличены для ограниченія линейной согласной (см. слова: „аллахъ“, „Анна“).

Таковы главныя основы системы Иванина, посредствомъ которыхъ уже можно писать все, что угодно. Нельзя сказать ничего, что система отличается знатительной простотой. Иванинъ предлагаетъ изучить его систему съ малойѣтства, — и, конечно, она доступна даже для детского пониманія. Въ этомъ вѣя преоспоримое достоинство.

Сравнивая алфавиту Иванина съ алфавитомъ Питмана, скончѣя которого наиболѣе распространена въ Англіи, мы не можемъ не замѣтить, что средства, употребляемыя Питманомъ, гораздо болѣе или разнообразнѣе средства Иванина. Послѣдній не употребляетъ звонка дугъ, пишущихъ вскеснно, не утилизируетъ утолщенія знаковъ съ колечками (тогда какъ у Питмана эти знаки съ колечками утилизируются)*), не употребляетъ половинныхъ знаковъ и т. д. Въѣтъ можетъ, Иванину привлекновѣло къ употребленію всѣхъ этихъ средствъ желаніе сдѣлать свою систему книжно-бюлѣе простую, чѣмъ часто и высказывается; но этой же притинѣ Иванинъ даетъ весьма ограниченное число сокращеній. Однако онъ могъ бы совершенно отдѣлить сокращенія отъ основной теоріи, развивъ ихъ подробнѣе и сдѣлавъ изъ нихъ вторую часть своего руководства; онъ могъ бы избрать вѣнѣдѣ то обстоятельство, что лица, подготавливающіе себѣ въ дѣятельности публичнаго стенографа, могутъ и признаться немного, звучитъ наилучшее изысканное число сокращеній и употребить на пачченіе системы большее

* Утолщеніе вѣнѣдѣ нередко при письме теряется, но, если оно употребляется Иваниномъ въ другомъ случаѣ, то его слѣдовало допускать и здесь, т. е. въ знакахъ съ колечками.

время, чѣмъ тѣ, которые записываются стенографіей для собственныхъ целейностей. Для такихъ есть, — стенографъ по профессіи, слѣдовало бы гораздо болѣе развитъ отдалъ сокращеній. Между тѣмъ Иванинъ имеетъ лишь тѣ краткотѣ сокращенія или нѣкоторыхъ словъ и окончаній, которыхъ представлены у него на таблицахъ V и VI. Главное же значеніе есть предѣстъ сокращенію письма посредствомъ недописыванія словъ, считая этотъ способъ самимъ естественнѣй, на томъ основаніи, что при чтеніи мы вовсе не разбираемъ цѣлаго слова, а отгадываемъ его значеніе по нѣсколькоимъ буквамъ. Принять этого дѣлать нельзѧ говорить, если подобное недописываніе употребляется тутъ бѣлье, чѣмъ Иванинъ дастъ нѣкоторыя знаки, на хевакицѣ на окончанія. Нельзѧ прибрѣзъ же тѣхъ. Ужко, что росчеркъ кверху означаетъ вообще всевѣ окончанія для привателныхъ (превосходн.) степеней выражается увеличеніемъ росчерка; росчеркъ книзу служитъ для окончаній причастій; рохъ и подобно означаютъ пребывающей соответствующей буквы. Кроме того въ системѣ Иванина употребляется восьмь ограниченн. членъ сокращеній для избыточности словъ и выражений, часто встречающихся въ рѣчи, напр.: можетъ быть, должно быть, следовательно, также образовъ, нѣрѣдко и пр. Большая часть такихъ сокращеній составлена изъ начальныхъ буквъ сокращающихся словъ (напр. „вогда“ — ит. „должно быть“ — и. д.), нѣкоторыя же составлены произвольно (напр. „посредствомъ“, „тѣмъ“ — см. т. VI).

Ни одна стенографическая система, употребляемая для занесенія за говорищами, не имѣетъ такъ мало сокращеній, какъ система Иванина, но за то, конечно, послѣдня и не такъ удобна для стенографированія, какъ другія системы. Въ этомъ отношении фонографія¹⁾ Питмана стоитъ цѣнзимѣру выше системъ Иванина; у Питмана употребляются сокращенія для начальнихъ приставокъ (префиксъ), для окончаній (аффиксъ), для членъ встречающихся словъ (граматика) и наконецъ для наиболѣе требовательныхъ выражений. Поэтому состоянія, установленныхъ разъ паспортъ сокращеній въ системѣ Иванина должны наставлять стенографирующаго ученію прибегать къ недописыванію словъ и къ выраженн.

¹⁾ Способъ писаніе ею система подушка, оттого, что Питманъ изобрѣгъ звукоточечную проказрограмм, показывающую какъ письма исключительно въ пространствѣ буквъ.

иъ однимъ начальными буквами, причемъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о точности: хорошо и то, если стенографъ, съ помощью памяти, хотя пакънибудь восстановить смыслъ записанного. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что каждый стенографъ можетъ и самъ составить себѣ сокращенія, руководствуясь собственнымъ опытомъ.

Реактируя все сказанное о системѣ Иванина, мы придемъ къ слѣдующему выводу: при значительной простотѣ и легкости для теоретического изученія система эта имѣть однако существенные недостатки, къ числу которыхъ прежде всего слѣдуетъ отнести геометрическаго характера знаковъ. Хотя Иванинъ и утверждаетъ, что различное направление письменныхъ знаковъ представляется для насъ затрудненіе только потому, что мы привыкли къ обыкновенному письму, въ которомъ знаки пишутъ лишь въ одномъ направлении съраза налево — однако всякий долженъ признать, что даже для начинающаго учителя писать гораздо легче принынѣ писать знаки по одному направлению, чѣмъ по различнымъ; поэтому графическая система вообще должна быть предпочтѣніе геометрическимъ. Другіе недостатки системы Иванина заключаются въ отсутствіи строки, въ ма-хой разработанности теоріи сокращеній, въ недостаточно широкомъ пользованіи нѣкоторыми простыми сокращеніями, въ нечеткости при начальникахъ соединеніяхъ буквъ и т. д. Вообще же система Иванина болѣе пригодна для частнаго употребленія, чѣмъ для публичнаго стенографированія. Кажется, безошибочно можно сказать, что въ настоящее время совершило мягъ публичныхъ стенографовъ по системѣ Иванина.

Слѣдующіе строки представляютъ переводъ отрывка, написанного по системѣ Иванина и помѣщенного на табл. VI; строки слова тутъ просто, чѣмъ необходиимо въ подстрочномъ переводе.

„Люди, состояніи подъ стѣстнѣемъ, пока не будуть обиженіи, не суть еще преступники и могутъ быть людемъ свободы единственно для необходимой предосторожности; поэтому склонность должна избегать панраскаго стѣсненія обиженныхъ и ограничиваться тихими необязательными жѣрами, обращая вниманіе одноко, чтобы этими жѣрами было преграждено посвященнымъ обиженныхъ возможность сообщаться съ врагами, участвовавшими въ преступленіи²⁾“.

²⁾ Въ стенографіи слова вообще не переносятся съ одной строки на другую, тутъ пакъ не представляется значительного прискоренія.

СИСТЕМА ШЕВЛЯКОВА.

Система Шевлякова представляется самостоительной, совершенно оригинальное изобретение. Къ сожалѣнію, мы вовсе не можемъ относительно этой системы никакъ объясненій изобрѣтателя; чистъ заставляетъ сожалѣть объ этомъ не искакъ либо особенности достоинства системы г. Шевлякова, но именно то обстоятельство, что она, принадлежа по характеру знаковъ къ графическимъ системамъ, тѣмъ не менѣе значительно отличается отъ нихъ: всегда интересно узнать тѣсть путь изслѣдованія, который самостоителенъ, хотя бы эти изслѣдованія и привели къ описочному результату. Единственное изданіе г. Шевлякова — „Стенографическія прописи“ (XIX таблицъ и 1⁰, литографир.) — не даетъ никакихъ объясненій относительно того, чѣмъ руководствовался авторъ при выборѣ знаковъ для своей стено-графической системы. Несколько помогаетъ намъ въ этомъ отношеніи письмо г. Шевлякова, обращенное къ редакціи журнала „Учитель“ (*), откуда мы упомы, что авторъ почти вовсе не былъ знакомъ съ существовавшими системами стено-графии; только случайно онъ познакомился съ системой Иванова въ 1856 г., когда она была еще въ рукописи, а и послѣдствій имѣть въ своихъ рукахъ „Стено-графию“ 1844 г., „Стенографическую азбуку“ 1848 г. и та же сама система Габельсбергера. „Вотъ вся стено-графическая системы“, говорить г. Шевляковъ, „ст которыхъ мѣхъ слушалось только измѣняться по настоящее время. И подвергало опять измѣту изъ нихъ, я пришелъ къ убѣждѣнію, что стено-графической азбуки будетъ удобнѣе, если промодифицировать закрученными кончиками буквы будутъ загиблены дугообразными; направление большей части буквъ будетъ наклоненное, а синантропіе основано на законахъ сопропорціи: буквы и шифравитные знаки, которые чанѣ сопропорционаются, должны быть такой формы, которая бы представляла большую возможность безостановочного соединенія ихъ“. Всегда единственное указание на изглѣди г. Шевлякова.

Въ „Стенографическихъ прописяхъ“ азбука изображена постконтактно на несколькиахъ таблицахъ, — по линейкамъ, безъ линекъ,

раздѣльно, симѣю и пр.; затѣмъ добавляются къ ней „пособныхъ формъ“. На табл. VI у насъ представлена азбука г. Шевлякова уже въ окончательномъ видѣ, — съ „пособными формами“. Пять параллельныхъ линій, по которыхъ написаны стено-графические знаки, имѣютъ симѣю назначение только указывать размѣры буквъ; обыкновенно же письмо производится на переграфированной бумагѣ. Наименьшу величину имѣютъ знаки для гласныхъ, которые въ 5 разъ чѣмъ болѣе большей части согласныхъ. Размѣры же согласныхъ весьма разнообразны. Направление большинства буквъ — по диагонали квадрата, справа влево, т. е. такое же какъ и въ обыкновенномъ письме. Многіе звуки имѣются по два знака, а звуки и, ю — даже по четыре. Знаки для ѿ, ю, ё, ѹ, и, є также добавочные (поставленные изъ таблицъ вторыми) знаки для с и з, могутъ писаться и отъ изу. Добавочный знакъ для и пишется только отъ изу; отличие его отъ знака и, который также можно писать, симѣ, состоитъ во томъ, что оно пишется значительно потѣже постѣднаго. Многія буквы отличаются между собой утолщениемъ; изъ гласныхъ же изъ утолщениемъ изображается только и.

Совершенноично потому, потому г. Шевляковъ счѣтъ нужнымъ такъ рѣзко отличить по размѣрамъ знаки гласныхъ и согласныхъ. Между тѣмъ такое большое различие представляетъ весьма важное неудобство: для того, чтобы согласия буквы были не очень велики, необходимо писать гласные такъ мѣло, что съ трудомъ можно читать даже написанное съ явственной глашательностью; великое же увеличеніе гласныхъ кладетъ за собой гораздо большее удлиненіе согласныхъ, тѣмъ какъ многихъ изъ нихъ въ 5 — (а некоторыхъ даже въ 10) разъ длиниче гласныхъ. Вслѣдствіе этого письмо по системѣ г. Шевлякова совсѣмъ должно быть очень мѣлкимъ, а оттого и не разборчиво. Въ самомъ дѣлѣ, если и при крупнотѣ письмахъ чрезвычайно трудно соблюсти то условіе, чтобы знакъ и, напр., быть изъ однѣ пяти длиниче и, то, конечно, такое исключительное различіе въ размѣрахъ совершенно невозможно соблюдать при такомъ мѣлкомъ письмѣ, какое употребляетъ г. Шевляковъ. Изъ табл. VI видно, что не однѣ только буквы и и различаются по длине изъ 5. Впротивъ, даже изъ таблицъ г. Шевлякова размѣры не соблюдены точно, — гласные изъдѣ увеличены, а согласные и, є уменьшены. Въ промѣжуткахъ къ азбукѣ настоятельно рекомендуются не переходть къ изученію послѣдующаго, не освоившихъ, знакъ сѣдѣнуть, съ азбукой, не научивши готично соблюдать размѣры знаковъ; и то жи-

(* Учитель. 1862 г. № 23, стр. 1184—1186.

положительно сказать, что этого несъедобного утешения не мог бы достигнуть даже постъ продолжительной практики.

Насколько знаки употребляются г. Шевяковым для изображения букв: ъ, ю, й, і; крохъ таго чи тѣхъ буквами, которая въ обычномъ письмѣ была бы заглавными или большими, ставится особый заглавный знакъ. Для цифръ дани тѣ же знаки, чиъ и для некоторыхъ буквъ, но для отличія цифры пишутся несколько крупнѣе.

Нужно замѣтить, что всѣдѣствіе существованія тѣхъ самыхъ знаковъ для одного и того же изука, слова могутъ быть написаны различно; это—довольно важное неудобство, о которомъ мы уже говорили при разсмотрѣніи системы Годфруа. Соединяется между собою изуки г. Шевякова, какъ можно видѣть изъ примеръ, подъчесшихъ на табл. VII, непосредственно, т. е. безъ помощи соединительной черты; благодаря этому, письмо часто уводится отъ строки, такъ что некоторые слова представляются изъ сбоя подобіе лѣстницы.

Нельзя отнести къ правильной системѣ г. Шевякова упоминаніе о склоненіяхъ. Окончаніе же постъ глаголовъ замѣняется одною буквою ъ; во послѣднемъ оно выписывается (см. примеры: лягъ (=да), лягъ (=на), колоты). Если ъ повторяется два или три раза подрядъ, то постъ него ставится двумъ дугамъ эта оправдывается, когда ъ повторяется не сразу (примѣръ: стробійштій и войсковикъ). Окончанія же изъ г. Шевякова пишутъ, какъ іи, ѿ—ыи, какъ ии и т. д.

Переходимъ теперь къ сокращеніямъ, которыми изъ „Стенографической прописки“ помѣщено довольно много. Сокращенія для окончаний привателейшихъ, причастій и глаголовъ состоять вообще изъ склонусъ, склонихъ, хотя для некоторыхъ г. Шевяковъ даетъ и особые, произвольные знаки (см. также примѣръ первыхъ изъ табл. VII „пескай“, „ческаго“, а вторыхъ — склонанія „тса“, „тськ“). Второй родъ сокращеній представляютъ произвольно придуманные знаки для соединеній согласныхъ и для некоторыхъ словъ; на табл. VII приведены только немногія изъ этихъ сокращеній (т. д., тет., дат и т. д.). Наконецъ г. Шевяковъ употребляетъ сократительные знаки и для цѣлыхъ словъ: имена существительныхъ (прежде всего названія типовъ, правительства и мѣстъ, наукъ и пр.) и нарѣчій, а также для наиболѣе употребляемыхъ выражений. Такихъ сокращеній очень много; некоторые составлены изъ начальныхъ буквъ сокращаемыхъ словъ, другие же вовсе не напоминаютъ несокращенного написанія, а иные могутъ быть выведены изъ обыкновеннаго стено графического письма съ избыткомъ птижкой (см. примѣры послѣднихъ: хатчаница, Констан-

тина). Расположеніе сокращенія безъ всякой системы, и многія придуманы, какъ кажется, исключительно для помѣщеній въ „Прописки“ образованіе связного письма. Къ сокращеніямъ же сходятся стечести и промежуточныи пропускъ гласныхъ изъ срединъ словъ.

Образецъ связного письма, приведенный на табл. VII, написанъ съ соблюденіемъ таго разнѣра знакою, какой употребляется г. Шевяковъ. Содержаніе отрывка слѣдующее: „Славянская азбука—кирилица—составлена въ 862 году въ Царградѣ философомъ Константиномъ, который по прихоти схізы наречень былъ Кирилломъ; въ честь его имени они посвѣтили свое название—кирилица, и оттуда отъ глаголицы. Годъ ее составленія съ большой достовѣрностью опредѣляется учеными исследованіемъ московского профессора Батліевского. О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, тихъ же составленія достовѣрно известно изъ посланія (879) паты Иоанна VIII къ моравскому кнезу Святополку: „Literas nuncias, a Constantino quodam philosopho heretam, quibus Deo laudes debitas goscent, iuxta Ioudasim“ (Славянскія письмена, изобрѣтшия пѣнія философъ Константинъ, которыми почитавшии ходили Богу хвалы, право похвалились). Нѣкоторыя слова изъ приведшаго отрывка помѣщены на таблѣ съ подстрочными переводами и разъясненіемъ, на отдельные знаки.

Дѣлъ общее заключеніе, мы должны признать систему г. Шевякова весьма неудобною, глядя на образъ неудобствъ ея нечеткости. Создатель системы даже не предусмотрѣлъ того, что знать же можетъ быть принять за ии, а и—за ии; словъ мас пишется сокращенно также, какъ словъ кен, же—какъ ии и т. д. (см. табл.). Всѣдѣствіе подобной же ошибки составителя при изложеніи знаковъ нефранцъ, 61 можетъ быть пришестіе за 14, и совершилъ тѣль средство отличить эти два числа. Изъ сравненія стено графического текста съ печатнымъ переводомъ видно, что письмо г. Шевякова отличается значительной торопистостью, но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы это было кратко. Часто оно отклоняется отъ строки, что, какъ мы уже указывали во введеніи, представляетъ весьма важную недостатокъ. Наука система г. Шевякова не отличается особомъ легкостью, какую отличается, напр., теоретическое изученіе системы Иваини. Вообще графическая система Шевякова не можетъ существовать на рѣту: графическая же система Габельбергера и Штольце, къ разногрѣшимъ которыхъ мы перейдемъ позѣть за синь. Впрочемъ письмо г. Шевякова и не имѣло обширнаго распростра-

пени; хотя мы не имеемъ съѣдѣній о преподаваніи стенографіи г. Шевляковымъ, но во всякомъ случаѣ это преподаваніе не выходило за предѣлы Москвы, если только оно вообще существовало.

Намъ остается сказать еще вѣтко сколько словъ о системѣ г. Брайковскаго (см. выше — „Исторический очеркъ“).

Въ своемъ предисловіи къ „Школѣ русской стеноографіи“, написанной весьма безграмотно, г. Брайковскій говоритъ: „излѣдованія мои о возможности систематического применения моей методы къ русскому языку привели меня къ статистическимъ результатамъ“. Однако, даже поверхностный взглядъ на азбуку г. Брайковскаго (табл. VII) показываетъ, что эти излѣдованія состояли въ замѣтствованіи у г. Шевлякова; бѣль же внимательное чтеніе „Школы“ показываетъ, что авторъ ее вообще охотникъ до замѣтствованій. Цѣлый глава о стенографическихъ кружкахъ перепечатана изъ стеноографіи гг. Ньюансона и Мессара; кроме того изъ другого есть перепечатана оттуда же страница безъ указания источника; г. Брайковскій не поблагодарилъ даже „Стихографіей“ 1844 г. и изъ неї писалъ 1½ страницы. Это уже достаточно характеризуетъ автора. Сахо собой разумѣется, что онъ вовсе не упоминаетъ о системѣ Шевлякова. Между тѣмъ многие забутные знаки оставлены г. Брайковскимъ совершенно такими же, какъ они дали у г. Шевлякова, часты знаки уменьшающіе размѣръ и только остаются затѣмъ знаки придуманные вновь. Можно было бы оправдать эти замѣтствованіи забѣгѣ, если бы они вели къ лучшему. Однако улучшений не вижу. Г. Брайковскій, напр., одинаково выражаетъ «и я», «и ч», «и ю», «и х», «и з» и даже «и н»! У Шевлякова же, какъ мы видѣли, все эти буквы различаются. Г. Брайковскій уменьшилъ размѣръ некоторыхъ согласныхъ въ 5 разъ, но все таки счѣть возможнымъ утверждать ихъ, что также не составлять улучшения и т. д. Сокращенія составлены такъ же, какъ и у Шевлякова; Брайковскій созѣтуетъ „гг. стеноографамъ“ какъ можно болѣе изобрѣтать ихъ. Вообще книга г. Брайковскаго не заслуживаетъ отдельного разсмотрѣнія. Удивительно только, что на обложкѣ ея изъ фамиліи автора прибавленъ титулъ „преподавателя стеноографіи при училищѣ распространенія техническихъ знаній“; казалось бы, что начальство училища могло бы отбѣдомиться у консисторіи языка о достоинствахъ стеноографической системы, прежде чѣмъ дастъ ей преподаваніе. Конечно, лучше было бы употребить склон учащихся на изученіе системъ Габельбергера или Шольце, стоящихъ несравненно выше системы г. Брайковскаго.

СИСТЕМА ГАБЕЛЬБЕРГЕРА.

Система Габельбергера принадлежитъ къ числу наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ. Множество частныхъ правилъ, при отсутствіи строгой последовательности, делаютъ нашу задачу довольно затруднительной; мы понесомъ должны будемъ входить въ подробности и перечислять частные правила, такъ какъ читатель не получитъ бы яснаго понятія о системѣ. Наше затрудненіе увеличивается еще вслѣдствіе того обстоятельства, что изъ Россіи существуютъ двѣ разработки системы Габельбергера, изъ которыхъ одна сделана б. Торнау согласно съ проф. Цейбиху, членомъ Дрезденскаго стеноографическаго института, а другая — г. Ольхининъ. Разметрующіе обѣихъ разработчикъ, сходны въ главныхъ чертахъ и различаются только въ подробностяхъ, приложеѣхъ къ изложенію такихъ частностей, которыя могутъ интересовать только специалистовъ. Поэтому мы принуждены лагъ отдать только обѣ одновѣкѣ изъ упомянутыхъ, принесеній системы Габельбергера къ русскому языку. Не смотря на то, что г. Ольхининъ не разработалъ въозрѣй гг. Цейбиха и Торнау относительно значенія системы Габельбергера, какъ универсальной, и заявляетъ, что „совершенно самостоятельно разработалъ русскую стеноографію, опирался на вывадахъ изъ подробныхъ изслѣдований русского языка“, — несмотря на это, даже азбука г. Ольхинина совсѣмъ мало отличается отъ азбуки б. Торнау (см. т. VIII и XI, — впрочемъ надо замѣтить, что б. Торнау съ течениемъ времени сдѣлала некоторая изменения въ своей азбукѣ и имѣла значительное приближеніе къ алфавиту г. Ольхинина). Хотя вообще разработка г. Ольхинина представляется болѣе тщательной и обладающей наибольшимъ преимуществомъ сравнительно съ разработкой гг. Цейбиха и Торнау, однако мы предпочли выбрать для нашего изложения именно эту последнюю, вслѣдствіе того соображенія, что г. Торнау въ своемъ сочиненіи весьма близко держится теоретическихъ взглядовъ Габельбергера, которыя намъ все равно пришлось бы коснуться. Оѣднотѣ же особенности приложенія г. Ольхинина мы будемъ упоминать въ подстрочныхъ приложенияхъ.

Руководство стеноографіи гг. Цейбиха и Торнау имѣло два изданія — въ 1863 и 1884 гг.; въ 1867 г. б. Торнау выпустилъ свой „Чтепія о стеноографіи“, а въ 1869 г. выпустилъ изъ Харьковской учебникъ

г. Устинова; наконецъ въ 1872 г. выпечаталъ руководство по стенографии (по тому же принципу Цейбиха и Торнау) г. Тименковъ изъ Олехи. Мы будемъ пользоваться глашущими образами руководствъ г. Устинова, обращаясь къ „Чтению“ б. Торнау для разъясненія общихъ теоретическихъ положеній, на которыхъ Габельсбергеръ построилъ, будто бы, свою систему. Всѣ притѣры, похваставшіе въ глашущихъ, имѣты у г. Устинова или б. Торнау. Руководство г. Олехина выдержало 3 изданія: въ 1866, 1869 и 1874 гг.

Послѣ отъѣзда предварительныхъ замѣтокъ переходимъ къ разсмотрѣнію принципіевъ гг. Цейбиха и Торнау.

Первый взглядъ на алфавитъ Габельсбергера уже показываетъ, что оно по качествамъ систематичности бываетъ либо равнаправленіе звуковъ, но въ числѣ большихъ или малыхъ знаковъ не всегда можно пойти звуки, аналогичные съ малыми, и наоборотъ; напр., сходные звуки, напр., *и*—*и*, *а*—*а*, *б*—*б*, никакъ различны, совершию несколько звуковъ. Объясняется это бессистемностью тѣзъ, что Габельсбергеръ постарался спроектировать свой алфавитъ изъ буквъ обыкновенного письма, заботясь исключительно о простотѣ и удобоединенности знаковъ и не имѣя гипотѣи, заранѣе выработанной теоріи. Однако Габельсбергеръ, въ заимств. въ б. Торнау, утверждаетъ, что именно гарантъ выработанная теорія служила ему упомянутымъ при распределеніи знаковъ по алфавитѣ. Основное положеніе Габельсбергера состоять въ томъ, что письменные звуки, служа для изображенія звуковъ, должны производить на языкъ глубокое впечатленіе, подобное тому, которое производятъ на языкъ скрѣпъ самыя звуки, и кроме того напоминать самимъ языкомъ способъ произхожденія звуковъ; такимъ образомъ для распределенія знаковъ прошло два основанія: акустическое и физиологическое, которые примѣняются то въсюдъ, то норовъ, что само по себѣ представляютъ уже важный недостатокъ. Всѣ звуки согласныхъ у б. Торнау выводятся изъ четырехъ основныхъ формъ или парадигмъ (см. т. VIII); съобразно съ этимъ, и все согласные звуки подразделяются на 5 разрядовъ. Ихъ первой парадигмой — овалъ, открытаго съ левой стороны, выводятся звуки для звуковъ, образующихся透过唇舌; третья же парадигма — кругъ, какъ соединеніе первыхъ двухъ парадигмъ, служить для образования знаковъ тѣхъ звуковъ, которые проектируются чрезъ соединеніе действія всѣхъ трехъ измѣненныхъ органовъ.

и зубовъ и производить *типъшисъ*²⁾. Ихъ двѣ остальныхъ парадигмы выводятся звуки для гласныхъ. Касаючи звуки относены къ первымъ тремъ парадигмамъ, видно иск. габлины. Не трудно заметить, что эта классификація не иметь научного значенія; указана только на самую попытку описки: звуки *и*, *а* относены къ той же категории, какъ и *ортаны*? Посмотримъ теперь, какъ же парадигмы изображаютъ звуки.

Первая парадигма служитъ знакомъ для именнаго *и* и не входить въ русский алфавитъ; русскій звукъ *и*, однакожъ сть пѣчальнымъ *и*, иск. бѣтѣ съзывъ въ сравненіи съ *и*, выражается гласической парадигмой, такъ какъ акустической принципъ повелѣвать сильные звуки выражать гласическими или болѣе рѣзкими знаками, и слабые звуки — слабѣющими же или уменьшющими знаками.

Опустимъ довольно неясное объясненіе происхожденія этакой для *и* и *и*, сдѣланное также на основаніи акустического принципа, и перейдемъ къ букѣ *и*. На таблицѣ видно, что эта буква поскольку не соходитъ со основную форму, съ которой она относится; у Торнау дано следующее объясненіе якъ происхожденіе „букву *и* изображать изъ первой парадигмы, какъ звуки, находящій изъ ортани же и при этомъ въ видѣ стрѣлы“, — но вспомнить именно упомянутый образъ выводится изъ звука — прямой черты — изъ овала, изъ сопадѣнію, не смыслю. Казалось бы, что звукъ *и*, происходящій чрезъ „утирѣшисъ“ *и*, долженъ такимъ изображаться прямой чертой, однако звукъ *и* въсювъ не напоминаетъ букву *и* и даже должна быть отнесена скорѣе къ 2-й парадигмѣ, чѣмъ къ 1-й. Происходитъ оно объясняется б. Торнау въ такихъ словахъ: „съмѣнѣе буквы *и* съ присоединеніемъ къ ей звука *и*, дасть букву *и*; обращая эту поглѣдную букву въ пѣсколько бѣтѣ твердый звукъ, получаетъ звукъ буквы *и*“. Такое же заѣчательное объясненіе относительно происхожденія звуки для *и* дается и въ вѣнгерскихъ сочиненіяхъ по стенографіи²⁾. Приведенные разсужденія изгутъ служить образцомъ искать объясненій Габельсбергера относительно происхожденія буквъ. Но посредствомъ подобныхъ патанскъ и туннинъ фразъ можно со-

²⁾ См. напр. Ritschl's „Lehrbuch d. d. Stenographie“: „Das langsame Zurückziehen der Zunge erzeugt den Ges. *i*, welcher an die Verbindung des (auflärige Gesetz.) mit *i* erinnert und dieser in vereinfachter, abgesonderten Form nachgebildet wird“.

веритиши свободно взвести любую букву изъ всякой другой, также наутадъ вѣтвей.

Лучшими доказательствомъ этого слушать различныхъ объясненій относительно происходенія знака али и, дѣлаемый въ «Русской краткости» гг. Паульсонъ и Мессера и у б. Торнau. Тоста какъ первые (при разборѣ сочиненія г. Ольхина) указываютъ на неправильное образование этого знака, такъ какъ оно состоитъ, по ихъ мнѣнію, изъ соединенія ѿ и ѿ,—б. Торнau объясняетъ, что и знакъ для и, составленъ по «принципу аналогіи въ послѣдовательности», такъ какъ онъ предстаиваетъ двойную петлю т. е. увеличенный знакъ для ширинающеи буквъ, что и соответствуетъ усилению звука и въ сравненіи съ и и ѿ.

Познакомившись съ объясненіемъ Габельбергера относительно его алфавита, нельзя не согласиться съ гг. Паульсономъ и Мессеромъ, которые замѣчаютъ, что теорія приложенія къ системѣ Габельбергера уже изобѣдѣна, по совершившей выработкой послѣдней,— и единственное раздѣлъ ученої вѣнгерской цубинки, который изобрѣтатель не сумѣлъ представить своей системы безъ теоріи. Нельзя не согласиться также и съ тѣмъ, что, если чѣ хотіть отдать полную справедливость застуپамъ основателя графическихъ системъ, то должны рассматривать систему его только съ практической стороны, такъ какъ теорія си не избѣть почти ничего общаго съ практической съ стороны.

Если оставить въ сторонѣ же туманная объясненія относительно происходенія знаковъ Габельбергера алфавиты и срашить эти знаки съ буквами обыкновеншаго вѣнгерскаго письма, то для чѣ будетъ совершение понятно, почему напр. и (и) и ѿ (о) получили совершенно несходные знаки: оба эти знака состоятъ частъ соотвѣтствующихъ ширинающеи рукописныхъ буквъ. Многие другіе знаки (но не всѣ) также состоятъ части какихъ-либо буквъ обыкновеншаго письма. Такое происходеніе знаковъ посвѣдно естественно и по крайней мѣрѣ не можетъ нападчъ на Габельбергера упрекъ въ неподобающейся, между тѣмъ какъ, старалась основываться на физиологии и физиологии, изобрѣтатель упустилъ изъ виду такую элементарную постѣпенію, что шипотные и громкіе звуки, какъ напр. звѣзды сходные между собой, должны имѣть и памбѣлье сходные знаки. Это послѣднее требование, помимо своего теоретического значенія, имѣетъ важность и для практики: если исходить знаки данными звуками и если произношенія стягиваются изъ начертанія знака, то она гораздо легче кон-

жеть быть обнаружена, чѣмъ изъ тонъ слуха, когда сходные знаки даютъ совершенно различные звуки.

Мы считали необходимо остановиться на объясненіяхъ Габельбергера относительно происхожденія алфавиты всѣхъдругое того, что большая часть призывающіе разсмотриваемой нами системы вадить въ этакъ несостыдливыхъ объясненіяхъ особое достоинство системы и особенность на нихъ необходимость пасиграфіи. Всякое перемѣненіе или пересмотрѣваніе знаковъ Габельбергера въ другіе буквы, говорить его посыпомъ, нарушитъ стройность и рациональность системы, тѣлѣ, каждыи знакъ самыи вѣрѣйшии образомъ, какъ бы въ первоѣ, показываетъ всѣ свойства и способъ происходенія изображаемаго звука; поэтому никакихъ переделокъ для другихъ языковъ, никакихъ усовершенствованій въ алфавитѣ не должна быть допускаемо.— всякое усовершенствованіе будетъ только извѣшущимъ.

Принадѣлъ же напоминѣ то, что мы сейчасъ говорили о теоретическихъ объясненіяхъ Габельбергера, замѣтѣ, то, что говорилось о пасиграфіи во введеніи, и, иакоюща, тутъ разсматр. Позади, который показываетъ необходимость особой стеноографической азбуки тѣхъ поздраго языка,— мы можемъ оставлять пасиграфическую строенія Габельбергера настѣнѣ, на страницѣ, указемъ только на то, что отъ стремленій еще далеко до ихъ осуществленія. Сравненіе вѣнгерской стеноографической азбуки съ русской азбукой гг. Цейбиха и Торнau, показываетъ, что, хотя и захѣтно въ посыпомъ молчаніе сохранить болѣе изысканій алфавитъ Габельбергера и создать по аналогіи знаки для ширинающеи русскихъ звуковъ, однако же изогорѣ слушаю русскимъ звукамъ, дади совершение неподходящіе знаки и пѣсть ширинающеи алфавита нарушена. Такъ, хотя знаки для и, ѿ, ѿ, ѿ образованы правильно (и=ci, ѿ=jn, ѿ=tach, ѿ=och), однако же и вицѣ знакъ Габельбергера ѿ, для ѿ вицѣ знакъ ѿ, съ имѣть тоже же знакъ, какъ и вѣнгерское ѿ и т. д.; а при строгомъ проводеніи фонетического принципа, конечно, нельзя было бы дать очныхъ и тѣхъ же знаковъ для русского и вѣнгерского ѿ, для русского и вѣнгерского ѿ и также тѣхъ ѿ (т), такъ какъ и этотъ послѣдний звукъ пропадаетъ различно въ русскомъ и вѣнгерскомъ письмахъ, посѣто и говорить, что для упомянутыхъ звуковъ гг. Цейбиха и Торнau не ладутъ особыхъ знаковъ.

Что касается до практическаго значенія алфавитъ Габельбергера, то главное си достоинство заключается въ удобствѣ звуковъ для

шисма. Если последнее не отличается особой простотой, то за то они пишутся и соединяются между собой, по большей части, весьма удобно. Главный недостатокъ избуха Габельсбергера, на который можно указать, — это чрезвычайное разнообразие знаковъ по величинѣ. Письмо по системѣ Габельсбергера производится чисто 4-ми лѣгкостью пропечатанными или только воображаемыми линиями (см. табл. *)⁴⁾, причемъ промежутокъ между двумя средними линиями меньше крайнихъ промежутковъ. Иль таблица показываетъ, что, если за мѣру принять разстояніе между средними линіями, знаки для б, в, г, д, ж, с, у, и, ю будутъ одновѣрхой высоты, а знаки для а, з, к, х, э, и, о, р — полумѣрной высоты, все же остальныхъ буквъ письмо изъ средняго промежутка сверхъ или внизъ; между выдающимися вверхъ, буквами ж, и меньши, тѣхъ ж, з, и, ю; горю также между выдающимися внизъ замыкается вскомъ разнѣровъ; и жить самыя малыя знаки, ж и ф — средніе, а и самыя большия изъ этихъ знаковъ; конецъ буквы и живеть саму большую длину, простираясь отъ верхъ письменнаго пространства до самаго низа. Такимъ образомъ оказывается, что знаки живеть 6 или 7 разнѣровъ, и при этомъ допускаются значительныя различія по величинѣ (напр. между ж и ж); вслѣдствіе этого чистѣйшая привыкшіе употреблять гораздо больше стараній для достиженія четкости **).

Къ избукѣ, измѣненной на табл. VIII, стѣдуетъ сѣзжать съѣдующіяся замѣчанія. Знаки для ж, ж, ф, могутъ писаться какъ сверху внизъ, такъ и снизу вверхъ; второй знакъ для и пишется снизу вверхъ и образовать якъ соединеніемъ ж и с (=т); и, и живеть по два знака. Для а и о даны у б. Тортуа подстрочные знаки, но они

*) На разграфленіи буквы пишутъ только скобачки, до прибрѣтения заделывающаго паклика въ сбояхъ разчиропъ букви, а потому даже строчки виты вовсе не проводятъ.

**) Въ первомъ изданіи руковоедческ. г. Ольхина переданы слѣдующія различія для буквъ: звено винтиче «верху инишъ» высоту къ 2½ шири, звено длинное плоское — 2½ шири, къ — 4½ шири, пр-ченъ широ (разстояніе между средними линіями) «принято для первоначальнихъ управляемыхъ рамкою одной скобачкой звено». Не нужно говорить, что такое точное определеніе не ведетъ ни къ чему: не существуетъ явъ возможности точно наблюдать, на сколько разнѣютъ знаки длини другого, — т. е. любовности звено его относительное определеніе точностью до ¼. Съ подобною же точностью опредѣленъ г. Ольхинъ и показъ знаковъ — въ 30—35° (учтавъ отъ портитнаго звено). Азбука г. Ольхина измѣнена и: табл. XI.

иъ скобачекъ никогда не употребляются иъ противорѣчатъ духу системы, таъ какъ въ избушкѣ стеноографіи вовсе иѣтъ никакихъ знаковъ, которые не могли бы соединяться съ кругами. О выраженіи и въ срединѣ словъ будетъ сказано ниже.

Мы уже говорили, при разсмотрѣніи системы Иванова, что скобачки согласные (т. е. съраздѣльные тѣаспѣть звукомъ) произносятся совместно въ тоже время, какъ и отдельный согласный звукъ, таъ что послѣдовательное выписываніе такихъ согласныхъ должно сильно мешать письму. Въ виду этого у Габельсбергера како достаточное количество простыхъ знаковъ для согласныхъ сочетаний необходимо соблюдать два условия: 1) necessity, чтобы звуки были даны наиболѣе потребительными въ языкѣ сочетаниемъ и 2) следуетъ стараться, чтобы скобачные знаки помнить наути, по возможности, фигуры тѣаспѣть согласныхъ, которыя входить въ сочетаніе. Оба условия не соблюдаю винтиѣ въ примѣненіи гг. Цейбаха и Тортуа, но мы не будемъ останавливаться на этомъ. Сперва поговоримъ въ таблицѣ VIII тѣ сочетаний, въ которыхъ форма составляющихъ знаковъ паклены, а звѣти тѣ, въ которыхъ легко можно различать составляющіе ихъ знаки, отъ этихъ постѣднѣхъ буквъ ставится или одна пачь другой (бл., бл., рв и т. д.) или же радиъ (бл., бл., ил и т. д.), причемъ часто знаки соединяются топкой, волнистой чертой (посредствомъ которой соединяются буквы и въ обычнѣи письмѣ) — напр. сочетаніе тв; о значеніи волнистой черты мы суждены пакже. Иль сочетаній первой категории, помѣщенныхъ въ самонъ пакахъ, наиболѣе простые знаки получали соединеніе съ постѣднѣими р и с. Р въ этихъ сочетаніяхъ выражается или удлиненіемъ знака другой буквы, входящей въ сочетаніе (см. въ табл. бр., ир., пр.) или наклоненіемъ въ сторону, противоположную постѣднѣй (жр., жр., ир., спр., сбр.), или пакъ винтиѣ конца буквы (ср., др.); въ другихъ случаяхъ р выписывается буквально. Такимъ образомъ сочетаніемъ съ р составлены не по общему способу; тоже суждается при другихъ сочетаніяхъ и въ теоретической отнесеніи должно быть признано недостаткомъ. Сосединеніе буквъ, выдающихся пачю, съ постѣднѣими, о выражается увеличеніемъ пачи. Сочетанія сно, си, сб, же получили знаки, совершившие похождіе на составляющіе ихъ буквъ. Нѣкоторыя сочетанія могутъ быть написаны двумя: сверху винтиѣ и снизу вверхъ, таъ что и пласкорыя слова могутъ писаться двумя способами. Значеніе и способъ составленія

тѣхъ сочетаний, про которыхъ имъ не говорили, можно изъ таблицы. Намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Тамъ какъ сочетаніе можетъ неудобно для началь слова, то б. Торнай практикуетъ захѣнить его сочетаніемъ съ, по тойъ основаніи, что все слова, начинаящіеся отъ иже (за исключеніемъ слова „права“) замѣщованы иностранными языками, по привычкѣ которыхъ пишутся серебръ съ.

Переходить теперь къ выраженію гласныхъ. Въ началѣ словъ гласные звуки вообще выражаются буквально, посредствомъ алфавитныхъ звуковъ (исключения будуть указаны позже); несъмъ чисто въ концѣ словъ гласные такъ выражаются буквально. Въ началѣ слова и въ моргахъ могутъ быть различны, но въ концѣ совершенно не различаются (см. т. III, премѣрки: Ісѣтъ, еще, тѣ, съ, бѣль, вѣрь, бузза и во всѣхъ случаяхъ произнѣхается). Въ алфавитѣ совершило быть замѣнѣ звука э, который всѣдѣстїе того морга захѣнится черезъ е. Важно упомянуть, что читатели перечитывая правила о выражении гласныхъ въ началѣ и концѣ слова, когда идетъ преростокъ разсмотрѣть еще (и довольно подробно) выраженіе гласныхъ въ срединѣ словъ, имъ позволяя себѣ теперь сдѣлать только самыя необходимыя замѣчанія. Буквы и и я замѣщиваются, по особиѣ правиламъ, тѣль или другимъ ить своихъ звуковъ. Чисто у хотѣть сдѣлаться съ шифровками согласныхъ, какъ изъ началь, такъ и въ концѣ словъ (см. привѣрь: усть, тира, ту); при другихъ согласныхъ въ началь словъ они выражаются косою чертой, такъ какъ и, но вѣдущему иль подъ поза строчкой линія (ухъ, ухъ); напоминаю въ цвѣторитѣ изучавшіи письменности буквально (Уфа, ту). Звукъ ли же, данный по алфавитѣ, можетъ употребляться въ руководствахъ, т. Торнай и Устинова и замѣняется въ концѣ словъ черезъ и, конечно всѣдѣстїе своей сложности и неудобства тѣль письмѣ; исходуясь только, для того ить, почитающа яз. алфавитъ. Для гласныхъ яу, стоящихъ рядомъ, данъ особый знакъ, который собственно сдѣлать птица уточнѣть птица уо,—столъ же страшное правило, какъ и выраженіе иль черень си.

Въ срединѣ словъ гласные звуки выражаются посредствомъ замѣнѣ фигуры согласныхъ и иихъ положеній; такое выраженіе называется символическимъ. Одна изъ гласныхъ заслугъ Габельсбергера и состоять въ изобрѣтеніи весьма остроумныхъ способовъ символического выраженія гласныхъ. Къ сожалѣнію и тутъ замѣчается пахоще разнообразіе; въ массѣ частныхъ правилъ иногда не легко найти общее или правило. Вообще все способы могутъ быть подведеніи подъ слѣдующія категории: 1) гласный звукъ выражается чрезъ

положеніе согласныхъ, занятыхъ отдельно (болѣе косое или болѣе отвесное положеніе); 2) чрезъ начленіе фигуры согласныхъ (удлиненіе, изгибъ звуковъ, утолщеніе или извины, округленіе согласной); 3) чрезъ относительное положеніе согласныхъ (послѣдующая согласная ставится выше или ниже предѣдущей). Въ однии случаяхъ гласный звукъ выражается посредствомъ начинаящей положенія согласной относительныхъ строкъ, во многихъ случаяхъ гласный звукъ недѣла выражаетъ символически, и тогда она и въ срединѣ слова выписывается буквально,—напоминаю еще въ однии случаяхъ практикуютъ длиженіе зора и срѣдинѣ слова и перечеркивать предѣдущую согласную послѣдующей. Такое разнообразіе способовъ для выраженія гласныхъ зависитъ отъ отсутствія систематичности въ алфавитѣ. Но одинъ способъ не можетъ быть промышленъ иль искать согласныхъ быть всѣмъ: удлинять можно только тѣ согласныхъ, которые не избѣгать себѣ аналогичныхъ между согласными; идущихъ въокругъ согласныхъ недѣла утолшать (то свойствъ пакетъ-перевѣсъ); округлять также пакетъ иѣкоторыхъ согласныхъ; пакинуть и покинуть можно тоже далеко не всѣ звуки, —такъ, если пакинуть ф, то получиться ж, и наоборотъ—если покинуть ж, получиться ф; даже выражать гласную буквально то всегда возможно, напр. звукъ съ цѣлью тѣой наѣдѣніи звукъ, что это нельзя изъискавать между согласными прѣизвестія письмѣ,—это необходимо приставить къ согласной, тѣль и практикуютъ пакетъ, хотя этотъ способъ и неудобенъ по той причинѣ, что отрывать руку отъ бумаги. *) Единственнѣй способъ, недопускающій исключений,—это перенесеніе предѣдущаго звука послѣдующему или звукомъ чертой, но за то этотъ способъ самыи неудобный. Слѣдуетъ замѣтить, что остальные способы въ практической сторонѣ по большей части всѣхъ удовлетворительны; случаи нечестности будуть указаны въ способѣ иѣгъ.

Принципиально символическое выраженіе гласныхъ не противорѣчить ни произношенію, ни слуху, и даже превосходить по своей творѣніи обикновенный способъ выраженія гласныхъ. Въ общемъ-разномъ письмѣ мы разлагаемъ всякий словъ на его составные элементы—согласный и гласный звуки—и каждый изъ нихъ выписывается отдельно, что извѣсно не соответствуетъ слуховому восприѣтію, по

*) Въ видѣ того, что гласныхъ горизонтальномъ зорѣ называетъ себѣ и потому звукъ «и» не можетъ быть выраженъ зорѣніемъ зорѣ, въ составляющими твою удавленную зорѣ, т. Торнай и Устинова пишутъ «и» звукъ «и»

которому каждый слог представляется нераздельным цълью; при симметрических же выражениях гласных въ стенографии, нальгъ глаголь получаетъ относительно инициального слога възвышеніе такого же нераздѣльного цълага, такъ какъ гласный звукъ выражается только въ измѣненіи фигуры согласной или ея положенія.^{*)} Принципиальное симметрическое выражение соотносится въ томъ смыслѣ, что получается возможность выражать слоги въ тоже самое время, какъ они произносятся. Къ сожалѣнію, это достигается только по отношению къ небольшому количеству простѣйшихъ склонъ, состоящихъ только изъ согласного и гласного звуковъ, напр. у Габельсбергера для склоновъ: ии, ии, ка, яи и пр., которые всплутутъ однотипными склонами пера и не замѣтятъ въ себѣ ни одного угла. Для всѣхъ склоновъ это недостаточно, какъ нальгъ и придется уже разъ замѣтить. Въ системѣ Штольце ить изъ одного слога, который не заключаетъ бы въ себѣ уголъ, такъ какъ гласные выражаются исключительно посредствомъ измѣненія относительного положенія согласныхъ, соединенныхъ валентной чертой, которая и составляетъ тѣльце съ согласной; тѣльце слога у Габельсбергера, которые мы сейчасъ называемъ, выражаются посредствомъ измѣненія самой согласной. Казалось бы вслѣдствію этого, что вообще склонъ предпочтость выраженіе гласныхъ чрезъ измѣненіе фигуры согласныхъ выраженіемъ чрезъ измѣненіе положенія, но первый способъ весьма затруднителенъ для принадлежности на практикѣ. Попытавшись исклучительно ить невозможло, такъ какъ каждую согласную пришлось бы измѣнить 9-ю или 10-ю различными способами; чтобы такое измѣненіе и было достигнуто, то фигуры буквы до того измѣнились бы, что чтеніе написанного сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ.

*) Гг. Наульстъ и Мессорпъ, также измѣнили способъ выражения гласныхъ, состоялся на склонящихъ словахъ В. о. Гукблуме, пытаясь ить «Видѣніе изъ извѣшнаго замкновенія»: «Слогъ всплутать не изъ двухъ либо болѣе звуковъ, възъ на обычненіи предполагать себѣ по основаніи нашей системы пять, а составлять собственіе единъ склонъ», тѣкогаризматъ вполнѣ опредѣлительно. Роликеніе простого слога на глаголную и согласную, принижаетъ и другую ил. самостоятельный звукъ, есть искусственно. На самомъ дѣлѣ спасаетъ въ глаголахъ слушать другъ другу только опредѣлѣніе, тѣлько что звуки приближаютъ иль соподчиняютъ за первымъ цѣломъ (unheilbare Einheit). Поэтому еслибы нужно было соблюсти природное свойство иль на именахъ, было бы только раздѣлывать приемы глагольные только на каждомъ этапѣ согласно иль, въ не отрывныхъ буквахъ».

Обратимъ теперь къ подобному разсмотрѣнію способовъ выражения гласныхъ, оставши въ сторонѣ теоретическія разсужденія, которыми Габельсбергеръ подкрѣпляетъ и объясняетъ какій способъ: все разсужденія такого же достоинства, какъ и приведенный выше, при разсмотрѣніи алфавита.

Заудъ, въ общемъ правилу выражаются пристыхъ соединеніемъ согласныхъ, замѣтающихъ между собой этотъ звукъ, посредствомъ волосной черты. Но мы ужъ видѣли, что въ иныхъ случаевъ согласныхъ, между которыми ить гласного звука, также выражаются чрезъ соединеніе посредствомъ волосной черты; вслѣдствіе того во многихъ случаяхъ является сомнѣніе, есть-ли между двумя согласными звукъ съ иль нетъ. Въ этомъ заключается одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ системы Габельсбергера, рассматриваемой изъ смыслѣ обмѣнѣнія письма. Такъ какъ некоторые сочетанія согласныхъ имѣть особые знаки, то иногда есть возможность различить звукъ съ; такъ напр., слово „ирды“ (см. табл. IX.) пишется посредствомъ особаго знака для сочетанія „р, въ слогѣ же „вердь““ буки „р“ и „р“ следуютъ посредствомъ волосной черты. Другіе прикѣрои изъ тонъ же родѣ (см. табл.): берегъ—брегъ—Бергъ, горбъ—гребъ, ростъ—ровѣтъ, терпѣть—трепѣть^{**}, деревень—деревень, грѣть—тереть. Въ подобныхъ случаяхъ присутствіе съ для насъ будуть иль, если мы будемъ помнить, что для сочетаній согласныхъ существуютъ особые знаки. Но гораздо больше есть такихъ случаевъ, въ которыхъ съ не можетъ быть точно обозначено. Г. Ольхинъ предлагаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ (когда присутствіе съ между согласными находитъ смыслъ слова) писать согласная ближе или дальше другъ отъ друга, напр.: гнетъ—Гелъ, меѣть—хѣть, членъ—Членъ, Кельнъ—Кельнъ,—но это же способъ пропущенія при быстромъ письмѣ, иногда же совершенно невозможенъ, какъ напр. въ словѣ „тереть“, потому поэтому пытается совершенно однозначно ить словомъ „тереть“ (см. табл. IX.). Не садѣсть думать, чтобы искочное выраженіе съ илью значение только къ склоненныхъ словъ, подобныхъ, приведеннымъ въ таблицѣ,—это вообще

**) Некоторые изъ извѣшнѣйшихъ прикѣрои съти изъ рукописей Г. Ольхина, потому что у него посвящены иностранные слова пишутся совершенно илько, какъ у б. Германа.

**) Если восходящее (т. е. въышеніе есть илья звукъ) и садаютъ послѣ иль, то это садаетъ по доводу до конца именнаго пространства, иначе иль можетъ быть присоединенъ на дѣлѣ.

затруднить чтение. Конечно, стенограф-практик не затруднится написать, но для общеконного письма, повторяется, это соединять весьма существенный недостаток. Если бы для звука с быть даже еще другой, исподобительной и более удобной звук, то это можно было бы написывать буквально и в средине слова, но прилежащий к звуку совершенно неудобен для соединения с другими знаками из срединь слова. Во всяком случае, когда в призывах, помещенных на таблицах, будет соединено, должно быть, с между согласными, их будет пропускать эту букву и, первою и ставить ее над строкой (какъ это и стояло уже в трансцендентных призывах, напр. въ словахъ «живеть—реять»), —такъ образомъ недостатокъ системы из этого отишеннія будетъ весьма малъятъ. При повторихъ согласныхъ (зреалящественно при восходящемъ я) съ можетъ приставляться, какъ это показано на примерахъ: *идете, рѣбѣть, рѣтѣте, жалѣте*^{*)}, береге. Приставка не припадаетъ къ числу у好象ихъ средствъ и потому употребляется только въ концѣ слова, а въ срединѣ только при соединеніи звуковъ *ж* и *ж* которыхъ одинъ остается совершию изъраженіемъ (напр. въ словѣ «рѣбѣть»). Наконецъ въ рѣтихъ случаяхъ съ выражается приставкой посѣдѣющей согласной изъ срединь предыдущей, какъ въ словѣ „тергеть“ (см. т. IX).

Звукъ *а* вообще выражается утолщениемъ прошестіующей согласной, такъ что и въ концѣ слова оно можетъ выражаться одинако способомъ (см. призыва). Но такъ какъ букви *ж* и *ж* въ системѣ Габельбергера во всей звукѣ не утолщаются, а при письмѣ ссызу вскипѣ и вовсе не могутъ бѣть утолщами, то постѣ *ж* и *ж* выражаются въ толщении посѣдѣющей согласной,—какъ въ курьескѣ правилѣ: *наприѣть*, для выраженія слова *шор* надо писать не отому привыкъ *ж* и *ж* съ утолщениемъ; но рѣсть утолщеніемъ, на основаціи общаго правила, означасть *ж*, таинъ образованъ, *шор* пишется, какъ *шор* (см. призыва: *тартаръ, таинъ, фантъ* съ буквальными переносами; буквы, поставленныи надъ строкой, восстановливать падежную орфографію^{**)}). При зодунѣяхъ согласныхъ, которыхъ утол-

щать не особенно удобно, лучше и можетъ выражаться приведенными ниже этихъ полужирныхъ знакомъ до гречески предыдущей или послѣдующей согласной (призыва: *побѣть, жалѣть, жалѣть*—написано дауна способами, по общему и по частному произнамъ). При письмѣ парандыша почти невозможно выражать *а*, потому что почти невозможно дѣлать утолщеніе.

Звукъ *о* выражается: 1) фыругленіемъ: а) букви *и*, *и* и сложныхъ *ио*, *иу*; б) нижнаго конца изъ буквъ *б*, *в*, *й*, *и*, *и* и *и* съзникой *бр*; 2) сплюснѣемъ съ согласными *л*, *и*, *и* и сложными *лр*, *лв*, *спр*, *тур*; 3) съ и zo выражаются буквами *и* и *и*, написанными по сверху внизъ, а сплюснутыя (въ другомъ оборотѣ); 4) звукѣ *б*, *и*, *и* и *и* съ засыпаниемъ бѣнчалько. При всѣхъ случаяхъ съ выраженіемъ изъ предыдущей согласной (см. въ табл. соотвѣтствія призыва). Графически-правильное изображеніе о требуетъ большого извѣснка, но и при постѣднѣхъ извѣснкахъ о постѣ *и* и *и* остается неочистимъ.

Общее правило для выраженія состоитъ въ томъ, что събѣложили *и* и согласная становятся выше предыдущей, и слоги *ио*, *иу*, *и*, чи выражаются трезъ изънинѣ концовъ буквъ *и*, *и*, *и*, *и*, *и* и *и*, *и* выразимъся утолщениемъ концовъ концовъ соответствующихъ буквъ *и*, *и*, *и*, *и*, *и*, *и*. Кромѣ тинъ, слоги *ио*, *иу*, *и* выражаются трезъ утолщениемъ концовъ буквъ, а слогъ *и* сверхъ того кончикъ выражается при постѣднѣи изъ кончикомъ этой буквы *и* въ. На всѣ приведенные случаи даю призыва табл. IX, и потому по общему подробно никакаго правила. Изображеніе *о* припадаетъ подобно къ числу любыхъ и четкихъ способовъ (бронѣ утолщенніе концовъ буквъ, которые ли соединять новомодными при письмѣ вариантизмъ и трудно осуществимыи дамъ при письмѣ перенять).

Главный способъ выраженія *у* заключается въ посѣдѣющей согласной относительно предыдущей. Если у находиться въ первою слогѣ, то тогда оно выражается привыкшемъ предыдущей согласной относительно строки. Такъ, какъ букви *и*, *и*, *и* появлять нельзя, то передъ *и* и *и* выписывается отдельно или сливается съ *и* окопечностью. Въ окончаніи *у* буква *и* перечеркивается *и*. Наконецъ, слогъ *у* выражается особою знакомъ. Выраженіе *у* вообще чистое.

Звукъ *и* во большей части замѣняется на письмѣ черезъ *и*, какъ въ срединѣ, такъ и въ концѣ слова. Вареніе, даю способъ и для

^{*)} Яко пунто писать два восходяща въ скрода, то каждо изъ нихъ упорачивается.

^{**)} Въ первою задачѣ русинската г. Ольхова также было покъщено это правило, но изъ извѣснка изъѣзжъ писаніе и письмено буквальнико выражено.

точного выражения и, именно перетерпивши, о которомъ мы уже упоминали *).

Для же вене избрь у б. Торнау способъ символического выражения; въ срединѣ слова и всегда замыщается черезъ у.

Точно также предлагается замѣнять и черезъ а; въ тѣхъ же случаѣхъ, когда можно изыскать обнадеживающій, предлагается писать я буквально (черезъ 2-ой знакъ) или выражать его черезъ соединенную склонность и а. Это послѣднее правило предназначено для чисто тѣхъ странныхъ пращихъ, съ которыми намъ пришлось познакомиться выше. Негообразность его можно лучше всего показать на примерѣ. Положимъ, что намъ нужно написать слово „рядъ“ (см. т. IX); по упомянутому правилу мы пишемъ р, поддѣлывая д выше строки—для выражения и и утолщаемъ его—для выраженія а; но такъ какъ утолщеніе выражается послѣдующее, а не предѣдущее а, то у насъ получается рядъ, а не рядъ; если бы мы изобрѣтали утолстать р, то получили бы рядъ, но никогда не получали бы нужнаго слова, такъ что соединенной склонностью и а никакъ нельзя получить я **).

Мы старались какъ можно короче изложить способы выражения и и выражения гласныхъ и даже пропустивъ нѣсколько частныхъ правилъ, но и приведенныхъ памъ достаточно, чтобы показать читателю трудность изученія системы Габельсбергерса и окрадить наши слова относительно запутанности ея. При всѣхъ случаяхъ, когда въ правилахъ встрѣчаются неточности, б. Торнау обыкновенно прибавляетъ, что систему Габельсбергерса должны изучить исключительно образованые, хорошо знакомые съ свойствами русского языка люди, для которыхъ, конечно, не представлять затрудненій, царъ, замѣна и черезъ у. Между тѣмъ въ другиѣ же случаяхъ б. Торнау не стесняется превозносить систему Габельсбергерса именно за ее точность.

Слагчесіе согласной (и) не выражается ни у Торнау, ни у Ольхина, т. е. въ посѣтъ согласной всегда процессы: передъ гласными звукомъ и замыщается черезъ и; о выраженіи же въ передъ гласныхъ ничего не сказано ни у б. Торнау, ни у г. Утикова. Отно-

сительно двухгласныхъ (и, ой и т. д.) сказана вообще, что и въ нихъ выражается утолщеніе звонкой черты.

Въ концѣ IX табл. приведено нѣсколько примеровъ на частное правило, вытекающее изъ стѣкующемъ послѣ данныхъ согласныхъ буквъ и можетъ выражаться посредствомъ петли, обнавливющей мѣсто согласныхъ, причемъ измѣненіемъ положенія въ видѣ петли символизируются гласные звуки.

Мы изложили тѣ правила, съ помощью которыхъ уже можно писать какія угодно слова; изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы Габельсбергеръ никъ въ видѣ составлять систему, удобную для обыкновенного письма; напротивъ, если и можно писать по системѣ Габельсбергера безъ всякихъ сокращеній, то письмо это вовсе не будетъ отыскаться удобствомъ, особенно при длинныхъ словахъ. Въ учебникахъ скепторрафіи никогда не было падки такого письма по системѣ Габельсбергера, каковъ комбінѣніе у насъ на табл. XIII; всегда примеры съмнительнаго письма давались позѣтъ того, какъ уже изучены сокращенія для приставокъ и окончаний, и это служитъ доказательствомъ неудобства письма безъ сокращеній. Въ этомъ неудобствѣ читатели могутъ убѣдиться поглянувъ на табл. XIII, где бѣзъ всякихъ сокращеній написаны одни и тѣ же фразы сначала по системѣ Габельсбергера, а потѣхъ по системѣ Штальце. Фразы эти слѣдующіе: „Правительствующій сенатъ счѣтъ необходимымъ разыскать губернаторамъ предѣлы ихъ власти относительно пакетій обязательныхъ администраторскихъ распоряженій.—Французскій языкъ употребляется въ настоящее время при дипломатическихъ сношеніяхъ.“ Ни одна изъ современныхъ скепторрафіическихъ системъ не можетъ совершенно замѣнить того письма, которымъ все пользуются юнѣтъ*. Неудобство письма главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что перо должно часто значительную удалость отъ строкъ; длинныя слова въ особенности отличаются неудобствомъ своего начертанія. Замѣтиль, что мы всегда избирали изъ нѣсколькоихъ возможныхъ способовъ письма самый удобный изъ графическихъ отношеній. Съ орфографіей и неточностями системъ мы уже познакомились и потому мы не сочли нужнымъ приводить въ таблицахъ буквальный переводъ приведенныхъ фразъ.

Прощайтъ теперь общий взглядъ на графическую сторону системы Габельсбергера.

Главное преимущества системы Габельсбергера передъ геометрическими системами заключается въ болѣе удобномъ направлении начертаній

*). По способу Ольхина, и выражается округленіемъ, важъ и а, но только если письмо, тогда какъ первокраснѣстъ оказывается я.

**). Этотъ способъ выпадаетъ и можно найти и въ 3-мъ изданіи рукописей г. Ольхина.

въ постановѣ письма на строку. Послѣднее диктуетсѧ чрезъ употребленіе волосной черты, которая притомъ служить вспомогательнымъ средствомъ въ дѣй выраженіи гласныхъ. Но тѣхъ же случаевъ, когда волосная черта соединяетъ дѣй согласныхъ, стоящихъ рядомъ безъ промежуточнаго гласного звука, она должна быть прознакомъ положительной предыдущей, такъ какъ образуетъ лѣвый уголъ. Этотъ недостатокъ собственно захваченъ въ системѣ Штолльсе, такъ какъ у Габельсбергера большие знаки, которые совпадаютъ непосредственно у Штолльсе, не часто соединяются волосной чертой между ними, которая стоитъ одинъ подъ другимъ и между которыми нетъ гласного звука; но также случаю волосныхъ чертъ противодействуетъ болѣе осмысленный, не ударный знакъ на строкѣ въ виде маленькой буквы.

Недостатки системы Габельсбергера съ графической стороны выключаются изъ обbaughенія: при любыхъ видимѣйшихъ бываютъ письма не четко: во множествѣ случаевъ письмо должно прерываться на срединѣ слова (пар., дѣй выраженія согласія же или ярука и мн. мн. же, находятъ, при приставкахъ съ), несмотря на постановку письма на строку, оно часто уклоняется отъ постѣсковъ на значительное расстояніе (пар., при двухъ восходящихъ же и т. д.). Некоторые согласные могутъ быть написаны двояко: спершу пишутъ илиоборотъ, точно также некоторые гласные звуки могутъ быть выражены двумя способами; вслѣдствіе этого при письмѣ налаживать выборъ наимѣнѣе удобный изъ графическихъ отношеній способъ. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что въ Германіи существуютъ стилографические лекционныи по системѣ Габельсбергера; они весьма не лишни для изученія, которые изъ нихъ могутъ соприимѣтиться, пишутъ иначе то или другое слово.

Курсы стилографіи по системѣ Габельсбергера дѣлятся обикновенно на 3 отдѣла подъ сглѣдующими наименованіями: 1-й отдѣлъ—букво-сочетаніе (мы его только что разсмотрѣли); 2-й отдѣлъ—словосокращеніе и 3-й—словосущесвіе или сокращеніе по смыслу рѣчи. Такъ какъ мы послѣдніе отдѣла не представляютъ особого интереса для преподавателей, то мы ограничимся только самими практиками упомянуть, чтобы дать лишь общее понятіе о сокращеніяхъ; между тѣмъ оба эти отдѣла для стилографа-практика представляютъ большую важность и, изъ сожалѣнія, отличаются не малою сбогательствомъ.

Мы уже неоднократно говорили, что не одна стилографическая система не можетъ обйтись безъ сокращеній, т. е. заменять рѣчь сокращенно тѣмъ, какъ она слышится. Долженъ ли вопросъ, что

же собственно слѣдуетъ размѣтить цѣль сокращенія? Необходимо различать сокращенія достопримѣчнія, которыя надо заучивать наизусть, и производильныи, образованные во время самого письма (напр., однозначное слово въ Габельсбергерахъ сокращеніе по смыслу рѣчи). Шестиглавыя сокращенія могутъ состоять въ употребленіи, какъ цѣлыхъ словъ и склон., или производительныхъ фразъ, или же отдельныхъ буквъ. Производильныи фигуры употреблялись для сокращеній въ особенно большомъ количествѣ въ геометрическихъ схемахъ (здесь тривиально мене и въ сочиненіи Гайдру) *). У Габельсбергера искъ цѣнного. Сюда относятся слѣдующіе знаки: \times крестъ + бокса, — мечъ, ! чил. гос., II и. тг., тг.; скоба, скоба ? спрашиватъ, сращивать. Если сокращенія, составленыи изъ производительныхъ фигуръ, употребляются въ большомъ количествѣ, то заучивать ихъ требуетъ весьма большими трудами, такъ какъ, при большомъ числѣ ихъ, нельзя себѣести того желанія, чтобы фигуры до некоторой степени напоминали изображаемыи ими слова. Это напоминание исколькъ достигается при буквальныхъ сокращеніяхъ, когда одна или дѣй буквы изображаютъ цѣлое слово. Сокращенія теперь, какъ слоги и слова должны изображаться сокращено? Конечно, тѣ, которые чаще встречаются въ рѣчи. На этомъ основаніи непреложимъ сокращеній общеповсюду выражаются приставки, окончанія, служебные части рѣчи (предлоги, нарѣція, эпостоміи) и, наконецъ, коренные слова или корни, дающіе большое число производныхъ. Чемъ меньше сокращеній употребляется при написываніи на говорящемъ, тѣмъ стилографическая система лучше, такъ какъ число сокращеній находится въ прямой зависимости отъ графическихъ достоинствъ системы.

На табл. X приведены примѣры сокращеній, употребленныхъ въ б. Торту. Для окончаній именъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ дано болѣе 30 сокращательныхъ знаковъ; считая по учебнику г. Устинова. Способъ соединенія иныхъ сокращеній лучше всего устанавливается буквальными переводами приложенийъ, который помѣщены въ таблицахъ; приводимъ изъ небуквальнаго перевода эти при-

* Очеркнуто описанъ Дикенспитъ въ «Дѣлѣкѣ Копперролда». Относительно этого рожна часто (и даже чрезвычайно часто) упоминается для характеристики стилографической системы.

изречь *): блаженство, барышничество, нравственность, ученовство, желание, жалость, жальство, юльианъ, литераторъ, композиторъ, стенохрафія, грабительский, бѣдный, покровительственный, бытъ, бѣднитѣй, читающіе, читавшіе, творчество, творчества. Сокращенія для окончаний также иногда не четки; такъ, буквы же въ вертикальномъ положеніи выражаются склонаніемъ словъ, тѣмъ же буквой съ большими загибами наѣво оказывается окончаніе *иже*, и съ загибами наѣво — окончаніе *асъ*; приложимъ теперь, что слогъ *иже* тоже выражается напрямлѣніемъ *и* вѣтвью, и мы пойметъ, что четкость въ этихъ случаѣахъ совершенна невозможна. Многіе суффиксы совершенно выпускаются, такъ что, напр., одинъ и тотъ же знакъ служить для выраженія окончаній: *сти*, *истин*, *истинъ*, *истинѣ*, *истинѣст*.

Для служебныхъ частей рѣчи (прелоговъ, союзничь, нарѣчий, нестопыжій и т. различныхъ подлежащихъ), а также для некоторыхъ выражений (до тѣхъ порть, во что бы то ни стало и т. д.) дано больше 100 сократительныхъ знаковъ. Мы не приводимъ пріимѣръ этихъ сокращеній, такъ какъ они острѣчаются въ отрывкѣ слянаго письма, помѣщенномъ на табл. X. Есть особые сокращенія и для типъ числовыхъ.

Для приставокъ дано 20 сокращеній. Приставка *за* изображается тѣмъ же знакомъ, какъ иѣченное *и*, *за* изображается слогомъ *и*, *при* — *у* (вѣличинныхъ *и* и т. д.). Нѣкоторыя приставки пишутся засега отдалено отъ корня (напр., *пере*, *ид*).

Сокращенія для тѣлыхъ словъ и корней выражаются условными знаками или значками **): (въ измѣненныхъ стенохрафіяхъ — *Sigel* отъ лат. *sigla*); въ примѣненіи гг. Торнау и Цейбахи ихъ около 120. Составлены они крайне неу碌бо; многія слова получили знаки совершенно не по праву; таковы: артиллерія, банкъ, инфантерія, корпусъ, коллегія и пр., которые вовсе не часто встречаются въ общедѣланной рѣчи. Способъ составленія неоднаковъ; вѣсто тѣлого слова берется то начальная его буква, то конечная, то срединная. Такъ, слово *«вѣторъ»* изображается буквами *ор*, поставленными надъ стро-

кой; тѣль же буквы *ор* на строкѣ означаютъ слово *«вѣторъ»*; условный знакомъ для слова *«образъ»* служить букви *бо*, вѣсто *«произволство»* пишется *«ро»* и т. д. Отъ каждого значка получается большее или меньшее количество производимыхъ чрезъ прибавление одной или двухъ буквъ, стоящихъ по большей части отдалено отъ значка. Напр., букви *бя*, поставленные подъ знакомъ слова *«судъ»*, образуютъ слово *«судебный»*; буква *х* подъ тѣмъ же знакомъ образуетъ прилагательное *«судейский»* и т. д. На табл. X помѣщено нѣсколько значковъ на букву *с* съ производимыми отъ слова *«судъ»*. Легко понять, какъ труда достичь свободного употребленія такихъ значковъ на практикѣ; мало того искъ заучить, — необходимо, также сказать, сроднился ли имена. Впрочемъ, въ системѣ Габельсбергера употребляется еще не такъ много постоянныхъ, изучившихъ напасть сокращеній, какъ въ системѣ Штольце. Б. Торнау значительно отступаетъ отъ своего птицелагового образца, въведенаго въ систему гораздо больше сокращеній, чѣмъ сколько ихъ употребляется въ измѣненной стенохрафіи. Г. Ольхина гораздо ближе дeraзится въ этомъ отношеніи душа системы Габельсбергера; постоянныхъ значковъ у него всего только 63 (сюда входитъ и знаки для служебныхъ частей рѣчи). Вообще оба отѣла сокращеній у г. Ольхина разработаны лучше, чѣмъ у б. Торнау, и въ этомъ отношеніи превѣтно г. Ольхина спосѣди гораздо выше приближенія гг. Цейбаха и Торнау.

У б. Торнау, кроме условныхъ знаковъ, употребляются еще условные сокращенія (ихъ вовсе иѣть у г. Ольхина). Б. Торнау двѣйствуетъ различие между первыми и вторыми, что условные знаки устанавливаются разъ на всегда, неизмѣнно, установивъ же сокращенія, составленные посредствомъ производимаго выражениями срединныхъ буквъ, которую бытъ измѣняли по указаніямъ личнаго опыта стенохрафонъ-практиковъ. Число условныхъ сокращеній не ограничено; въ руково-стѣй же г. Установлена погоды до 200 *«пріимѣръ»* такихъ сокращеній. Ихъ по справедливости слѣдуетъ отнести къ тѣмъ же знакамъ, заучившимъ напасть, такъ какъ, хотя отдаленія хица и могутъ измѣняться, и предумышлено ишь такія сокращенія, но измѣненія эти дѣляются не подъ вѣдѣніемъ напасти, а вслѣдствіе опыта. Выпуски срединныхъ буквъ ограничиваются только тѣмъ условиемъ, чтобы сокращеніе посредствомъ такого выпуска слова не походило на другое слово или условный знакъ. Вотъ пріимѣры буквальнаго перевода условныхъ сокращеній: *святъ* = *свѣтъ*, *предест* = *предѣдѣтель*, *получат* = *популарничать*, *полюрост* = *популярность*, *доказат* =

* Рядомъ съ сокращеніемъ стенохрафонъ-типу пачертаніемъ поставлено поясненіе для сокращенія несокращеніе, тѣмъ что вытеснъ отъ употребленія сокращеній представляемъ самимиъ вспомогательнымиъ образами.

**) Г. Ольхина называетъ искъ самосознаніи — *тержитъ*, предложеній сажитъ *авторомъ*.

доказательство и т. д. Способъ горьковскимъ сокращений долженъ быть совершенно осуждены, таъ какъ это означаетъ подобныя безсмыслицы исчезающею. Стати же сокращений значительны приближаются по своему значению къ специальности языка и къ употреблению въ системѣ Штодолье; о нихъ мы скажемъ въ статьѣ искрь.

Что касается до произвольныхъ сокращений, то ихъ такое преобладающее значение въ системѣ Габельбергера. Они носятъ название сокращений по смыслу рѣчи или логическихъ. Основная мысль есть состоять въ томъ, что икогда слова въ предложении могутъ быть удалены таъ по смыслу, если изъ обозначать только одною или двумя буквами. Приближительное значение пропущенного слова указывается смысломъ фразы, къ которой она относится, независимо отъ другихъ словъ въ предложении и въ особенности общими смыслами всей рѣчи; а удаленный выборъ одной или двухъ буквъ изъ этого слова опредѣляется имъ. Если, наприм., въ описании орла мы встрѣтились такую фразу: „орелъ летаетъ очень бы—“, то мы не можемъ прочесть пропущенное слово искрь, какъ „весело“. Другой разъ, „правительство заказалось обѣять своимъ стрѣлами новыя ру—“; здесь пропущенное слово можно прочитать какъ „румы“, „руманды“ или „рубанки“, но если въ предыдущихъ фразахъ говорилось о необходиимости иметь новые ружья или о происходствіи ружей новой системы, то въ данной фразѣ, конечно, сдѣлать чисто „румы“, и не чѣмъ другое ^{*)}). Очевидно, что при подобныхъ сокращенияхъ одна и та же буква можетъ имѣть различное значение въ различныхъ эпитетахъ рѣчи. Поэтому также, что способъ пользованія такими сокращеніями обусловливается прежде всего личными способностями стеноグラфа; иначе, существуютъ некоторые правила для руководства начинаящими.

Габельбергеръ ^{**)} различаетъ 3 формы логическихъ сокращений:

^{*)} Такое различеніе сдѣлалъ относительно приведенной фразы б. Торнай въ статьѣ за четвертый терминъ г. Позуальона; б. Торнай различаетъ, что логические сокращенія различаются по смыслу рѣчи, а не по смыслу только отѣлочной языка.

^{**)} Мы оставляемъ въ сторонѣ мнѣніе Габельбергера, что логические сокращенія назначиваются тѣмъ, чѣмъ рисовой стенографией (стеноGRAMMIE), потому вопросъ весьма основательный и таъ не представляется никакой загадкой, какъ для такого Габельбергера къ бывшемъ бы отъчекъ можно спрятаться въ стеноGRAMME изъ предѣстия.

сокращенія по виду, по звуку и смыслии, представляющія соединеніе первыхъ трехъ способовъ. Эти три формы различаются и въ руководстве г. Устинова, но вовсе не различаются въ примерѣ ^{*)}. Потъ сокращенія по виду или по формѣ разумѣются пропускъ самой главной части слова, т. е. коры, прочитъ выписывается только начало слова или его конецъ, или то въ другое пѣсни. Звуковыхъ сокращеній дѣлается, какъ сказано у г. Устинова, тогда, когда одна гласная или согласная особенно слышна при произношеніи сокращаемаго слова, и таъ сокращенія слова пишутся только этой буквой. Бывало-бы, что поэтому сокращенія слова всегда должны изображаться буквами, относящимися къ тому слогу, на который стоитъ удареніе (такъ какъ иначе слышишь всего слышится въ словѣ),—однако, въ руководстве г. Устинова этого вовсе не замѣтно, и его звуконы и смыслии сокращеній пѣтии не отличаются отъ сокращеній по формѣ. Для доказательства производимъ несколько примеровъ по каждому разряду сокращеній, взятыхъ изъ руководства г. Устинова; буквы, поставленныя выше въ тѣхъ строкахъ, ставятся таъ и въ стеноографическомъ письмѣ, частѣ для символического выраженія гласныхъ. 1) Сокращенія по формѣ: Хризобѣ не можетъ ^{**}. Бѣдны всегда ^{***}. Всѣ тѣла падаютъ всѣздѣствіе своей ^{****}. 2) Звуковые сокращенія: Цѣльность всѣхъ твоихъ вещей ^{*****}. Смерть есть конецъ тѣлеснаго ^{*****}. Слабы память есть и ^{*****}. 3) Смыслические сокращенія: Безкорыстная уединенность есть ^{*****}. Въ этой школѣ не все ученики ^{*****}. Къ логическимъ же сокращеніямъ относится невыписаніе окончаній, когда исходная ясно указываются управление и согласованіе словъ, проpusкъ предлоговъ (какъ въ толстограммахъ) и пр. Сюда же относится захвата слова съ значеніемъ, противоположнымъ только что высказавшему, знакомъ > („Очерная Сибирь бесплодна, а земля >“) и замѣна повторяющихся словъ знакомъ = („Всекиа гордость я == зависѣ грѣхъ“).

Обращаясь къ оцѣнѣ логическихъ сокращеній ^{**)}, мы должны прежде всего сказать, что основная икъ мысль въ теоріи своей исчезла, но практическое ихъ осуществленіе влечетъ за собой неточности и двусмысленности. Стенографъ, который всѣ свои усилия

^{*)} Г. Ольхинъ всевъ по различается сокращеній по звуку.

^{**)} Иногда они называются также съгласными и сокращеніями на тѣхъ основанияхъ, что, будто-бы, прилагаются по большей части къ стеноGRAMMIE.

устрашаетъ изъ та, чтобы не проронить чѣмъ записанной именъ рѣчи, даъсьть, при употреблѣніи логическихъ сокращеній, еще съдѣтъ заъ самыя предложенія и заъ общимъ ходомъ мыслей оратора; работа стеноографирующего отъ этого должна заслательно затрудняться,—всѧкъ даже и душуся, что стенографъ понимаетъ то, что записываетъ (такъ какъ чѣмъ проходится встрѣчать въ печати указания, которыя прямо утверждаютъ, что стенографы, записывающіе, напр., парламентскія рѣчи, не имѣютъ никакого познанія о ихъ содержаніи). Це худоево, что стеноографирующій не всегда будетъ удачно выбирать букви для сокращенія,—и тогда, при переводе стеноограммы на обыкновенный шрифтъ, онъ можетъ придать неестественнѣй фракціи такъое впечатлѣніе, которое право противоположно сказанному ораторомъ. Но даже и при всѣхъ искусствѣ и вышательности стеноографирующаго возможныя ошибки оратора. Такъ, можетъ случиться, что въ дашюку сокращенію будетъ подходитъ совсѣмъ иными словами или близкими по значенію словъ; конечно, общий смыслъ фразы сохраниется въ этомъ случаѣ, но исчезнетъ тотъ отрывокъ, который, можетъ быть, хотѣлъ придать своей фразѣ оратора. Въ таблицахъ г. Устинова много приведено такихъ неточностей; приведемъ здесь нѣсколько. «Въ церкви должно стоять ^{ко} (благоговѣю, благопри-
стай). Куда быстрѣа ласточки, пролетавшіе изъ хѣта, у отъ нихъ
шкоды? (улетаютъ, удаляются). Восхищеніе солнца есть часто ^{ко} зре-
зиде (прекрасное, превосходное, прелестное)».

Логическія сокращенія легко могутъ совпадать съ условными зна-
ками, отчего является новымъ попутью къ недороднѣнію, которое при-
томъ не можетъ быть разрѣшено никакими сообразованіями. Такимъ
образомъ употребление логическихъ сокращеній есть какъ бы постоян-
ное упражненіе изъ остроумія, изобрѣтательности и тѣхніи избѣгат-
ь двусмысленностей. Понятно теперь, отчего приверженцы системы Га-
бельсбергера говорятъ, что ихъ система доступна только образованнѣмъ
и развитнѣмъ людямъ, а не всякому грамотному человѣку. Кромѣ того
нуженъ большой извѣзъ въ большомъ совершенствѣ и въ технике письма
для того, чтобы приступить къ употребленію логическихъ сокращеній.
Но даже въ стеноографіѣ, не разинувъ еще въ своей руѣ до-
статочнѣй быстроты, пролуждѣть будеть усиленно пользоваться логи-
ческими сокращеніями, оттого смыслъ записаннаго совершенно
искажится (это между прочимъ и обнаружилось на соревнительномъ
доказываніи учениковъ гг. Ольхина и Паулссона,—см. „Исторический
отчетъ“). Штольде и его наследдователи совершенно отвергаютъ ло-

гическихъ сокращенія, хотя послѣднія съ однозначнѣмъ удобствомъ мо-
гутъ быть применены коъ всякой системѣ и даже къ обыкновенному
письму. Намъ кажется, что совершенное устрашение логическихъ со-
кращеній представляется крайность. Такія сокращенія съ большин-
ствомъ могутъ употребляться въ письмѣ „для себя“, когда не тре-
буется особенная точность; при стеноографировании же за говорящими
логическія сокращенія должны быть, такъ сказать, постыдныи изъ
средствъ, инициирующихъ распоряженія стеноографа. Въ виду спе-
циальной цѣли стеноографії нельзѣ пренебрегать никакими средствами
сокращеній. Можетъ случиться, что даже самый опытный стеноографъ
не будетъ въ состояніи угадать за рѣчи, всѣдѣтъ превышающей
быстроты оратора или собственное познаніе съ предметомъ рѣчи,
для которой онъ еще не успѣлъ пріготовить специальныхъ знаковъ
(см. о нихъ ниже),—и въ такомъ случаѣ логическія сокращенія дадутъ
единственную спасительную средство; стеноографъ все равно буд-
етъ приложеннѣе производить сокращеніе слова,—такъ же лучше-ли,
при этомъ сокращеніи, обращать вниманіе на логическую связь словъ
и предложенийъ, на сколько это возможно? Не скѣдуетъ только при-
давать логическимъ сокращеніямъ преобладающее значеніе.

Приводимъ въ заключеніе паспортъ общора системы Габельсбергера
буквальный переводъ отрывка юридич. письма, помѣщенного въ
табл. X. Отрывокъ этотъ представляютъ начало рѣчи прокурора
окружнаго суда и взятъ нами изъ таблицы г. Устинова. Буквальный
переводъ пасходиѣ всего понижающъ настъ тѣми сокращеніями,
которыми пользуются стеноографы. Напечатанные курсивомъ слова и
буквы означаютъ настоящія сокращенія, заучиваемыя память и
потому свободно разбираемыя стеноографами; напечатанные обыкновен-
ными пріфтиами слова выписаны вслѣдъ или сокращены по смыслу
рѣчи; паконецъ, буквы, напечатанные жирнымъ шрифтомъ, пред-
ставляютъ сокращеніе собственныхъ имѣнъ и въ стеноографической
письмѣ подчёркиваются.

Приказъ № 6 общемъ " подъ при ил. кре" №
парандъ илъ р. но даже съ сокращеніемъ илъ и сва-есть при и
томъ" обстѣока" и увелич. времена и подсчитъ на подсумкѣ б. и сва
иц. " заніе подъ при подтвѣса со " ил. и " намъ обяснятъ и почту
показъ б. б. илъ вакъ я с. ил. и 26 и 12 часъ по 5 захватъ поваралъ сак
с вакъ б. во " и скрылся и возвратса по вакъ 4 часъ " б. показъ
и 12 часъ с. и б. илъ вакъ и вотъ сакъ по б. ря" и 10 часъ до 4 б. сакъ
трактъ по лишилъ изъ д. и ол. толъ и въ частъ изъ-о содѣжасъ подъ ар
6

ватор о руко Ѹе цатъ въ въ то " ч а ую Ѹе аско позает ч он оба сюда въ и въ и ч она давалъ показанія сюда и с обѣ, начиная.

Переводъ безъ сокращеній: „Гг. присяжны! Подсудимая солдатка Баутина, обвиняется въ ложномъ показаніи подъ присягой на судѣ; преступленіе это парализуетъ не только рѣшеніе суда, но даже самое отравленіе юстиціи. Ни святость присяги, ни торжественныя обетованія суда, ни увѣнчанія представителя не подѣбствовали на подсудимую Баутину, и она на судебнѣмъ засѣданіи подъ присягою подтвердила свое ложное показаніе. И должно вамъ объяснить, гг. присяжные, почему показаніе В. было такъ важно для Сергея Игнатова. Игнатовъ, 26 июня, въ 12 часовъ ночи, былъ захваченъ съ покрашенными сахиромъ съ заводъ Борисовскаго, по еть усѣть закрыться и возвратился на заводъ въ 4 ч. утра; ему нужно было доказать, что въ 12 ч. опять же былъ на заводѣ и вътъ османахъ на В., которая говорить, что съ 10 ч. до 4 била съ ней въ трактире Королева. Мы знаемъ иль дѣла, что она ходила къ И. въ часъ, когда она содержалась подъ арестомъ, и въ это время она уговаривала ее звать это ложное показаніе. То обстоятельство, что она уговаривала ее, иль показываетъ, что они оба сошлись, что показаніе это ложно, и что она давала это показаніе сознательно и съ обдуманнымъ намѣреніемъ".

Въ буквальномъ перевѣдѣ мы въдѣлѣ выражали букву я, т. е. признавали въ разстѣтѣ уточненіе знаковъ, но при стенографировании за говорящими соблюдать уточненіе совершение невозможно, таъль что затруднительность пониманія написанного значительно возрастаетъ. Переводомъ, подобныхъ приведенному выше, нельзя найти ни въ какихъ учебникахъ стенографіи; только б. Торнай раскинула помѣстить въ своихъ „Чтѣзахъ о стенографіи" буквальный переводъ условныхъ знаковъ и сокращеній, но и таъль нѣтъ буквального перевода стено-графии.

Стѣлаютъ теперь общее заключеніе о системѣ Габельбергера. Принципы этой системы (б. Торнай, а за тымъ и г. Устиновъ) вѣдоутъ изъ своихъ восхваленій до того, что провозглашаютъ ее совершенѣйшую формою письма, сравнивая ее при этомъ съ арабскими цифрами, которыми служатъ послѣднюю формою для выраженія чиселъ. Постѣль всего сказанного нами о системѣ Габельбергера, для насть иль необходимости опровергнуть такое мнѣніе, мы видѣли себѣ недовѣріе систѣмы и потому неувѣренное восхваленіе ее можетъ только вѣдеть у насть умѣру. Никто не станетъ отрицать

у Габельбергера достоинства ихъ славы или отвергнуть достоинства его системы, но не сдѣлаетъ закричать глаза и на ея недостатки. Заслуга Габельбергера состоять въ томъ, что она покинула старый путь, по которому шли стеноографіи, употребляемые для письма знака, которыми пишутся столъ же удобно, какъ въ буквахъ обыкновенного письма *), и изобрѣла оригинальные въ письма остроумные способы вокализаціи, т. е. выраженіягласпѣть. Между недостатками на первое чѣсто сдѣлустъ нестичность системы, какъ въ отѣль вокализаціи, такъ и въ отѣль сокращеній. Не поддается сопрѣтію таъль трудности теоретического изученія оснований системы,—однакъ стѣлѣ этическіи привилъ и поглощаютъ изъ нихъ. Съ графической стороны система вѣдеть тутъ недостатокъ, что письмо все-таки иногда значительпо удаляется отъ строки, хотя достигнуто уже большое преимущество въ ясномъ отношеніи наѣхъ геометрическими системами. Наконецъ, какъ слѣдствіе исчисленныхъ недостатковъ, выдѣляется неудовлетворительность разсмотрѣнной нами системѣ не смыть обыкновенного письма.

СИСТЕМА ШТОЛЬЦЕ.

Главной соперницей системы Габельбергера въ Германіѣ является система Штольце; у насть, въ Россіи, также происходитъ борьба этиль двухъ системъ, но постепенно затухла, какъ затухло вообще вѣданіе общества къ стенографіи. Штольце имѣлъ вышое превѣтѣство передъ Габельбергеромъ, таъль какъ могъ воспользоваться трудами своего предшественника; вѣдѣніе системы Габельбергера хѣстѣтально и зауѣтно въ системѣ Штольце. Тогда какъ первый разработалъ свою стенографію эмпориатской путѣ, такъ сказать ощущую, второй уже могъ трудиться, выработать себѣ предварительно опредѣленную теорію посредствомъ обобщенія способовъ Габельбергера. Со стороны систематичности, послѣдовательности правиль и точности письма Штольце стоятъ гораздо выше письма Габельбергера, но зато первое не обладаетъ таюю прѣѣтствіемъ начертанія, какъ второе (если

*). Этого убѣдства нельзя отнять у обыкновенного письма, которое требуетъ лишь чрезвычайно сплошной склонности; задача стено-графии и состоять въ пак-боязни упрощенія письменности знаковъ.

не принимать въ расчетъ сокращений). Что касается до русской разработки системы Штольце, стѣльской гг. Паульсона и Мессеръ, то она принадлежитъ къ числу добросовѣтѣйшихъ трудовъ по стенографіи и въ тѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ даже выше своего швѣцарскаго образца.

Сочиненіе гг. Паульсона и Мессера „Русская краткоею или стеноографія по начальному Штольце“, вышедшее двумъ изданіямъ въ 1864 и 1866 гг., представляетъ издложеніе системы въ ея органической связи, съ указаниемъ на тѣ принципы, на которыхъ она построена, и на главнѣйшіе недостатки системы Габельбергера; во второмъ изданіи приложено краткій исторический очеркъ стеноографіи и полемическихъ статей противъ г. Оуктива. Въ 1868 г. вышло „Практическое руководство къ изученію русской стеноографіи“ — тѣхъ же авторовъ, но расположенныхъ по совершенству другому плану, исключительно для цѣлей преподаванія, бывъ какихъ бы то ни было комментаріевъ къ правиламъ. Съ 1872 г., когда появилось второе изданіе этого руководства, гг. Паульсонъ и Мессеръ не выпускали больше сочиненій по стеноографіи. Однако появилось и въ послѣдующіе годы нѣсколько учебниковъ стеноографіи по приложенію упомянутыхъ авторовъ и нѣсколько великихъ изданий, касающихся того же предмета, напечатанныхъ г. Даусскимъ („Стеноографическая хрестоматія“ въ 1874 г., „Самоучитель русской стеноографіи“ — въ 1875 г. и др.). Такимъ образомъ оказывается, что учебники стеноографіи, какъ по системѣ Штольце, такъ и по системѣ Габельбергера, у насъ было достаточно.

Азбука гг. Паульсона и Мессера извѣстъ цѣлое преимущество передъ швѣцарской азбукой Штольце. Если въ послѣдней можно замѣтить еще въ некоторомъ несистематичности (такъ напр., совершенно несходные звуки *h* и *w*, *v* и *d* означаются совершенно одинаковыми по формѣ знаками, отличающимися одинъ отъ другого только величиной), то русская азбука въсѣе не имеетъ этого недостатка. Еще важнѣе то обстоятельство, что гг. Паульсонъ и Мессеръ умѣнили разнообразіе знаковъ Штольце во величинѣ, совершенно исключивъ изъ своей азбуки трехимбрные знаки, которые существуютъ во швѣцарской стеноографической алфавитѣ; наимѣе неоднократно уже приходилось говорить о предѣлѣ отъ большого разнообразія въ размѣрахъ стеноографическихъ знаковъ. Основные черты для азбуки по системѣ Штольце (см. табл. XI) представляютъ различныя видоизмененія прямой линии посредствомъ загибовъ въ концовъ; въ чистѣ основныя черты помѣ-

щены такие же огни и сго дѣй положенія. Гг. Паульсонъ и Мессеръ выводятъ происхожденіе своихъ знаковъ въто — изъ обыкновенныхъ рукописныхъ буквъ, но ихъ объясненія на этомъ счетѣ довольно затруднительны: читать кажется, что то объясненіе происхожденія знаковъ, которое представлено у насъ на табл. XI, гораздо естественнѣе и притомъ наглядно показываетъ систематичность алфавита. Для изображенія всѣхъ звуковъ основныя черты производятся увеличивать и уменьшать; вслѣдствіе уменьшения получаются полуимбрные, а посредствомъ увеличенія — двубѣрные знаки. Полученныйми изображаются гласные звуки, а одномѣрными и двугигирическими знаками — согласные.

При распределеніи знаковъ между согласными составлены системы рукописствовались какъ типографскими таблицами (см. выше систему Иванова), такъ и другими соображеніями: удобствоъ соединенія звуковъ между собою и классификаціей согласныхъ звуковъ. Читатель легко замѣтить, что классификація гг. Паульсона и Мессера, представленная на табл. XI, вовсе не такого сопротивляемаго достоинства, какъ классификація въ системѣ Габельбергера, — она вполнѣ паччна. Согласные звуки раздѣлены по органамъ произношенія на губные, зубные, язычные и гортанные. По произношенію согласные прежде всего дѣлются на плавные и неплавные; между неплавными различаются придыханія и прироженія¹; прироженія суть звуки хризовентные, придыханія же — звуки, которые можно продлить. Наконецъ, какъ придыханія, такъ и прироженія дѣлются на звучные и отзвучущіе или шипотные звуки; при произношеніи звучныхъ согласныхъ участіе глюссовки сказывается, а при произношеніи шипотныхъ участія ихъ не замѣчается. Приведенная классификація довольно постѣдовательно проведена и въ формѣ знаковъ; въ дистарніи находятся только знаки для шипотныхъ. Знаки губныхъ звуковъ извѣстны загибъ внизу и спаса, а гортанныхъ — извѣрку и сльза; зубные звуки изображены прямими чертами или чертами съ волниами, а нѣблизо — чертами, изогнутыми на сбокъ концами, по въ противоположнѣй сторонѣ. Точно также производена и классификація по произженію. Всѣ признаки изображены окружными знаками, т. е. дугами, ветвями или изгибами; прироженія — прямими чертами или согнутыми только на одинъ концѣ. Отзвучущие или шипотные звуки, какъ преобладающіе въ русской языке въ сравненіи съ изученными, получили

¹ Этотъ терминъ созданъ самимъ г. Паульсономъ на писаніе статьи Иванова.

одномъголосные звуки, а звучные—двоиголосые (исключая съединение только для *и*—*ф* на томъ основаніи, что *и* встрѣчается значительное чаще, чѣмъ *ф*). Такихъ образованій въ классификаціи звуковъ гораздо совершеннѣе у гг. Паульсона и Мессера, чѣмъ у б. Торнау. Звуки *и*, *ч* и *ш*, какъ сложные (*и*=*и*—*и*, *ч*=*ч*—*ч*), не поддаются подъ общую классификацію (см. ихъ знакоы въ избушѣ по порядку); слѣдуетъ замѣтить, что звуки для *ш* образованы исправленно—на историческомъ основаніи, какъ *ши*. Для звуковъ *с*, *к*, *ж* даны вспомогательные знаки (они поставлены въ скобкахъ въ табличкѣ, въ которой представлена классификація согласныхъ); вспомогательный звукъ для *и* употребляется только въ началѣ слова, а вспомогательный звукъ для *и*—только въ концѣ ихъ; подобный звукъ для *с* пишется въ случаи, которые опредѣлены особыми признаками. Звуки *и* имѣютъ также вспомогательный звукъ для конца слова, пишущійся (какъ и копечное *и*) съзу вверхъ; въ краинѣ слова *и* можно писать и съ листей, но только необходимо дѣлать ее значительно болѣеющей, чѣмъ при *и*. Замѣтимъ еще, что *и* и *р* можно писать съзу вверхъ (гѣзкии обороты) и сверху внизъ (правильн. оборотомъ).

Между гласными *и*, *э*, *у*, какъ основные или первоначальные звуки, изображены трески разныи излучающиихъ другъ отъ друга звуками. Звуки *е*, *о*, *я*, какъ производные, представляющи переходъ отъ отъносительно синтетичнаго звука къ другому, получили звуки, подобныя имъ предыдущимъ; *и* и *ү* отличаются отъ *е* и *о* только утолщениемъ. Истированные звуки *я*, *ё*, *ю* изображаются тѣми же звуками, какъ *и*, *о*, *у*, съ прібавленіемъ передъ ними вспомогательного звука для *и*. Также составляется и звукъ для *ь*, который однako не употребляется, какъ совершенно лишній. Для *э* звука не дано звука. Для гласныхъ *и*, *я*, *е*, *ю* даны вспомогательные или побочныхъ знаки, прічтѣмъ для *я* и *ю* они употребляются только въ концѣ словъ. Двугласный (*ай*, *ей* и т. д.) выражается только утолщениемъ волосной черты въ соответствующихъ звукахъ для простыхъ гласныхъ.

Преимущество русской азбуки по системѣ Штольце передъ русской же азбукой по системѣ Габельсбергера заключается въ систематичности и въ удобствѣ звуковъ для написанія и извижаній; это удобство достигнуто гласными образами посредствомъ исключенія изъ алфавита звуковъ, выдающихся концами внизъ отъ строки. Недостатки азбуки гг. Паульсона и Мессера слѣдующіе.

Утолщеніе полуигнѣвныхъ звуковъ трудно достичено даже при письмѣ перомъ; это возможно только при довольно холостомъ пись-

живіи пера. Поэтому, различие въ теоріи посредствомъ утолщенія звуковъ *и* и *и*, *и* и *и* на практикѣ вовсе не различается. Знаки для истирившихъ гласныхъ, употребляемые въ началѣ слова, слишкомъ сложны, знать для *и*, напр., заимствость въ себѣ два угла. Знаки для *а*, *о*, *у* присоединяются къ концу изъ которыхъ согласныхъ съ помощью волосной черты, что прібавляется къ слогу лишній уголъ, иначе сказать, знаки для *а*, *о*, *у* по всегда удобны. Знаки для согласныхъ вообще отличаются удобствомъ.

Подобно тому, какъ въ системѣ Габельсбергера, и въ системѣ Штольце даются особые знаки для сочетаний согласныхъ. Шѣсть изъ звуковъ отличаются симметричной простотой, изъ нихъ незамѣтно волосной черты,—большая же часть сочетаний состоятъ изъ простого соединенія звуковъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ, посредствомъ волосной черты. При распределеніи звуковъ между сочетаниями, составляющими систему руководствовались большими или меньшими употребляемостью согласныхъ сочетаний въ языке, причемъ пріято было во вниманіе и то обстоятельство, на сколько удобно составляются сочетанія изъ простаго гоудишия звуковъ посредствомъ волосной черты; тѣ сочетанія, которыя удобно образуются изъ обыкновенныхъ стеноографическихъ буквъ, не получили особыхъ знаковъ, хотя бы употребление этихъ сочетаний и было общирно. Въ приведеніи ко 2-му изданію „Русской практики“ помѣщена между прочимъ таблица, показывающая, сколько разъ наиболѣе чѣмъ требительными сочетанія входять въ составъ всѣхъ словъ, помѣщенныхъ въ лексиконѣ. На составленіе этой таблицы труда было потрачено совершенно непроизводительно: сами-же авторы сознаются, что они должны были прінимать во вниманіе еще множество другихъ обстоятельствъ, кроме этой таблицы, такъ сочетанія *и* и *и*, совершиенно упомѣнанные въ таблицѣ вслѣдствія того, что входитъ лишь въ исключительное количество словъ, получили однако особо придѣмленіе знаки,—такъ какъ самыя слова, въ которыхъ встрѣчаются сочетанія *и* и *и*, въсѣхъ часу употребляются въ рѣчи. Мы уже указывали, при разсмотрѣніи системы Штольца, на то, что въ лексиконѣ обращаться къ подобныхъ стужающихъ писакъ, точныи дѣйствіи относительно употребляемости сочетаний можно получить только путемъ долгаго опыта, подобно тому, какъ путемъ типографскаго опыта получились данныи относительно употребленія изъ которыхъ отдельныхъ согласныхъ. Если-бы необходимо было получить такія же данные относительно сочетаний согласныхъ, то пришлось бы предварять эл-

ковую азиатскую работу: сосчитать числа различных согласных сочетаний въ нескольких тысячахъ именъ самого разнообразного содержания,—и только тогда мы могли бы получить совершенно точный цифри, по которымъ выражалась бы степень употребляемости въ языке всѣхъ согласныхъ сочетаний. Но нашему мнѣнію, гг. Паульсонъ и Мессеръ могли бы ограничиться побочными сокращеніями при распределеніи знакоы между сочетаніеми и не прѣѣтить къ сомнительной помощи лексикона. Объясненія авторовъ настолько происходженія знаковъ для сочетаний отличаются значительной неоднозначностью, подобно объясняемъ въ системѣ Габельсбергера. Напр., знаки для со, зв., ст., зх., см., смъ составлены изъ пять (верхней части с) и соответствующей съдѣющей буквы; знаки же съ, ск., ст., составлены, какъ видно изъ табл., другимъ способомъ; знакъ смъ, представляющій лишь уединеніе ж, образованъ, по объясненію гг. Паульсона и Мессера, изъ непознательнаго знака для с и знака для ж; — я сколько это объясняю естественно, предоставивъ судить самому читателю по фигурѣ сочетанія. Сочетаніе въстрѣчается только въ срединѣ слова и потому для изображенія его взять вспомогательный знакъ для ж, который употребляется только въ началѣ словъ; также образовать нельзя согдѣять жи съ ж, но нестаки съ теоретической точки зрѣнія трудно опровергнуть изображеніе двухъ звуковъ однотъ знакомъ. Въ знакахъ для сложныхъ согласныхъ проявляетъ тотъ-же принципъ аналогіи, какъ и въ азбукѣ, — склонны по звуку сочетанія изображаются въ сходными знаками. Бахъ видно изъ табл. *маграфическихъ* (т. е. идущіе слѣд. за право) знаки даютъ только сочетаніемъ со, ск., имъ въ ч; имъ уже указывали во введеніи, что почти совершенное изгнаніе маграфическихъ чертъ представляетъ крайность. Гг. Паульсонъ и Мессеръ пользуются весьма часто въ своей системѣ и слуховыми начертаніями, до насъ неизвестными изъ приводимыхъ выгоды для стениграфіи. Табл., знаки же выражаютъ и сочетаніе съ, сочетанія ск., же въ жю, звукоподобны совершенно отдельно, изображаются одинакъ и тѣль же знакомъ, что изображается отъ необходимости придумывать для нихъ особые знаки, и т. д. Въ тѣль сочетаніяхъ, которыхъ составляются посредствомъ постановки знаковъ согласныхъ окончъ другихъ, также циничнается во измнаніе слуховыхъ начертаній для того, чтобы сочетанія не выходили слишкомъ высокими; — именно, если сочетаются два крутиящихъ знака, то первыи изъ нихъ пишется лишь одинъ изъ высотъ, такъ что, напр., сочетаніе бж, бжс, же (см. табл.) пишутся, какъ ж, же, же. Здѣсь же совсѣмъ

правильно углубированъ тутъ законъ произношенія, по которому звучный согласный звукъ предъ шипотами слышенъ, какъ шипотами, и наоборотъ; — скажу точно промежоткію, привлѣсъ бы не уменьшать величину сочетаній бж, бжс, же, а увеличивать высоту сочетаній же, же, же, которые шипотные согласные обращаются въ звучные, — но это было бы невыгодно съ стениграфической точки зрѣнія. Въ сочетаніяхъ, состоящихъ изъ несколькихъ согласныхъ буквъ, гг. Паульсонъ и Мессеръ совершенно пропускаютъ тѣ буквы, которые не слышны въ произношеніи; такимъ образомъ сочетаніе эжъ читается, какъ же, эж—кажъ же, рж—кажъ рж, скже—кажъ скже и т. д., что составляетъ значительную экономію во времени, такъ какъ такихъ несклонныхъ буквъ довольно много въ обыкновенномъ письмѣ.

Способы построения сочетаній, посредствомъ сподвижныхъ волосной чертой, различны, что обусловливается характеромъ знаковъ, Нѣкоторыя сочетанія (напр. съ послѣдующими т, чжъ рж) при концѣ слова пишутся якобы въ срединѣ, другія (какъ напр. лж, рж) въ началѣ пишутся особымъ способомъ. Буквы х и р (прѣиѣдущія или послѣдующія) пишутся въ согласную, если соответствующій конецъ съ имѣть загибъ; если же конецъ согласной прямой, то х и р пишутся риджомъ съ шапкой, безъ промежутка (см. пріимѣръ изъ табл. XI). Но вѣдь другія сочетанія прѣиѣдущими буквами пишутся выше послѣдующей и, по большей части, соединяется съ ней волосной чертой. Иногда волосная черта скрыта, какъ напр. въ сочетаніи ж *) , но легко обнаруживается, если вниманіе прослѣдить движение пера. Вообще въ сочетаніяхъ знаковъ по системѣ Шольце волосная черта встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ въ системѣ Габельсбергера. Кѣмъ же знаки соединяются между собою напосредственно; въ системѣ Шольце только два знака, которые могутъ соединяться со всѣми другими безъ помощи волосной черты,—это горизонтальное ж и находящее ж; оба эти знака также же, какъ и въ системѣ Габельсбергера. Взамѣсть невыгодъ отъ частаго употребления волосной черты система Шольце обладаетъ большей точностью, чѣмъ система Габельсбергера: въ первой сравнительно рѣдко можетъ встрѣтиться недоразумѣніе относительно того, есть-ли между двумя согласными гласный звукъ или нетъ,—и эти рѣдкія случаи

*) Въ этомъ сочетаніи, по исключению, э пишется не письмо э, а редкое эжъ, — для красоты и удобства.

согласуются с транскрипцией горизонтального и и восходящего из. Таким образом, выгоды в отношении точности уничтожаются вынужденно краткостью, и наоборот; искусное согласование точности с краткостью и составляет самую трудную задачу стенографии.

Согласие согласныхъ (а) въ концѣ словъ выражается непред-
ствольно перетеканиемъ конца согласной маленькой черточкой; а въ рѣ
выражаются тутъ залитиемъ удлинениемъ волосистой черты, а въ въ со-
удлинениемъ самихъ знаковъ и . Въ средней строкѣ въ выражаются
изъ болѣе широкой разстановки, знакомъ сопоставл.; только въ окончье
слога + совершило не ожидается, именно въ сочетанияхъ бъ и
иль (см. соответствующіе прилаг. на т. XI).

Выраженіе гласныхъ въ системѣ Штолльце весьма замѣчательно съ
теоретической стороны по своей простотѣ и точности, но, въ со-
вѣтствіи, представляетъ избѣгъ съ тѣмъ самимъ существенные недо-
статки системы съ практической стороны. Въ теоріи вокализаций
Штолльце вѣтъ, тѣхъ безчислѣнныхъ правилъ, какъ у Габелльбергера;
исключѳній пять общихъ правилъ очень мало. Благодаря этому, мы
не будемъ утомлять вниманіе читателя перечисленіемъ различныхъ
частныхъ случаевъ, которыхъ здесь и тѣ.

Основаніемъ вокализации служитъ дѣленіе слова на приставку,
главный слогъ, побочныя слоги и окончаніе; въ главномъ слогѣ глав-
ный звукъ выражается въ положеніи всего слова относительно строки
а въ побочныхъ — положеніемъ послѣдующей согласной, относительно
предшествующей выраженному гласному звуку. Упомянутое дѣленіе
слова представляется слабо: иѣтъ Штолльцевой вокализациі, какъ въ
теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, но привер-
женцы системы Штолльце утверждаютъ, что въ этомъ то дѣленіе и
заключается особое научное достоинство ея: приставка и окончаніе,
рѣзко отличающаяся отъ главнаго слога по своему сокращенному напер-
тавлю, даютъ возможность, будто бы, ясно видѣть строеніе слова.
Посмотримъ, дѣйствительно ли научно дѣлить слова, принятos въ
системѣ Штолльце. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что понятіе глав-
наго слога въ корняхъ вовсе не тождественна, хотя и можетъ случиться,
что корень и главный слогъ совпадутъ въ транскрипціи словъ. Но въ
главномъ слоготѣ, по определенію гр. Шаульсона и Мессера, над-
лежитъ разумѣть тотъ слогъ, который склоняется за ясно разли-
чимою приставкой, заключающей въ себѣ гласный звукъ;
если приставка состоять изъ одного согласного звука или съ звон-
иѣтъ, то главнаго слога считается первый слогъ слова (напр., въ

слогѣ „былъ” главный слогъ есть „былъ”). Кроме того, если слово
начинается однимъ или двумъ гласными, хотя бы и не приставками;
то гласный слогомъ будетъ тѣль, который непосредственно склоня-
ется за этими гласными. Означаетъ главный слогъ всегда со-
гласными, потому что къ нему присоединяются начальныя согласные
окончаний; такимъ образомъ послѣднія всегда начинаются гласными
буквами. Иль сказаннаго ясно, что и понятіе приставки и окончаній
принадѣлъ въ системѣ Штолльце, не сходится съ понятіями, приня-
тыми въ грамматикѣ. Авторы русскаго примѣненія системы Штолльце
занимаются, что узнать главный слогъ вовсе не трудно, такъ имен-
ься приставки изъбегти наперечетъ,—по непосредственно вслѣдъ за
нимъ говорятъ:

„Перѣдъ, конечно, случается, что первый слогъ многослож-
наго слова совершенно схожъ съ какою-либо приставкой, тогда какъ
она въ действительности составляетъ часть главнаго слога; напр.
слогъ съ въ словѣ „выпить”. Чтобы въ такомъ случаѣ рѣшить со-
вѣтливѣ, стоять только отдѣлить этотъ слогъ: если въѣдь остальная
часть слова сохранила еще въ нѣкоторой степени то значеніе, ко-
торое имѣло все слово, то отдѣльный слогъ действительна при-
ставка,—если же не сохранила, то она входитъ въ составъ глав-
наго слога.

Еще чаще случается наоборотъ, что дѣйствительная приставка
съ некоторыми склоняющимъ за нею буквами принимается за глав-
наго слога; такъ напр., въ словѣ „сольши” слогъ „солъ” легко мо-
жетъ быть принять за главный. Въ такихъ случаяхъ, конечно, слово
напишется неправильно. Чтобы избѣжать такихъ ошибокъ, необходимо
иначе разбирать многосложнныя слова, называющія сонмы въ из-
вѣсъ-либо отношеніи. Такъ напр., раздѣлить приведенное слово
„сольши” на „солъ” и „ши”, легко убѣдиться, что слогъ „ши”
не можетъ быть главнымъ, таѣтъ она не сохранить въ себѣ
значенія всего слова; тогда какъ, раздѣлить слово это на „со” и
„льши”, очевидно, что главный слогъ есть „льши”.

Одѣдовательно, можно еще сказать, что главный слогъ есть тѣль,
который содержитъ въ себѣ главное значеніе слова, или который
всему слову придаетъ значеніе^{*)}.

^{*)} „Практич. руководство къ изученію русск. стено-графіи”. 2 изд., ч. II.
стр. 41—43.

Приведенная выписка показывает, что уйти върно опредѣлить главный слогъ вовсе не такъ-то легко и что для этого необходимо знать. Человѣкъ, недостаточно твердый въ грамматикѣ, совершенно опредѣлить корень и главнаго слога, но и хорошо знающиѣ съ грамматикой будуть затрудняться первое время тѣмъ, что главній слогъ не всегда совпадаетъ съ коренными. Относительно послѣдняго гг. Нортонъ и Мессеръ говорятъ: „...такъ какъ отъ изучавшаго стихографію нельзя требовать специальныхъ филологическихъ познаній, то у насъ и пришло за правило: во всѣхъ словахъ, въ которыхъ корень познаемъ или же совершенно ясны, слогъ сть ка-
кими-либо производственными буквами, считать главнаго слоготъ тѣмъ, который остается по отнятіи къстивыи различающихся приставокъ и окончаний. Такъ напр., въ словахъ „пойдутъ, поймутъ“ слова „пойдъ, поймъ“ должны считаться главными, хотя въ этомъ случаѣ и не филологъ знаетъ или же легко можетъ догадаться, что сдвигъ произошелъ отъ смысла корня „идъ“ съ приставками „по“ и „по-“*). Всобще, опредѣлениѳ главнаго слога не можетъ твердаго научнаго основанія, и потому раздѣленіе слова на части не имѣетъ твердыхъ достоинствъ; въ некоторыхъ случаяхъ для опредѣлениѳ главнаго слога приходится на помощь грамматика, въ другихъ случаяхъ, (напр., когда говорится, что приставка должна быть известна и различна).

Въ однословныхъ словахъ и въ главномъ слогѣ многоголосныхъ гласные звуки выражаются положеніемъ слова относительно строчной линіи. Этотъ способъ вокализаціи изображенъ самимъ Штольце, когда какъ способъ выражения главныхъ въ побочныхъ слогахъ замѣтено у Гебельбергера, но разработанъ исключительно послѣдовательно. Некоторая тѣ главнокъ слогъ можетъ быть представлена въ слѣдующей схемѣ:

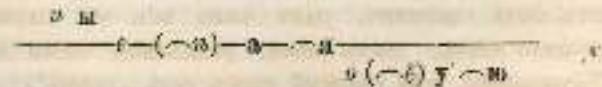

Схема эта означаетъ, что для выраженія *и, ю* слова пишутся наль строкой, для выраженія *e, a, u, o*—на строкѣ, а для *o, e, u, i* подъ строкой; при этомъ для выраженія *и, o, e, u, i* дѣлается нажимъ на предшествующей согласной, а для *a, e, u, o* и *i* брохъ того выта-

*), „Рукопись хранительной“, въ изд. стр. 16.

бается волосной чертѣ, соединяющей предыдущую согласную со слѣдующей. Эти правила дѣлаются весьма ясными при разсмотрѣніи привѣтровъ, приведенныхъ на табл. XI. Слобчи, въ которыхъ заимствованы *и, e, a, u* на склонѣ, поясняютъ тому, что *и* въ действительности никогда не выражается и замѣняется черезъ *e*, а *u* выражается только изъ рѣчиъ слушающихъ. Распределеніе главныхъ относительно строкъ основано на томъ, что *и, e* суть самые высокіе звуки нашего голоса, а *o, u*—самые низкие; *u, a, e* представляютъ ступеніе звуковъ *i, e, o*, что и выражается посредствомъ утолщепія; звуки *i, e, u, o*, представляющіе лишь модификацію звуковъ *a, e, u*, отличаются отъ послѣдніхъ только изгибомъ волосной черты. Двугласии означаютъ удлиненіеъ волосной черты (св. практика); въторое исключѣе существуетъ при буквахъ *u*, съдѣющей за двугласной: такъ какъ удаление залосной черты передъ горизонтальными *u* неудобно, то для выраженія *im* удлиняется сама буква *u*, по гораздо болѣе, чѣмъ для *iu* (св. практика: *войти, воить, войти*).

Читателю видеть, что сть теоретической точки зрѣнія способъ вокализаціи на главнокъ слогъ выше всякаго упрека, но сть практической стороны недостатки вокализаціи, какъ мы уже и заявляли, весьма существенны. Главный недостатокъ заключается въ томъ, что всѣдѣстие разсмотрѣнаго способа выраженія гласныхъ въ системѣ Штольце излияется собственно три строки, а не одна, и это приближаетъ до извѣстной степени число Штольце на тѣхъ системахъ, въ которыхъ письмо производилось по тонкимъ линіямъ (Годфруа). Такимъ образомъ отклоненіе письма отъ строки изъ системѣ Штольце уступаетъ срѣднестоящему съ системой Габельбергера, чѣмъ болѣе, что въ послѣдней гласные часто выражаются въ избѣгнѣи фигуры, а не по-ложенія согласныхъ; рука практика ежесекундно приглатъ, то вверхъ, то внизъ, и вслѣдствіе того практическое осуществленіе главнаго способа вокализаціи требуетъ большаго времени; практикъ никогда неимѣетъ достаточнаго быстроты, какъ при существовавшихъ только одной строкѣ. Второстепенный недостатокъ состоитъ въ томъ, что изгибъ волосной черты не можетъ быть членомъ послѣ согласныхъ, оканчивающихъ крючкомъ вправо, а также послѣ *x* и *r*. О практическѣйшемъ изложеніи утолщепія мыль практика говорить изъ сколько разъ.

Начальные гласные и двугласные вообще изписываются буквально; конечные гласные и двугласные въ однословныхъ словахъ выражаются символически по только что описанному способу, исключая

звукъ «*и*», который записывается буквально (переключокъ втораго звука). Такъ иакъ звукъ согласной безъ утолщени, поставленный на строкѣ, означаетъ простой согласный звукъ. Наконецъ, въ передѣ гласнинъ звукомъ, означается перетеркинаніемъ, какъ показано на таблицѣ, причемъ гласный звукъ всегда записывается буквально. Позволюсь тѣхъ, что чистые гласные послѣ «*и*» произносятся всегда, какъ ютированные (напр., «бульонъ» выговаривается какъ «бульентъ»), т. р. Паульсонъ и Мессоръ пишутъ не рѣконо изъ этого случаѣ вѣсто ютированаго гласного звука — чистый («бюш, пур»), — спать неправильное использование слуховыхъ начальни: събдило бы, изобрѣтъ, чистые гласные писать такъ, какъ они слышатся, т. в. какъ ютированные.

Переходить теперь къ выражению гласныхъ въ побочнѣхъ слогахъ (табл. XIII). Побочными слогами называются тѣ слоги, которые помѣщаются между главными звукомъ и окончаниемъ. Въ нихъ гласный звукъ символизируется положеніемъ слѣдующей за этимъ звукомъ согласной, относительно предыдущей согласной, причемъ общее правило вокализаціи остается тоже, какъ и въ главномъ слогѣ: «*и*, «*и*» выражаются болѣе високимъ положеніемъ согласной, «*у*, «*у*», «*ю*» — болѣе низкими, при «*и*, «*у*, «*ю*» дѣлается пажина на послѣдующей согласной, а при «*и*» и «*ю*» кроме того выгибъ волосстой черты; двугласные такъ же выражаются удалиженіемъ волосстой черты. Иакъ «*и*» означается простымъ соединеніемъ согласныхъ, поставленныхъ на одинъ звонкѣй, посредствомъ волосной черты. Выраженіе «*и*» и «*и*» представляетъ исключеніе, такъ какъ при этихъ гласныхъ пажина въ побочномъ слогѣ дѣлается не на послѣдующей, а на предыдущей согласной, какъ и въ главномъ слогѣ; слогъ «*и*» выражается удалиженіемъ горизонтальнаго «*и*» до той же длины, какъ и при «*и*», но съ углопеніемъ. На всѣ перечисленные случаѣ даю примѣры на табл. XII, въ которыхъ первыя слоги главные, и въ нихъ гласные звуки означаются положеніемъ слова относительно строки, — въ послѣдующихъ слогахъ побочныхъ. Кто одно исключение представитъ также выраженіе «*и*», этотъ звукъ не можетъ быть выраженъ пажиной на повышенной или пониженнѣй согласной, такъ какъ при повышенныхъ или пониженнѣихъ согласныхъ пажина означаетъ звуки «*и*, «*у* и «*ю*», при выгибѣ волосной черты, «*и*; въ такихъ случаяхъ «*и*» должно записываться буквально. Въ концѣ ипогосложенныхъ словъ гласные (крѣмъ «*и*» и «*и*» въ некоторыхъ случаѣахъ) выражаются буквально. Наконецъ, чистый случаѣ вокализаціи представляется выраж-

жасіе звукъ «*и*» и «*и*» посредствомъ оплетенія прямыхъ согласной буквами «*и*» и «*и*».

Въ указаніи выше недостаткомъ вокализаціи должно прибавить еще точность выраженія «*и*» передѣ горизонтальнымъ и въ концахъ «*и*. Такъ напр., въ словѣ «*секретъ*» (табл. XII) въ между «*и*» и «*и*» все же стѣбляется; точно такое невозможно было бы отлучить «*и*», напр., между согласными «*и*» и «*и*. Правда, т. р. Шайдесъ и Мессоръ предлагаютъ въ сочетаніяхъ, подобныхъ «*и*», — при отсутствіи «*и*» — писать и нѣсколько наклонно (см. готоватія «*и*» на табл. XI), но при сколько избыту быстромъ писать это совершение невозможно.

Несомнѣнны правила сочетанія согласныхъ и вокализаціи должнѣ бы были уже давать возможность пользованія системой огнесто обижененного пасюка, но письмо безъ сокращеній занесъ и не вѣдало въ ражечть избрѣтителя системы и русскіхъ ее приставокъ, такъ какъ сокращенное пасортаніе приставокъ и окончаний есть основа чиа той системы Штольце. Гр. Паульсонъ и Мессоръ даже я не называютъ на тѣхъ случаѣахъ, если бы это наблюдало писать безъ всякихъ сокращеній, въ учебникахъ стилографіи по системѣ Штольца расположены таѣ, что рукописные звучанія начинаяются съ первого звука. Да и дѣйствительно, писать безъ сокращеній по склонамъ Штольце еще совсѣмъ удобно, чиа такое же письмо по системѣ Габельсбергера. На табл. XIII приведены фразы, написанные безъ сокращеній по системѣ Штольца и Габельсбергера; перейти изъ см. выше стр. 75.

Накъ остается тѣхнаго еще сказать о системѣ Штольце. Хотя отдать сокращеній въ пасортаніи важнѣ и обидорѣ, — но для пажинъ пѣкъ достаточно будетъ дать только попатѣ о нихъ и указать ихъ число, тѣль болѣе, чиа искъ сокращенія составлены по общему способу. Недостатки системы Штольце изъ графическихъ отношенійъ сравниваютъ съ системой Габельсбергера и совершишое отрицаніе логическихъ сокращеній обуславливаетъ многотысячность и остойчивыя сокращеній. Въ системѣ Штольце употребляются сокращенія для окончаний и приставокъ, загльѣ звучанія для гласныхъ слоговъ и служебныхъ частей речи, и наконецъ специальные звучанія. Такія же сокращенія (крѣмъ специальныхъ звучаній) употребляются, какъ мы можемъ, оправданіе, и въ системѣ Габельсбергера.

Окончанія, состоящія изъ двухъ или трехъ гласныхъ, записываются буквально (см. премѣра на т. XII).

Окончанія ешь, ет, еи, евъ выражаются уменьшеннѣихъ соглас-

ныхъ и, ж, м, н, ё до полуфирной величины; кроме согласныхъ не могутъ быть уменьшаки, такъ какъ двумерный обратился бы въ одномерный, а некоторые изъ одномерныхъ не уменьшаются потому, что при уменьшении сдѣлались бы зваки для гласныхъ (напр. и обратилось бы въ и). Такие уменьшения согласныхъ, не съ исключениемъ означающими ит-ит, им-им и т. д., такъ что буквы и и въ этихъ окончанияхъ не различаются. Способъ сокращенія этихъ окончаний не можетъ быть отнесенъ къ числу удачныхъ, потому что въ нихъ видѣть трудно соблюдать истину характера особенностей ихъ, — отсюда нечестность; притомъ отсутствіе же съ и т. д. въ практикѣ совершенно невозможено, такъ какъ полуфирные зваки при быстромъ письмѣ утолщаются и исчезаютъ. Видоется, это послѣднее заимченіе относительно невозможности утолщенія языка и при письмѣ перомъ соприходило къ болѣтѣ таки хругихъ окончаний, сокращенія къ которымъ составлены преимущественно изъ единыхъ гласныхъ, буквъ, т. е. изъ полуфирныхъ знаковъ. Примеры различныхъ сокращеній для окончаний языка изъ табл. XII, изъ которой можно усмотреть въ способѣ составленія ихъ — по буквальному пересоюзу; такъ напр., иже пишется, какъ ии, словомъ — сюю, оконч. — отъ и т. д. Ограйтесь, здесь то, что одинъ знакъ изображаетъ языка искажающій окончаній; напр. окончанія сюю и сюю пишутся также, какъ юю, поэтому „жисельний“ изображается сокращеніемъ такъ, какъ „ююльий“ и т. п. Есть еще несколько малкихъ недостатковъ въ сокращеніяхъ для окончаний, но мы опустимъ ихъ. Примѣры словъ, написанныхъ изъ табл. XII со сокращенными окончаніями, слѣдующіе: окончаніе, существованіе, живость, иѣгостность, цѣкунъ, чешуя; работъ съ сокращеніемъ напереворотъ иѣсколькоихъ окончаний для сраженія поѣтчено иесокращеніе. Сокращительныхъ знаковъ для окончаний всего болѣе 200, считая по учебнику г. Длусскаго, — воздѣлывшему въданію по системѣ Штольца.

Значки для приставокъ ставятся на полторы или на цѣлую ширу выше того слова, къ которому присоединяются, а передъ буквами з и р, для удобства, на полъ ширы тоже. Пройдемъ молчаниемъ второстепенное и частные недостатки сокращеній для приставокъ и укажемъ на общий недостатокъ — возможность сбѣгать знаки приставокъ съ простыми буквами, которые, при сочетаніяхъ согласныхъ, ставятся, также какъ въ приставки, выше слѣдующаго звука. Русскихъ приставокъ, по Длусскому, 33, иностранныхъ (т. е. приставокъ, встрѣчающихся въ словахъ, вытыхъ съ иностранныхъ языковъ) — 37; кроме

того, 30 значковъ для цѣлыхъ словъ, употреблявшихся въ приставкахъ (благо, книго, много и т. д.), — всего 100 значковъ для приставокъ. Число сокращеній для окончаний и приставокъ у г. Штольца и Мессера больше, чѣмъ у б. Торнау и г. Ольхина, вслѣдствіе того, что у первыхъ не пропускаются суффиксы, какъ у вторыхъ, и вообще теорія сокращеній разработана по сравнению подробнѣе и обстоятельнѣе.

Для служебныхъ членовъ рѣчи изъ учебника г. Длусского дано нечто болѣе зонъ значковъ (болѣе 100 размѣнно по весу языку и около 180) почтеннѣе въ концѣ); на г. XII приведено пѣвческое приѣроятъ на эти значки (драматически такихъ, которыхъ встрѣчается въ образѣ синтетического письма, помѣщенного на г. XIII). Сюда же относятся 100 фразосокращеній, т. е. сокращеній для наиболѣе употребительныхъ выражений (напр.: послѣ того какъ, можетъ быть, какъ бы то ни было, и т. д.).

Слогодѣльные значки, т. е. значки для глагольныхъ сдвиговъ, въ русскомъ приложеніи системы Штольца 204. Только 13 изъ нихъ соединены изъ конечныхъ буквъ слова, — все же остальные образованы изъ одной или двухъ начальныхъ согласныхъ, изъ которыхъ притомъ, символически выражается гласный звукъ, тѣкъ что изъ выраженныхъ исчезаетъ только согласный звукъ, замѣняющій слогъ, — никогда не особенно звучительная. Изъѣденіе замѣнительного согласного звука пачѣхъ не отмѣчается, такъ какъ самъ звукъ въсю не выражается; поэтому, напр., слова „бит“ и „бож“ выражаются одинаково, — оба пишутся, какъ „бо“. Письмо слогодѣльныхъ значковъ гласный звукъ не можетъ выражаться синтаксически, потому что изъ значковъ уже выражены символически срединный гласный звукъ; такимъ образомъ, письмо слогодѣльныхъ значковъ гласные должны выписываться буквально, довольно важное неудобство. Отъ слогодѣльныхъ значковъ производится, посредствомъ присоединенія приставокъ, производные значения (напр. отъ значка „брас“ происходятъ производные „абрас“, „убрас“ и т. д.); въ тѣ, въ кругѣ имѣются классы производныхъ словъ. Наконецъ, употребляется около 30 значковъ для цѣлыхъ словъ (сказаний мысаєтъ, днѣй и т. д.).

Всего посомніиныхъ сокращеній, кроме специальныхъ значковъ, число которыхъ не ограничивается, около тысячи *). Это число

* Уѣдѣдѣніе не поддается ни производные значения, ни олонные приставки, ни сокращенія техъ кроbей къ вспомогательнымъ глаголамъ.

говорить само за себя и не нуждается въ какихъ либо измененияхъ. Если бы въ системѣ Габельсбергера не употреблялись логическихъ сокращения, то въ числѣ значковъ было бы не меньше. Разнота была бы лишь въ количествѣ специальныхъ значковъ, таъ какъ мы того ищемъ, что для системы Габельсбергера, во вскомъ случаѣ, потребовалось бы вообще испытать сокращеній, таъ какъ для системы Штольце.

Намъ остается сказатъ еще о специальныхъ значкахъ. Эти значки составляются самимъ стеноографомъ для замененія рѣчей извѣстной специальности. Употребленіе ихъ основывается на томъ, что въ специальной рѣчи (напр. юридической) весьма часто повторяются известные термины. Этого рода сокращеній таъ существуетъ, что употребляются и въ обыкновенномъ письмѣ, когда часто приходится писать одно и то же слова. Но такъ какъ каждая наука извѣстна множествомъ сбѣхъ терминовъ, то составить постоянные значки для всѣхъ терминовъ есть возможности; поэтому специальные значки извѣстятъ свое значение, смотря по роду рѣчи. Намъ кажется, что специальные значки должны употребляться въ каждой стеноографической системѣ. Торжку сдѣлать уже шагъ въ заслуженіи специальныхъ значковъ, но только подъ другимъ наименованиемъ: это „головные сокращенія“, состоящие которыхъ предоставляетъ личной личностью стеноографа, будь тѣ же специальные значки, только составленные довольно беззатрудно. Гр. Паульсонъ и Мессеръ говорятъ, что специальные значки приготовляются стеноографомъ предварительно, т. е. передъ стеноографированиемъ рѣчи по извѣстной специальности;— съ этимъ соглашаться никакъ нельзя: таѣе значки могутъ быть составлены только по указанію ощущенія или предварительного знакомства съ тѣмъ специальнымъ предметомъ, по которому производится стеноографированіе; но, конечно, стеноограф не можетъ быть знакомъ со всѣми специальностями. Вотъ почему стеноографирующий по системѣ Штольце очутится бы въ совершенно бесположеніи состояніи, если бы ему пришлось стеноографировать рѣчу по совершенно незнакомому предмету; мы уже говорили о томъ, что въ такихъ случаяхъ могутъ привести болѣшую пользу логические сокращенія.

На табл. XIII помѣщенъ образецъ самого письма по системѣ Штольце, частично стеноографированный со всѣми сокращеніями, кроме специальныхъ значковъ. Считаемъ нужнымъ заметить, что этотъ образецъ не слѣдуетъ сравнивать съ образцомъ письма по системѣ Габельсбергера, подъведеннымъ на т. X: степень сокращеній въ обѣихъ

образцахъ далеко не одинакова, таъ какъ посредствомъ сокращеній съ которыми написать образецъ по системѣ Штольце (затѣй въ „Самоучителя“ г. Длусского), несѣть за говорящимъ нельзя. Надобные образцы вообще пишутся нами не для сравненія системъ относительно краткости — что и не возможно сдѣлать посредствомъ сравженія какихъ-либо ограничений — а лишь для того, чтобы указать на характеръ сокращеній и общій видъ сказанаго письма.

Буквадорскій переводъ образца слѣдующій (сокращенія не напечатаны въ первомъ погоду, что производныхъ сокращеній въ образцахъ нетъ): но ино хи хотѣти бѣдарни ограи зату быстроту, съ коїхъ хи можемъ записать слова въ собственіи хи. надастъ намъ въможность сократить отъ записей хи седе являемъ наихъ головъ и столъ быстра исчезающія, что мы же въ столи записывать ихъ иными писомъ. Ико всесо этою наука и религія обѣими ограи сокращеніемъ иныхъ реєй, лексій, проповѣдей и пр. ковъ и пр. узъ думъ изъвѣсъ съма съма иконъ. Но всесо сказаніи нами, мы нарио записывать, что съ емъ изобретеніемъ на- себѣ пельо сделанъ столъ иное для распространенія знаній и прогресса, прибавитъ, или торжества науки и религіи, какъ съ усовершенствованіемъ и оживленіемъ этого искусства, которыи столько времени пренебрегали.

Переводъ безъ сокращеній: „Но особенно бы желали быть благодарны стеноографіи за ту быстроту, съ которой мы можемъ записывать свои же собственныя мысли. Оно даетъ намъ возможность сократить отъ записей мысли, ежедневно измѣняющіеся въ нашей головѣ и столъ быстра исчезающія, что мы же въ столи записывать иными обикновенными письмами. Кроме всего этого, наука и религія обѣими стеноографіи сокращаютъ многихъ рѣтей, лексій, проповѣдей и проч. и проч., которая, въ противоположность случаю, были бы невозможны всесма, весьма хвоги. Послѣ всего сказанаго нами, мы иправъ надлежитъ, что со временемъ изобрѣтаемъ киппопетатаніи не было сдѣлано столь иного для распространенія знаній и прогресса, прибавить, или торжества науки и религіи, какъ съ усовершенствованіемъ и оживленіемъ этого искусства, которыи столько времени пренебрегали“.

Теперь мы можемъ сдѣлать, въ короткихъ словахъ, сравненіе системъ Штольце и Габельсбергера. По систематичности, строгому проведению основныхъ началь и по соблюденію обычной орфографіи система Штольце имѣетъ большое преимущество передъ своей соперницей, то уступаетъ ей, по крайней мѣре по нашему мнѣнію, въ графическомъ отношеніи. Практическое изученіе системы Штольце

должно быть более продолжительнымъ, чѣмъ изученіе системы Габельсбергера, такъ какъ въ первої необходимо затрачивать напрасно множество сокращеній. Зато система Штольце даетъ гораздо болѣе гарантіи относительно точности записанного, ибо изъ неї не употребляются импровизированные сокращенія. Намъ кажется, что по системѣ Штольце невозможна разносторонняя хитрость стенографа: специальные значки, которые гг. Наулсонъ и Мессоръ считаютъ только облегченіемъ, а не необходимостью, въ действительности дѣлаются гаково; переходя къ записыванию рѣчей нового рода, стеноографъ долженъ изобрѣтать и заучивать множество новыхъ специальныхъ значковъ,—что, конечно, должно идти свой предѣлъ, такъ какъ, наконецъ, память черезъ чуръ обременится. Мы вполнѣ вѣриимъ въ эту отомсту г. Терре, которой говорятъ, что «которые стено графы, по системѣ Штольце, „хорошо записываютъ юридическую рѣчи, отказались отъ записывания рѣчей всякой иной специальности”²⁾. Логическія сокращенія, употребляемыя въ системѣ Габельсбергера, даютъ большую возможность стено графирующему заниматься рѣчю различнѣхъ специальностей.

Вообще же, точно говорить, какъ на высахъ, достоинства и недостатки системъ Штольце и Габельсбергера нальзя. Въ Германіи, гдѣ эти системы находятся въ постоянной борѣѣ съ самимъ воспоминаніемъ системъ Штольце, т. е. съ 1841 г., полемика разрослась до громадныхъ размѣровъ, но и до сихъ поръ не рѣшенаъ нигдѣательно споръ относительно превосходства той или другой системы: до сихъ поръ находятся гораціе приверженцы какъ той, такъ и другой системъ письма; не общагъ стено грамъ издаются журналы, основываются общества и т. д.; и до тѣплѣ еще стено графы въ представительныхъ собранияхъ Германіи являются и по системѣ Штольце, и по системѣ Габельсбергера. Однако число приверженцевъ послѣдней значительно больше, какъ показываетъ статистика стено графовъ, чѣмъ число приверженцевъ системы Штольце. Но претензіи на совершенство якоже обыденіе этого фанта, такъ какъ не считаютъ себя компетентными въ области чуждаго языка, имъ должны однозначно сказать, что преобладающее въ теченіи швейцарскихъ десятиковъ лѣтъ число послѣдователей системы Габельсбергера

несомнѣнно указываетъ на то, что она болѣе удовлетворяетъ потребностямъ публики, чѣмъ система Штольце,—и въ этомъ смыслѣ должна быть признана лучшею. Дѣйствительно, объ системѣ до послѣднаго времени разводились совершило въ одинаковыхъ условіяхъ; то обстоятельство, что система Штольце живѣла 7 годами позже своей соперницы, не излечь серьезнаго недостатка. Лишь изъ постѣднаго времія, по смерти самого Штольце (1887), появился расколъ изъ его системъ, который и выражался въ появленіи такъ называемо-штольцовскаго письма (1872). Расколъ этотъ, конечно, измѣнилъ вышеупомянутое значеніе, но и до него число габельсбергеровъ было всегда больше числа штольцианцевъ.

Что касается до Россіи, то у насъ, конечно, не можетъ быть и рѣкъ о преобладаніи той или другой системы. Стено графіи до сихъ поръ еще не пришлиась у насъ, и, хотя по некоторымъ даннымъ можно заключить, что стено графъ-практикъ по системѣ Штольце весьма мало,—однако, одно это обстоятельство еще не можетъ служить доказательствомъ большого успѣха у насъ системы Габельсбергера,—число стено графъ-практиковъ всѣхъ системъ у насъ совершило незначительное для того, чтобы изъ нихъ можно было строить какія-либо заключенія. Понятомъ какогорове преобладаніе системы Габельсбергера у насъ можно бы быть объяснено болѣе дѣйствительной пропагандой этой системы: въ то времія, какъ баптизмъ пропаганди-ніе по системѣ Штольце производилось только въ одномъ мѣстѣ, болѣдѣніе пропаганди-по системѣ Габельсбергера велось воѣвсехъ городахъ. Трудно сказать, какая изъ упомянутыхъ системъ получила бы у насъ преобладаніе при большемъ распространеніи стено графіи въ Россіи (такъ какъ болѣе тщательная разработка системъ Штольце могла бы уравнять шансъ изъ съ системой Габельсбергера, имѣющей преимущество надъ неї въ графическомъ отно-шепіи),—но же склонны думать, что ни та, ни другая, но что возникло бы нѣсколько самостоятельныхъ русскихъ системъ, одна изъ которыхъ и получила бы преобладающее значеніе.

²⁾ „Учебникъ русского служебного письма“ М. А. Терре, 2 изд., 1879 г.
стр. 9.

СИСТЕМА ТЕРНЕ.

Если бы система, которую нам предстоитъ разсмотрѣть теперь, появилась не въ Россіи, а напр. въ Германіи, то конечно па нео обратили бы серіозное внимание всѣдѣствіе новизны и оригинальности ея именованія сокращенія, а также всѣдѣствіе непомѣрной прегеникѣости я автора, который, понадѣлину, налагаетъ, что его система должна произвести рѣшительную реформу въ дѣлѣ письма вообще. Нечего и говорить, что у насъ въ Россіи, гдѣ и по сю пору часто даже самыя скромнѣйшия въ области науки отыкаются лишьъ на начтѣніяхъ и именованіяхъ газетныхъ замѣтокъ, не было сдѣлано обстоятельшаго разбора системы г. Терне. Помимо нѣсколькихъ малыхъ хвалебныхъ замѣтокъ, написанныхъ въ томъ-же тошѣ, въ какомъ говорить о своей системѣ самъ г. Терне, пачь изобрѣтия еще всего только одна редакція, принадлежащая г. В. Соколову („Опб. Вѣд.“ 1876 г. № 68), но и та впадаетъ въ странную ошибку, счѣтавшая систему г. Терне съ англійской системой Телера, — ошибку, странную по особенности для г. Соколова, который самъ написалъ рядъ статей о стенографіи въ журналѣ „Учителъ“ 1863 г. Между тѣмъ, повторяю, система г. Терне представляется довольно любопытною по тѣмъ вопросамъ, когоримъ затрагиваются авторомъ.

Самъ изобрѣтатель не стѣсняется въ выборѣ дистинктивъ сплошныхъ выражений для характеристики своей системы. Бывши нѣсколько жѣтъ производителемъ стеноографіи по системѣ Штолльце, г. Терне, по его словамъ, замѣтилъ, что многочисленныя сокращенія этой системы пугали учащихся; разсмотрѣвъ жѣтъ другой системы, онъ нашелъ, что всѣ онъ „построены одинаково — по искусственному этикологическому началу“, всѣдѣствіе чего и винчалось въ искусственно придуманныхъ сокращеніяхъ или значимахъ; тогда автору пришла мысль „заняться бѣглѣмъ до того искусственное начало болѣе естественнымъ и прочинъ“, — именно г. Терне вѣсто „математико-этимологическаго“ принципъ слуховое начало и „основать все письмо съ его сокращеніями исключительно на слухѣ“, что доставило письму „небывалую до того точность и краткость.“^{*)} Первый § 2-го изд. учебника г.

^{*)} Учебникъ русск. слух. письма, 3-е изд., стр. 7 и 8

Терне гласитъ: „слуховое письмо указываетъ письмо, посредствомъ простѣйшаго букви и общеизвестной или символической связи, занесать устный говоръ или рѣчь,ъ звуками подлиннаго произношенія“. А въ концѣ книги авторъ говоритъ: „слуховое письмо выполняетъ искъ особенности и тонкости языка говора и въ этомъ отношеніи представляетъ себѣ изящнѣтельное улучшеніе письма вообще, далеко превосходя и прежнее стено-графическое“ (стр. 51). Тоже утверждается и въ предисловіи. Читатель видѣтъ, что изобрѣтатель слухового^{*)} письма особой скромностью не отличается.

Происхожденіе системы ясно отражается и на самой теоріи письма. Начало вѣтвится по счастливому мѣсту при преподаваніи системы Штолльце, г. Терне приложилъ эту мысль къ готовой уже системѣ, оставивъ для своего письма тѣ же знаки и ту же вокализацію, какъ и у Штолльце. Г. Терне какъ бы боялся отрѣшиваться сразу отъ всего старого, съ чѣмъ ему пришлось сроличиться при преподаваніи системы Штолльце. Такъ, въ первомъ изданіи учебника г. Терне приведены пѣнци таблицы сокращеній для приставокъ и окончаний, — въ новомъ изданіи ихъ уже нетъ; въ первомъ изданіи какъ бы вскольку упомянуто и о второмъ способѣ Штолльцевой вокализаціи (т. е. вокализаціи въ побочныхъ слогахъ), — въ новомъ изданіи оставлена только одинъ способъ точнаго выраженія плавныхъ, и т. д. Однако и во второмъ изданіи есть еще неоткуда остатки Штолльцевой системы, какъ мы увидимъ ниже, — да къ вообще всемъ теоріямъ представляется извѣстными образами обработанный остатокъ упомянутой системы; вѣтвія же системы Гебельсбюргера совершенно незамѣтно. Въ прѣжнемъ къ-ому изданіи своего учебника г. Терне говоритъ: „По, измѣнилъ основаніе, мы постарались все прочее оставить неприкасаемымъ, воспользоваться тѣль усвоеніемъ вокализаций (?) позѣйтаго времени, которая дошли до насъ въ такомъ образѣ, гдѣ возможно, удержать прежнюю технику письма, на сколько походитъ требованіи науки и рабочность это дозволяетъ, — лучшее доказательство пѣнекію строить свое только лишь на различіяхъ старого“. — Дѣйствительно, стараго г. Терне не разрушилъ соперничество, но сдѣлалъ въ старомъ изданіи такія передѣлки и подстройки, что получилось весьма неудобное строеніе; мы постараемся это доказать.

^{*)} Оригиналъ автора. Г. Терне пишетъ слуховую, въходовъ, на русскомъ, письмѣнномъ и т. д.

Азбука г. Терне весьма мало отличается от азбуки гг. Паульсона и Мессера. Вспомогательные знаки для согласных умножены (для согласных они оставлеши); совершенно исключены из азбуки буквы и, которые замыкаются сочетанием съ; все согласия пишутся только сверху внизъ; въ и ясъ взаимности, склоняющая г. Терне собственно въ алфавитѣ. Въ склонкахъ сочетаний для согласныхъ пишется больше, какъ можно видеть изъ табл. XIV (Ср. съ табл. XI.) Сущность теории^{*)} г. Терне состоитъ въ томъ, что въ быстрейшемъ говорѣ всякий гласный звукъ, на который не лѣжатъ тона или ударенія наше голосъ, обращается, будто бы, въ твердый или мягкий полугласный звукъ. Страна глагольныхъ принциповъ письма требуетъ — не раздѣлать при письмѣ того, чего не различаетъ наше слухъ. г. Терне, въ виду вышесказанного, выражаетъ ясно въ каждомъ словѣ только ударный гласный звукъ, всѣ же прочіе гласные замѣняются твердью или мягкотою полугласностью. Такъ, г. Терне пишетъ: възълъть, възъстъвъ, гъда, дѣтъ и т. д. вѣтъти: въссѣлъть, запасть, тула, дѣтъ. Найтѣшій или болѣе тронкій гласный звукъ (какъ напр. въ словѣ „въссѣлить“) выражается тѣль-же символическимъ способомъ какою принять въ системѣ Штольце для выражения гласныхъ въ плавающіхъ слогѣ (см. стр. 94 и 95); различие съ системой Штольце состоѣтъ, въ томъ, что склоняющая за выражаемымъ гласнымъ звукомъ согласная можетъ стоять и непосредственно въ же предыдущей, и не только въ одинъ уровень съ нею. Всѣ другія согласия пишутся одна подъ другой, соединяясь болѣе или менѣе длинной волнистой чертой. Такимъ образомъ каждое слово образуется изъ себя одну или двѣ склонки, причемъ самое низкое место всегда занимается согласной, предшествующей ударному гласному звуку. Если удареніе стоять въ концѣ слова, то согласия, понижаясь одна послѣ другой, образуютъ одинъ склонъ или одну лѣстницу (см. напр., въ таблицѣ слова „гършъка, грѣшка“ = горшка, грѣшка); если же удареніе находится въ серединѣ слова, то тогда, конечно, образуются двѣ лѣстницы (см. слово „жѣлтѣйши“), такъ какъ, донесли руку до самаго конца для выражения тронкаго гласного звука, мы затѣмъ сразу поднимаемъ ее вверхъ.

^{*)} Мы не будемъ изредкать теоріи словеснаго автора: это периодъ изложения не въесьте удачность, языка текстъ и неудовлетвореніе въ терминологіи въесьте страны (такъ, гласные звуки называются тонаами, полугласные — полутонаами и т. д.).

Такой естественный способъ построения словъ г. Терне выражается следующимъ образомъ: „Выступающее произношеніе полной^{**)} гласной удаляетъ слово по большей части на двѣ половины, изъ которыхъ звуки первой производятъ съ возрастаниемъ силы, а во второй — сила ихъ произношенія постепенно упадаетъ, уменьшается; — вотъ почему и на письмѣ буквы отдельного слова не могутъ становиться безразлично въ рядъ, по самымъ натуралистичнѣмъ возможностямъ выражать организмъ и подлинное его строеніе,— плавающа вѣсната, по подобію или по мѣсту, относительное значеніе каждого звука въ словѣ“ („Уч. слух.-письм.“ 2 изд. стр. 20).

Если между двумя одна надъ другою стоящими согласными въся въ заключается гласного звука, то соединительная волнистая черта между ними дѣлается какъ можно короче (см. примеры „и-чать“^{**}, „у-ракъ“), или же тамъ согласия выражаются посредствомъ особого знака, т. е. склоняясь сочетаниемъ (считаемъ исключимъ напоминать, что особые знаки существуютъ только для весьма ограниченного числа согласныхъ сочетаний), — какъ въ словахъ «спить», «сѣть» (т. XIV). Если между согласными стоитъ твердый гласный звукъ (мы говоримъ вѣдь о глухихъ звукахъ, т. е. о тѣхъ, на которыхъ не лѣжатъ ударенія), то соединительная черта въсѣмъко удлиняется (см. примеры: и-чать=и-чачать, и-тратъ=и-тарать); находясь при мягкоѣ гласности звука въ волнистой черте дѣлается еще болѣе длинна (примеры: и-мѣчать=и-мѣчать, уль-дуть=уль-дурать). Таковы правила для выражения одиночныхъ временныхъ гласныхъ.

Когда въ гласные звуки стоять рядомъ, не раздѣлены согласными, то здѣсь могутъ быть 3 случая: 1) оба гласные звуки глухіе, т. е. ни на одному изъ нихъ не лѣжатъ ударенія (напр., звуки „и“ въ словѣ «необходимъ»); 2) первый изъ звуковъ громкій, а второй глухой (напр., «терпѣнье», «трауръ»); и 3) второй звукъ громкій (напр., «шума»). О первыхъ двухъ случаяхъ г. Терне вовсе не упоминаетъ; изъ разсмотрѣній же прѣбываю, показанныхъ въ таблицахъ, оказывается, что въ первомъ случаѣ оба глухіе звука выражаются

^{**)} т. е. громкій или ударный

^{**)} Склоняясь согласной въ концѣ слова у г. Терне выражается ясно, чѣмъ у гг. Паульсона и Мессера, — именно или расщареніемъ кончика крючка, если онъ выдается у концовъ буквъ, или-но, какъ въ словѣ „и-чать“, приближеніемъ концу слова крючковъ прелой черточки, — уменьшеннаго конца и.

итета, какъ одинарный, а во второмъ — глухой звукъ никогда выражается носредствомъ уменьшения согласной (см. объ этомъ ниже), иногда совершение начинъ не отбѣщается, иногда же выражается растяжениемъ волосной черты до крайней длины; это послѣднее бываетъ, когда глухой звукъ мягкий, какъ въ словѣ «теряется»; — въ такомъ случаѣ опять при быстромъ говорѣ обращается въ полугласный звукъ (теряется), потому и выражается также, какъ въ системѣ Штольце. Третій случай стечеія двухъ гласныхъ разработанъ г. Терле подробнѣе. Громкій гласный звукъ здесь выражается буквально, а предшествующей глухой гласный звукъ выражается въ волосной чертѣ, соединяющей предыдущую согласную съ знакомъ громкаго гласнаго звука, причемъ при твердочть глухой звукъ волосной черты, по общему правилу, смыкается даѣтъ можно короче, а при мягкомъ — не много длиннее. Такъ какъ Штольцемъ звуки для гласныхъ таковы, что сходные звуки, какъ напр., с—и, не могутъ быть различены при буквальномъ выписаніи въ срединѣ слова, то г. Терле, для отмѣти, при мягкомъ ударномъ гласномъ звукѣ пишетъ предыдущую согласную лѣнного выше строки, а при твердомъ — на строкѣ. Такимъ образомъ третій случай доказывается слѣдующими подраздѣленіями: 1) громкій гласный звукъ твердый: а) глухой гласный также твердый («наукъ», «шумъ», см. табл.), б) глухой гласный мягкий («съѣсть»), «Сонъ»); 2) громкій гласный мягкий: а) глухой звукъ твердый («башуръ», «боечъ») и б) глухой гласный также мягкий («нить», «силь»).

Нѣкоторую особенность въ построеніи представляютъ громкій звукъ «и», но мы за этоутъ не будемъ уже останавливаться.

Нѣть частинъ правилъ выраженія гласныхъ указаний на стѣду-випѣ. Нажимъ на всѣй согласной, не предшествующей громкому гласному звуку, означаетъ всегда звукъ «и», если согласную смычать. т. е. увеличитьъ высокую волосную черту, то нажимъ будетъ означать звукъ «и». Какъ и въ системѣ Штольце (см. стр. 98) въ системѣ г. Терле употребляются согласные, уменьшеннія то полужирной высыпки, для выраженія предшествующихъ гласныхъ звуковъ; также, уменьшеннія согласныхъ безъ нажима указываютъ на предшествующий гласный звукъ «блзкій къ произношенію «и», «и», «о»», слѣдовательно также и цѣ звуки «и», «о»; тѣкже согласные съ нажимомъ указываютъ на глухіе звуки «блзкіе къ произношению «и», «у», т. е. и на звуки «я», «ю». Наконецъ, въ начинѣ и въ концѣ слова гласные звуки выписаныются и буквально, если они ясно различаются письмомъ слухомъ.

Вотъ почти вся правда системы г. Терле. Мы видимъ, что раз-

сматриваемая теорія имеетъ одно важное достоинство,—она довольно проста, по за то она пытается и множествомъ выостатковъ, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны. Однако, прежде чѣмъ перейти къ практической частиъ системы г. Терле, мы должны сказать еще о томъ способѣ сокращенія, который употребляется въ этой системѣ.

Постоянныхъ сокращеній г. Терле совсѣмъ не признаетъ. Онь говоритъ на стр. 48 своего учебника: «При написваніи устной рѣчи пишущій улавливаетъ только тѣ звуки, которые действительнѣе доходятъ до него при произношѣи короткому говорѣ устныхъ словъ, и затѣмъ не имеетъ уже надобности писать никакихъ искусственныхъ сокращеніяхъ. При быстрѣшемъ сълаганіи тѣхнѣй рѣчи, слова состоятъ только изъ действительнѣе необходимыхъ звуковъ, безъ всякаго излишества, а потому и лучше правило для си написанія заключается лишь въ точномъ удержаніи происходящихъ звуковъ. Это правило, промѣнъ его разностояніи, предстаиваетъ въ наѣдѣнѣи естественность, таѣтъ какъ выкладываніе чего-либо изъ слова или излишнія его на письмѣ, напреки требованію слуха, можетъ повести только къ испытанію рѣчи. Между тѣмъ какъ ударьшили по письмѣ слова, въ звучаніи действенно слышащихъ, мы сѣдѣемъ настоящимъ и тѣрпимъ воспроизведеніе нашего говора и тѣмъ самымъ упростимъ и облегчимъ свой трудъ». Сюда же можно отнести и ту мысль, которую мы сдѣлали раньше,—относительно того, что, по мѣрѣ удаленія отъ главнаго слова, все звуки, какъ гласные, такъ и согласные, будто бы, ослабѣваютъ. Такимъ образомъ, достаточно написывать только тѣ звуки, которые действенно слышатъ при быстромъ произношении,—и щомъ въ понадобится тѣ никакихъ сокращеній для того, чтобы поспѣть за говорящимъ. Ниже мы сдѣлаемъ письмально переводъ съ таблицы г. Терле, и тогда мы увидимъ, что именно авторъ разумѣетъ подъ «постояніемъ и вѣрнымъ воспроизведеніемъ нашего говора». Кромѣ сказанного слѣдуетъ еще замѣтить, что при смызномъ письмѣ многихъ словъ сливаются вмѣстѣ, на толькъ основаціи, что слухомъ они воспринимаются какъ одно цѣлое; такъ, мыслью, предлогъ, союзы и пр. всегда прилагаются къ другимъ словамъ. Отдельно произносимы слова, хотя бы и короткія, не сплачиваются на письмѣ. Вообще г. Терле соѣтуетъ умѣренно пользоваться слитицами словъ, таѣтъ какъ при письмѣ теряетъся вѣгота символическаго выраженія громкихъ гласныхъ. Въ первомъ изданіи своего учебника г. Терле рекомендовалъ еще отѣвать фразы съ удареніемъ болѣе издребезга

(т. е. не столь сокращенного) написывания того слова, на котором стоит ударение, и главное предложение вынуждать поглощать прилагоочных, но во втором изложении эти софты выкинуты,—конечно потому, что они ненесущественные.

Теперь мы можем обратиться къ отънѣхъ системамъ г. Терре. Не будемъ повторять здѣсь того, что уже сказано нами о фонетическомъ письмѣ во введеніи, но отыскать линіи сопоставления особенностей способа г. Терре. Способъ этотъ отличается отъ слухового письма тѣмъ, что въ исключительности случаевъ письмо въ отънѣхъ можетъ слышать, т. е. при быстрѣйшемъ говорѣ, всевозможныя признаки для всякаго письма вообще,—кругомъ словами, по способу Терре даже и малюсина рѣчи будуть записаны такъ, какъ будто бы ее произнесли быстро. Действительно, при медленномъ говорѣ все слоги и согласные звуки слышатъ весьма ясно и потому должны быть выражены совершенно точно,—но теорія г. Терре не даетъ никакихъ средствъ для точнаго выражения всѣхъ гласныхъ. Г. Терре оставляетъ только одинъ способъ Штолльцевой письмованіи,—и какъ разъ тѣтъ, который панические удобства; еслибы мы задумали воспользоваться этимъ способомъ для сокращенія всѣхъ гласныхъ изъ словъ, то каждое слово расчленялось бы на столько отънѣхъ, поглощавшихъ между собою гласки, сколько въ исключительности слоговъ. Точно также былобы изудобно бѣзъ всяко писать всѣ гласные, такъ какъ звуки гласныхъ, заимствованные у Штолльце, совсемъ не приспособлены для письма въ срединѣ словъ (въ чистъ Штолльце и не особенно-зучался, такъ какъ въ его системѣ срединные гласные почти исключительно выражаются символическими); притомъ буквальное написываніе гласныхъ совершенно уничтожило бы всю теорію г. Терре, сущность которой въ заключается въ невыпишваніи гласныхъ. Такимъ образомъ способъ г. Терре всегда предполагаетъ быстрѣйшій говоръ и потому еще менѣе удобенъ для употребленія вместо обиженного письма, чѣмъ системы Габельсбергера и Штолльце.

Не нужно доказывать, что теорія г. Терре действительно основывается на недостаткахъ произношенія и слуха. Скрадываніе или исчезаніе иныхъ звуковъ въ живой рѣчи, которыхъ пользуются г. Терре, конечно представляютъ недостатокъ, замѣтный тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе развиты голосовые органы говорящаго. Ясность произношенія прежде всего обусловливается физическими качествами оратора: чѣмъ слабѣе, напр., его легкія, тѣмъ извѣнѣніе оно будетъ производить слова при быстромъ говорѣ и тѣмъ болѣе оно будетъ искажа-

тьвать ихъ окончанія. Извѣстно также, что посредствомъ упражненій можно выработать у себя болѣе ясное произношеніе. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно слуха, о недостаткахъ которого, выражаемыхъ, имъ уже говорили во введеніи. Итакъ, теорія г. Терре основывается на недостаткахъ индивидуальныхъ, неоднаковыхъ у различныхъ людей; одно и тоже слово по системѣ г. Терре можетъ быть записано различно,—смотря до тому, какъ оно произнесено и кто же услышалъ; въ особенности рѣзко это должно обнаруживаться при заимствованіи иностраннаго слова. Нѣтъ сомнѣнія, что задача письма не заключается въ томъ, чтобы рабска слѣдить за индивидуальными произношеніями, и уже по одному этому способъ г. Терре не можетъ представлять „улучшеннія письма вообще“, хотя и можетъ быть принятъ въ виду специальныхъ цѣлей стеноографіи.

Мы видѣли выше, что г. Терре думаетъ оправдывать построенія буквъ въ видѣ линій тѣмъ, что звуки, будто бы, по хѣру удалены отъ ударного звука построеною ослабляются. Эти теоретические положенія представляются безусловно неправильными. Въ самомъ дѣлѣ, произноси быстрѣйшаго никогда многоголоснаго слова, мы замѣчаемъ, напротивъ того, что наиболѣе скращиваются въ произношеніи прилежащіе къ ударному звуку; напр., слово „записываніе“, при быстромъ произношеніи слышно почти вѣсъ „записанье“, „зарисовывающій“ — какъ „пересматривающій“ и т. д.¹⁾. Произносится еще болѣе длиннія слова (напр., „василѣствоватъ“, „стенографическій“, „правительствующій“), мы можемъ замѣтить, что всіе и глухіе (скрадывавшіеся) звуки слѣдуютъ поочередно, въ извѣстной периодичности („васильствовать“, „стенографический“, „правительствующій“), законъ которой еще остается открыть, если только она окажется для всѣхъ ущей. Но очевидно, что ни въ какомъ случаѣ звуки не будутъ оставлять сообразно съ степенью удачности ихъ отъ наиболѣе громкаго звука. Слѣдовательно, правило г. Терре совершенно несправедливо, и потому оно напрасно старается поставить себѣ въ заслугу, чтобы съ научной точки зрѣнія, неудобный способъ построенія согласныхъ. Лучше всего опровергнуть г. Терре его-же собственные стенографические таблицы: въ привѣрахъ склоннаго письма всегда пропущены именно тѣ части словъ, которые

¹⁾ Мы говоримъ «шеста», такъ какъ просушившие звуки не поглощаются, говорящимъ,—см. объ этомъ ниже.

испосредственно прелегаютъ къ ударному звуку, тогда какъ начальныя и конечныя части испытываютъ безсѣдно сравнительно рѣжко.

Точно также представляется испытание въ основное положеніе външнізациіи въ системѣ г. Терле. Какъ мы видѣли, г. Терле не изображаетъ тѣхъ гласныхъ, на которыхъ лежитъ удареніе, и значимость ихъ твердой или мягкой полугласной. Однако же многихъ слушающихъ такие гласные звуки не чутуть совершию пропускаться, если письмо основано «исключительно на слухѣ». Во первыхъ, если дѣйствительно въ некоторыхъ случаяхъ гласные (амѣстѣ съ ломы и цѣльными) вынуждены въ быстрой рѣчи, то не бѣльей части они оставляются въ произношеніи неизбѣжно ложной наложкѣ на себя. Во вторыхъ, хотя некоторые гласные, какъ напр. а—о, легче сгущатъ, даже при исключеньи говорѣ,—тѣмъ не менѣе другіе звуки, каковы и ю, частично характеризуютъ, что имено различаются даже изъ быстрѣшенья произниненій. Прочѣркъ сказающее можно посредствомъ последовательной замѣты какогонибудь глухаго гласного звука въ любить словѣ всѣи другими гласными: какъ-бы скоро мы ни произнесли полуутонченія подразумѣвшія зачатія памяти слова, они никогда не будутъ звучать совершию однозначно. Это ясно также и безъ дробѣрокъ. Такимъ образомъ пропустить глухіе гласныхъ не можетъ обусловливаться исключительно слухомъ, хотя тѣкже имена онъ художественно основаны на слухѣ, ибо точно выражается память болѣе слышимыи гласнымъ звуку. Письмо, постигшее себѣ цѣлью точно передавать слухомъ впечатлѣнія, должно-бы было, помочь слогъ знаковъ, выражать и тѣ легкіе стѣды, которые означиваютъ послѣ себѣ выпадающіе гласные звуки, и не стыдиться только, какой звукъ прощупешь,—твёрдый или мяг cant. Такое письмо вполнѣ было-бы удачнѣнѣе, способъ же г. Терле дасть лишь грубый наложкѣ на гласные звуки и потому въ этомъ отношеніи представляетъ ухудшеніе, а не лучшшее письма вообще.

Полностью посвященное, если отбросить въ сторону «научнѣе» основаніе способа външнізациіи г. Терле, способъ этотъ можетъ быть допущенъ въ виду специально-стихографическихъ прѣл., и его цель не призвана всѣми остроумицами. Давно возможность довольно свободно, при некоторомъ навыкѣ, читать написанное, для и можетъ доставить большую выгоду въ практическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо выгоднѣе просто пропустить гласный звукъ, чѣмъ выражать его символическія, ибо всѣдное требуетъ напряженного вниманія и большой практики. Что касается до чтенія письма г. Терле, то оно

возможно лишь при достаточномъ знакомствѣ съ диалектомъ, такъ какъ производится путемъ догадки, при которой помощь слуха необходиимо помнить, что той звукъ, который точно выражаетъ согласную способы, всегданоситъ на себѣ удареніе. Читающій, видя одинъ ясно выраженный гласный звукъ и энотѣ, на которыхъ должны стоять другие гласные, мысленно побираетъ подозрительные слова и легко догадывается о настоящемъ значеніи написаннаго. Такъ напр., яснѣй бѣль засрудненія догадается, что означаютъ слова: другой, дѣржай, дарогай. Правда, при способѣ г. Терле возможныѣ пѣкоторыи неточности и двусмыслинности; напр. «разжигъ» можетъ означать «разумъ» и «разомъ», «рудникъ»—«родникъ» и «рудникъ», «лѣтъ»—«лѣтъ», «дѣтъ» и «лѣтъ», «сѣда»—«сѣда» и «сѣда» и т. д.; однако число такихъ двусмыслинностей не особенно значительно, при этомъ же такихъ случаевъ можно догадаться о настоящемъ значеніи слова по смыслу, или-же буквально выписыватьомнительный гласный звукъ, такъ что вообще этотъ недостатокъ не очень великъ. Но сожалѣнію, способъ г. Терле несетъ другіе весьма существенные недостатки съ практической стороны,—между тѣмъ какъ его можно допустить имено лишь въ виду практической выгоды.

Къ числу существенныхъ недостатковъ относятся прежде всего невозможность указать на практикѣ, находится ли между данными согласными гласный звукъ, и если находится, то какой именно,—твёрдый или мягкий. Г. Терле предполагаетъ указывать это посредствомъ троихъ измѣненій длины волосной черты, но въ трезвѣніи тѣлесныхъ предѣлахъ, тѣль иакъ при иятияхъ глухихъ гласныхъ волосная черта доходитъ только до полутигра. Дело, что сказанное измѣненіе длины практическіи неосуществимо; другаго рода дѣло было бы, еслибы предѣлы не были сильнѣе тѣлеса,—тогда соблюденіе размѣровъ волосной черты было-бы невозможно, хотя и затруднительно. Верояемъ и гань г. Терле совершенно не сбывающасть своимъ собственнымъ правилъ за этоѣ счетъ: мало того, что въ стенографическихъ таблицахъ волосная черта сплошь и рядомъ изображается неподвижной длины,—часто даже присутствуетъ гласного звука въсе не стыдиться, такъ какъ тѣсъ согласія, заключающія между собою гласный звукъ, записываются однозначными знаками. Такимъ образомъ, относящееся сюда правило похашено въ учебникахъ, какъ сказать, только для красоты теории. Съдовательно вообще способъ г. Терле сводится къ тому, что изъ словъ точно выражаются только одинъ ударный гласный звукъ, а также ипоста начальныя и конечныя гласные,—среди которыхъ гласные про-

пускаются, причем часто на присутствие ихъ не хватает никакого пояска. Понятно, что число двусмыслистостей и неточностей, при невозможности существовать сказанное правило, увеличивается до громадной степени.—однако и въ такомъ видѣ система г. Терне изравненно превосходитъ тѣ системы, которые пропускали вѣсѣ предпосыпанные гласные (какъ напр. систему Тедера).

Важнейшей графической недостатокъ разработанной таини системы заключается, какъ мы уже указывали, въ отсутствии письма отъ строки, или, лучше сказать, въ совершеннѣи отсутствія строки въ точкѣ смыслѣ, какъ мы ей обыкновенно понимаемъ. Въ системѣ г. Терне строка указывается не направлениемъ письменныхъ знаковъ, а положеніемъ цѣлыхъ словъ, котороею опредѣляется ударный гласный звукъ; письменные же знаки, какъ мы уже говорили, изображаются одинъ подъ другимъ въ видѣ лѣстницъ, которые простираютъ дистанцию значительной высоты (см. въ табл. XIV примѣръ: привѣтъ, сформировавъ, прѣпнамъ, и т. д.). Мы уже столько разъ говорили о важности направления письма по прямой линіи, что теперь вѣдь необходимость пытаться, какому утолщению подвергается рука, принужденная опускаться все вѣтру вънизъ и заходить, сразу подниматься въверхъ, чтобы спать называть снувшись, и т. д., и т. д., а также и имено и процессы, движение руки, иницирующей въ системѣ г. Терне. Въ своихъ таблицахъ г. Терне старается, насколько возможно, уменьшить этотъ недостатокъ, ставя буквы не одну подъ другую, а на одинаковомъ уровне; — однако такая уловка не всегда можетъ приводиться, потому что ударный звукъ тѣхъ и отдаѣтся отъ прочихъ, что они ставятся вънизу; кроме того постановка согласныхъ на одинаковомъ уровне затруднительна и оттого, что волосы на пера, замѣшивающи глахіе звуки, всегда коротки.

Неудобное построеніе словъ особенно ощущительно въ виду символическихъ выражений громкихъ гласныхъ, для чего пишущему необходимо бываетъ прилагать избѣжную бѣгу непрестанно къ избегаемому звуку, вѣнце или вѣже строки. Напишій, прежде чѣмъ начать писать какое слово, долженъ итоговенно прикинуть на глазъ, на какую высоту надо строкой сѣдѣть поставить перо при началѣ слова; высота эта обусловливается количествомъ согласныхъ, находящихся передъ ударными слогами. Понятно, что вѣрою опредѣлить настоящую точку, съ которой нужно начинать слово, можно разве только съ помощью циркуля, а потому стекографъ, по мѣрѣ прибли-

женій къ ударному звуку, приуждено увеличивать или уменьшать нормальный разстояній знаковъ, — иначе согласные, стоящіе передъ ударными, писать звукомъ, придется не въ надлежащемъ мѣстѣ, и звукъ звукъ будетъ выраженъ неизвѣсно. Привѣты подобныхъ умножающихся ошибокъ, пакующихъ за собою нечеткость, можно найти даже въ таблицахъ г. Терне, хотя послѣднія, конечно, исполнены съ избѣжною тщательностью. Не известно, для чего г. Терне ставитъ съзываемое избѣльшое изображеніе изъ предложенной Штольцемъ воказализаціи. Въ системѣ Штольца согласные для символического выраженія о, у, ё, «попадаютъ на двадцатую мѣру относительно строки», т.-е. Терне поднимаетъ ихъ всего на полъ-мѣры, а это однозначно есть (стр. 31 2 изд.) даже говорить, что слово слѣдуетъ ставить выше или ниже строки «на бѣльше или на тоцкую обычайовенную точку» (!). Если г. Терне думаетъ, этимъ избѣльшиемъ изображеніемъ уменьшить указанную выше недостатки, то онъ сильно ошибается: при лѣстничномъ построении звукъ хорошо, если вообще удается сдѣлать подлежащее изображеніе или написаніе, — гдѣ ужъ тутъ люблютъ, чтобы оно было съзываемо пакрижно на полъ-мѣры или даже «на тоцкую обычайовенную точку»?

Г. Терне, по нашему мнѣнію, имѣлъ на большую ошибку при выборѣ способа воказализаціи. Если-бы онъ воспользовался вторымъ способомъ, употребляемымъ въ системѣ Штольца, т. е. способомъ выражения гласныхъ въ избѣжныхъ слогахъ (см. стр. 96), то ему не пришлось бы тогда пригонять слово къ опредѣленному мѣсту относительно строки и, можетъ быть, удалось бы избѣгнуть построенія согласныхъ одинъ подъ другимъ. Второй способъ былъ бы особенно удобенъ въ разработанной системѣ, гдѣ символическое выражается только одинъ гласный звукъ.

Умножимъ теперь въ мѣдныхъ недостаткахъ воказализаціи г. Терне. Мы уже указывали на отсутствіе правилъ о выраженіи въ пѣвото-ризъ случаевъ лѣвыхъ гласныхъ, стоящихъ рядомъ. Кроме того въ системѣ г. Терне насаждается еще большаго порицанія, чѣмъ въ системѣ Штольца (см. стр. 97), употребленіе согласныхъ, уменьшаемыхъ до полу-мѣри; — ошибки изъ опредѣленій гласныхъ звука иметь особенно важное значение въ первой системѣ, которая точно выражаетъ лишь одинъ или два гласныхъ въ каждомъ словѣ. Дѣланы, мы видѣли, что звуки о и я могутъ точно выражаться не только въ ударномъ, но и во всякомъ другомъ слогѣ. Читатель, пожалуй, получаетъ, что определеніе, оказываемое звуками о и я, также обусловливается, —

лишется «слушанием начинать», — по это просто остатки Штольцовой системы. Нельзя одобрить такую неподготовленность г. Терне, такъ какъ по его теории точное выражение какихъ либо звуковъ должно зависеть единственно отъ ихъ ясности.

О способѣ сокращенія, употребляемомъ въ разсмотриваемой системѣ, лучше исключъ разсужденій хотѣть дать поштію вынуждущую подстрочное переводы отрывковъ, въ которыхъ есть таблица слогового письма г. Терне. Перене дад отрывокъ помѣщены и у насъ на табл. XIV.

Первый отрывокъ: итаетъ^{*)} цергойтъ сбѣ нозѣй для камни
штаданитъ (и по тогдашнему^{**}) бльшои и краснай икторум (въ кото-
ромъ^{***}) пытидахъ врьшть хотѣй ифесульскъ илеса. пындана днаги
кумъ шѣбетъ (чтобъ это) былъ шибутъ (что избудь) вроде иныхъ
дѣрьши (иныхъ хворцовъ), силье оними и ижлены тдаши
ильши ухобъ уснависъ (удобно установилъ-бы) пырзинъ
иесъцамънитъ вану (въ ишу) залъ запынъ (затянуто) ильсона илоска
дѣри, рисунки да же хрисинъ ильсона (давъ слыши) дечъ ильхинъ
вожалено.

Второй отрывокъ: ильской итеса (Маштевъ) бльпремъ
паста (быть первое время царствованія) пытра одни ислѣдникъ (иъ
полезныхъ его) пыншевъ и (настиче)^{****} илеса (посѣтъ себѣ) засы
вхтокъ (въ которыхъ) счимърса редаксъ смыты счашка имене (слу-
чивающа въ Москву) скоре ислегти цыри фѣкъта лисейта.

Третій отрывокъ: пысокъ малкій ильши (какъ пыль) ибога
(носится) ильвости гостини гучми, прыкаетъ чръсъ (чрезъ иль)
отверстия, даже чръсъ (чрезъ сухо) ильды ильдо чръсъ (чрезъ
иль) прыкаютъ страшисъ итесь. ильшестки ильваютъ чуть (чувство-
вать) Гольную болѣ, дхѣне сльши (стаконитъ) прыести, грутъ

^{*)} При уменьшенніи, до иль-ибръ соглашніхъ возможно различное чтеніе (такъ, сказъ «итеса» можно прочесть какъ «итесовъ» или «итесы»); но подобныхъ случаевъ иль, для краткости, измѣщаютъ только болѣе «брѣй» перевода.

^{**)} Въ скобкахъ мы отсыпь къ общепринятой транскрипціи тѣ словъ, понять которыхъ изъ подстрочного перевода измѣнить значителѣло.

^{***)} Г. Терне въесь чисто употребляетъ птическое чистаніе для ильного со-
четанія иль, которое не имѣетъ смысла, — хотя это имено по соглашнію
се проносимо. Чисто также употребляется санскритъ оставление со звукомъ об
(и., слово «иесъцамънитъ», что означаетъ «иъ сущимънитъ»).

^{****)} Г. Терне во даетъ ильныхъ средстенъ для отысканія въ ильной ильни
отъ иль, иль иль, бѣть иль и т. д. Но иль г. Терне пишетъ ильни, ильни,
ильни, ильни.

илюнца, рогрешишь тубы обильнайца кроль, силь сиѣда (совершенно)
съехастъ, всѣхъ телес чуеща (чувствуется) страшны зной изѣтъ (и зудъ)^{*)}.

Теперь мы извѣстъ ищесе исконіе съ томъ письмъ, которое
г. Терне называетъ «настоящимъ и вѣрнымъ воспроизведеніемъ жи-
ваго говора» «изъ звуковъ подлиннаго произношенія» и «удобнѣшемъ
исъмъ вообще». Не затѣмъ и говорить, что даже въ бѣсѣдѣйшой
рѣчи слова никогда не могутъ быть слышимы такъ, какъ ихъ пишуть
г. Терне. Глашамъ въ этомъ случаѣ добираться нельзя, такъ какъ для
глазъ заслоно отклоненіе отъ обычной орфографіи кажется страшнѣе,—
по изобрѣтѣ прочитать полутѣ приведенные отрывки, и тогда
такіи слова, какъ «блѣрѣмъ», «цѣснъ», «иисво», «чрѣсъ» и т. д.,
произведутъ на виѣсть струту совершенно иначеюше ищечатаніе.

Удивительное маине автора съ преимуществами его системѣ иль-
объектовъ иль ильмомъ оириасе между прочимъ на то, что въ
его системѣ точно отѣчается удареніе на каждомъ словѣ, такъ какъ
только одинъ ударный гласный звукъ изображается символически.
Г. Терне указываетъ на это при всякомъ удобномъ случаѣ, и тѣбѣ-
видѣтельни въ этомъ виѣчестве достояніе системѣ, которую не
изѣбѣтъ обыкновенное письмо,—но за то сколько-же и недостатковъ
заключаетъ въ себѣ она! Отѣческое удареніе посредствомъ точного вы-
раженія одного гласного звука, она вовсе не изображаетъ другихъ
гласныхъ и, вмѣсто точного воспроизведенія чехослѣдской рѣчи, за-
стѣ только грубой ильки на все, избирая иль словъ только
изъбѣтно слышимые звуки. Тутъ ии опять должны сказать, что если
не сравнивать систему г. Терне съ обновленіемъ письмомъ и оти-
нуть ии сторону чрезмѣрнаго претензіи автора, то съ специальностью-стено-
графической точки зренія способъ сокращенія, разсмотрѣнныи нами,
долженъ быть признанъ весьма рациональныи. Въ самой дѣлѣ, если
слова иль никогда не сопратаются въ произношеніи такъ, какъ сокращаютъ
ииль г. Терне, то все таихъ г. Терне выбирасть иль иль иль иль
санскритъ звуки, что доставляетъ возможность при выговорѣ пын-
иль довольно свободно читать пыншево; въ этомъ ии убѣдиться лег-
чиши опитомъ. Хотя, напр., слова «царствованіе» и «чувствовать»
никогда не обращаются въ «цѣснъ» и «чутъ», но за то, ишборогъ, эти

^{*)} Въ приведенныхъ отрывкахъ мы всѣдѣ ставили въ иль иль, тѣлько можно
было заключить изъ тѣльца г. Терне и присутствіе твердаго или мягкаго гласнаго
звукъ.

сокращенными формами не могут быть прияты ни за какій другій сло-
ва, такъ именуя за «частичизацией» и «чувствовать», потому что въ
нихъ выбраны самые характерные и выдающиеся звуки приведенныхъ
ими словъ. Вообще для сокращения польза приумнѣть бѣже рацио-
нального основания, чѣмъ слухъ. Какъ бы ни было странно для глаза
сокращенное изображение слова по способу г. Терса,—оло же это не
сравнительно бѣже говорить, пакъму слуху, чѣмъ тѣ сокращенія, кото-
рыми употребляются въ системахъ Габельсбергера и Штольце, говорить
глазу и слуху идѣстъ. Ось специально-стенографической тѣмы здѣшній
способъ сокращенія долженъ быть поставленъ въ песямѣтную часлу
г. Терса, во вѣрнѣе странио, что изобрѣтатель позволялъ себѣ
говорить обѣ удешевленіи письма вообще.

Однако, не смотря на цѣлесообразность приемовъ сокращенія и
на то, что сокращенія доведены г. Терсе до нес рѣв ultra ⁴⁾, ихъ
еще недостаточно, по нашему мнѣнію, для усыщенія записыванія
за говорящимъ. Въ дѣйствительности стеноаграфионѣ по системѣ
г. Терса должны сокращать слова гораздо болѣе, чѣмъ это дѣлается
въ таблицахъ послѣднѣго, и потому заходить уже за тѣсъ искрѣть,
которыи еще движимы свободное чтеніе. Г. Терсе поступать бы
очень коротко, еслибы, кроме своего способа сокращенія, употреблять
и пѣкоторое число значокъ, но только для цѣлыхъ словъ (служеб-
ныхъ частей рѣчи), а не для приставокъ и окончаний, какъ это было
въ первомъ изданіи его учебника. Употребленіе значковъ позволило
бы стеноаграфу держаться въ болѣе тѣсныхъ границахъ относительно
сокращеній по слуху, а отъ того умнѣгала бы и сама тоскость
письма.

Въ настоящую минуту, познакомивъ читателя со всѣми способами
сокращенія, практикуемыя въ различныхъ стеноаграфическихъ систе-
махъ, и вѣживши достоинства и недостатки каждой изъ нихъ, мы
можемъ высказать и общій взглядъ нашъ на сокращенія. Мы полу-
чаемъ, что хорошая система, въ виду сисціальной цѣли стеноаграфіи,

не должна пренебрегать никакими изъ разсматриваемыхъ средствъ.
Необходимо только, чтобы сокращенія были совершенно отдѣлены отъ
основаній системъ и чтобы каждому способу было указано наиле-
жащее мѣсто. Такъ, произвольными сокращенія, подобныя Габельсбер-
геровскимъ, должны употребляться только въ крайнемъ случаѣ, при
невозможности уѣздѣть за говорящимъ, а число заучиваемыхъ изъ-
нуждать сокращеній не должно быть очень великое; конечно, это
надо устанавливать точно опредѣленной нормы, однако несомнѣнно,
что въ системѣ Штольце, напр., количество посогласныхъ сокращеній
пересечуръ громадно. Число значковъ могло бы быть значительно умень-
шено съ помощью способа г. Терса, сокращенія которого нельзя от-
нести къ числу произвольныхъ. Системы, изъ которыхъ указанные спо-
собы сокращенія были бы искусно согласованы, давали бы возмож-
ность, совершивъ точно и безъ особого напряженія записывать самыи
длинныи рѣчи самого быстрого оратора, чего въ настоящее время
одинъ стеноаграфъ по любой системѣ сдѣлать во въ состояніи. Сте-
ноаграфи въ каждомъ изъ представляемыхъ собраній Западной Европы
составляютъ изъ себя цѣлое бордо и передаются въ записываніи чрезъ
очень короткое время (напр., во французской пакетѣ депутатовъ черезъ
какъбы 2 минуты, въ итальянской пакетѣ черезъ 3 минуты, въ бель-
гійской пакетѣ черезъ 3 м., въ бельгійскомъ сенатѣ черезъ 3 ми-
ни. и т. д.). Чѣмъ продолжительнѣе время записыванія, тѣмъ болѣе
устаѣтъ стеноаграфъ и тѣмъ менѣе гарантійъ есть точности записы-
вания. У насъ въ Россіи первѣю цѣлью судебные процессы
записываются только однимъ стеноаграфомъ, но за то тѣлесности
въ стеноаграфическихъ отчетахъ быть не можетъ, и полагаться
на нихъ, такъ же на неспроверенные документы, нельзя; притомъ
у насъ почти всегда эти отчеты печатаются (за вѣроюто и ини-
цируются) въ очень сжатомъ видѣ, такъ что въ два одното стено-
графа не особенно затруднительно составить подобный отчетъ.
Существующие же цѣлыхъ стеноаграфическихъ бюро при парламентахъ
лучше всего показываютъ, что остается еще очень многое желать въ
данѣ усовершенствованій стеноаграфіи даже съ специально стеноагра-
фической точки зренія.

Вернемся къ системѣ г. Терса. Въ заключеніе нашего обзора слѣ-
дуетъ замѣтить, что письмо г. Терса хотя и не фолетическое, но

⁴⁾ Приводимъ еще пѣколько примеровъ сокращений изъ таблицы г. Терса.—
Наклейка—незабываемъ, пѣктихъ язахъ дѣлъ градомѣтъ въ ближайшихъ горо-
дахъ другихъ государствъ, почтальонъ—пугачевъ, пѣхальонъ—представитель,
баскетъ—благовидъ, пѣтальонъ—пакетчикъ и т. д. Особенно большими сокра-
щениами подвергаются личныи и нариціи; примеры: зему—а потому, купа—пакъ
товаръ, кипа—известіе, кипа—мѣло по кипе, спина—сокращено, и т. д.

тѣмъ не менѣе основанное на слухѣ, сущность община недостаткомъ стихіатического письма, на который мы уже указывали во введеніи (см. стр. 14); что совсѣмъ не требуетъ участія мысли пишущаго, а этиль обусловливается возможность отшибть со стороны стеноографа. Самъ г. Тернѣ признаетъ это устраненіе мысли, говоря на стр. 51 своего учебника: „Вместо медленного, по орнитологіи, воспроизведенія устной рѣчи путемъ разминченія, слуховое письмо воспринимаетъ, прозъ непосредственно слуха, смысль готовое содержаніе устной рѣти и мгновенно переводить ее въ нашъ сознаніе”.

Общий выводъ изъ всего сказаннаго нами о системѣ г. Тернѣ можно сдѣлать слѣдующій. Теорія письма, изложенная съ большими претензіями на „получность”, не всегда склоняется къ практикѣ, и основные положенія не всегда искрѣны; часто авторъ не сбываѣтъ себѣ сказаннаго правиль; способъ выраженія гласныхъ и общее построеніе словъ крайне извѣстны въ графическихъ отношеніяхъ; способъ же сокращенія весь остроумъ и дастъ залогъ большую выгоду. Несмотря на указанніе недостатковъ, система эта, лучше сказать, способъ г. Тернѣ имѣть будущность, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, г. Тернѣ открылъ новый путь въ дѣлѣ развиенія стеноографіи; будущіе составители стеноографическихъ системъ обязаны обратить геройское вниманіе на разработку этого способа, который можетъ привести стеноографическому письму необходимую элегантность. Въ настоящеѣ же время система г. Тернѣ, по нашему мнѣнію*, не могла бы выдержать конкуренціи (еслибы таковая существовала) съ системами Габекъ-Сбергера и Штолле; для успешной борьбы съ ними она нуждается въ радикальной переработкѣ съ графической стороны. Жаль только, что г. Тернѣ захочетъ сашиномъ дальше въ исказленіи своей системы: подобныя приемы всего скорѣе мѣдятъ публику, какъ къ губительному произволенію, такъ и къ стеноографіи вообще.

Медленно удачу г.-ну Тернѣ окажать въ этомъ отношеніи г. Циммерманнъ своей брошюрою „Стено-фотографическое письмо” (см. выше стр. 46). Читая ее, положительно утихаютъ храбрости и безвластійчивости автора, который, не имѣя порядочныхъ знаній даже въ русской грамматикѣ, рѣшился выдавать себѣ чуть не за величайшаго ученаго. Восхищеніе системой г. Тернѣ въ самовосхваленіе доходить,inde до геркулесовскаго стодбора. На каждыи страницѣ видно желаніе пустить читателя пыль въ глаза наборомъ звонкихъ фразъ о наукѣ и пр., на сквозь неутило накинутую тогу ученоости такъ и высовывающими уши самаго грубаго неизѣтства. Мы не можемъ рас-

дроstrяниться о всѣхъ курсахъ и поймостяхъ, которыми наполнена книга г. Циммерманна, и посему лишь того, что входитъ въ предѣлы нашей задачи—обзоръ стенографическихъ системъ. Въ однихъ брошюрахъ г. Циммерманнъ называетъ излагаемую имъ теорію письма своею, въ другихъ говорить, что она лишь сдѣлана въторымъ изобрѣтеніемъ г. Тернѣ, но на самомъ дѣлѣ никакъ иначе. Что касается до названія, то имъ автора хочется показать родство системы съ фоторрафіей Эндиона⁴, а самого г. Тернѣ прямо приравниваетъ Эндиону! (См. стр. X: „Тернѣ 4 года тому назадъ, халь физиологическое направление русскому письму, а въ послѣднєе время Эндионъ покарилъ человѣчество тѣмъ же”; также стр. 28). Себя якшо, за осуществленіе мысли о международномъ или всенародномъ письмѣ, г. Циммерманнъ ставитъ выше Лейбница, Гумбольдта, Гринца и пр. и пр., скромно уступая имъ честь поэтическій^{**}). Самое же осуществленіе состоять въ томъ, что г. Циммерманнъ русскимъ стеноографическимъ знакамъ прехлатаешь писать на всѣхъ существующихъ языкахъ! Кроме того, г. Циммерманну праадлежитъ объясненіе построенія своей системы г. Тернѣ посредствомъ „теоріи полтета”. Ничѣто, авторъ брошюры угодобляетъ человѣческую рѣчь морскими волнами, такъ ишь въ иск. звуки голоса, подобно волнамъ, периодически появляются и появляются; более громкіе звуки уподобляются гребью волн. Объясненіе это совершенно неискрѣнно, потому что по системѣ г. Тернѣ наиболѣе слышимые звуки пишутся и иже остальныхъ, а не ишь, какъ-бы праачествою „гребью” волнъ. Свою систему письма г. Циммерманнъ за особенности рекомендуетъ (positibile dictum) для обученія дѣтей изучать обыкновенное письмо. Мы подогааемъ, что г. Циммерманнъ по справедливости заслуживаетъ пинканіе парламента, которымъ награждены его

* Система Питтмана посвѣтъ название «эндрофоні», но она вовсе не производится отъ слова «эндрофонъ», какъ у г. Циммерманна, — уже потому, что звонкость звуковъ имѣетъ въ послѣднее время, въ системѣ Питтмана существуетъ давно.

**) См. стр. 1: «Было бы ошибочно неискрѣнно отъ этой стороны утверждать, что и въ принадлежащихъ къ сего же международному письму. Уже съ давнихъ поръ письменіе ученыхъ, законовъ: Лейбница, Шлейхерта, Икона Гринца, Гумбольдта, Лепсиуса, а въ конѣшнее время Брикса (именемъ онѣ называются), Фихель и М. Карадъ, неуклонно преслѣдующіе эту великую задачу. И-то, поставивъ построѣніе на болѣе практическую почву, обобщивъ «законъ, быть не болѣе звѣзжей звезды» этой звѣзной звѣи безупречныхъ рисункѣ попытокъ человѣческого ума».

и печатя. Прибавилъ еще для курица, что изъ причинъ появленія изъѣтъ съѣдъ брошюра г. Циммермана относить и слѣдующее обстоятельство. „Всикій гражданинъ“, говорилъ онъ, „обязанъ привести посыльную записку на алтарь отечественнаго благосостоянія. Современники могутъ не придать ей щадящаго вниманія, а потомки одѣнѣтъ то, что и сбудутъ прилатотееры; все это вопросъ времени“ (стр. 6). Дѣйствительныи же прачина лежитъ въ томъ приговорѣ, который изрѣкъ начальникъ комиссіи педагогическаго курса (см. „Исторический очеркъ“ (стр. 46). Въ своихъ предисловіяхъ г. Циммерманъ подымаются съ комиссіей, и добромъ положитъ брошюры начата стено-графическая отчетомъ о томъ засѣданіи комиссіи, въ которомъ рассматривалось сообщеніе г. Циммермана ^{*)}.

На такомъ курьезномъ явленіи въ области стено-графической литературы приходится намъ закончить разсмотрѣніе отдѣльныхъ стено-графическихъ системъ.

ЗАЕМЧЕНИЕ.

„Удовлетворяютъ ли русскія стено-графические системы всѣхъ, требований строгой краткости?“ — вотъ вопросъ, который мы должны задать себѣ теперь. Читателемъ, познакомившимся съ спорретными системами, можетъ дать на него только одинъ отвѣтъ — разматривать ли стено-графію, какъ науку — въ смыслѣ обикновеннаго письма, или же въ послѣдствіи заинспектировать за говорящими. Наилучшія изъ упомянутыхъ въ Россіи системы, — систѣма Штолле и Габельсбергера, требуетъ при употреблении изобличающихъ соединеній, вслѣдствіе чего не могутъ вполнѣ замѣнить обычновеннаго письма. Ворожекъ, эти (необходимы для удобства письма) соединенія не цѣ столько многочисленны, чтобы совсѣмъ исключить стено-графію изъ употребления въ обиженной жизни. Несоблюденіе обычной орфографіи и приводитъ трудность для изученія такихъ составляющихъ недостатковъ современной стено-графіи въ смыслѣ обикновеннаго письма, но она преодолѣвается грамматико-выгодомъ отъ сбереженія труда, времени и мѣста. Вообще, если въ

^{*)} Заслуживаетъ прімыкнуть къ сообщенію, что г. Циммерманъ былъ постѣдно избранъ изъ самой беззастѣнчивой нынѣшней рѣчи этого писателя, конечно въ своемъ помыслѣ (см. „Педагогический Музей“ 1878 г., № 6, стр. 515 и 516).

настоящее время стено-графія и не можетъ быть общепринятой письмомъ, то, тѣмъ не менѣе, всякий съ успѣхомъ можетъ пользоваться ею для своихъ личныхъ потребностей. Съ следѣльно-стено-графической стороны главный недостатокъ современной стено-графіи заключается въ томъ, что до сихъ поръ еще записываніе живой рѣчи есть искусство, а не наука. Какъ всякое искусство, стено-графія требуетъ прежде всего врожденныхъ способностей, а затѣмъ всевозможнѣе продолжательныхъ и непрерывныхъ упражненій. Достаточнѣе необходи-мой скорости обусловливается не только изобрѣтеніемъ большаго или меньшаго количества сокращеній, но также и чисто-механическими упражненіями рукъ; хороший стено-графъ долженъ писать не только кратко, но вѣдь съ тѣмъ быстрѣ и четко, тогда какъ чистота и быстра-ти особенно трудно соединяется въ стено-графіи. До сихъ поръ еще изученіе стено-графіи съ帮忙ъ сдѣлаться стено-графомъ ею рѣшительно быть дѣло весьма трущее, хотя теперь это не станетъ, срав-нивать, подобно Годфруа, съ изученіемъ игръ на скрипкѣ. Не заѣтъ здѣсь припомнить всѣ другіе недостатки и несовершенства современ-ной стено-графіи, — мы указывали на нихъ при разсмотрѣніи отдѣль-ныхъ системъ. Поэтому сказъ, что обратъ на поставленный пакъ выше вопросъ можетъ быть только отрицательный.

Возможность приложения стено-графіи въ жизни тѣсно связана съ вопросомъ о введеніи стено-графіи въ школу, которое составляетъ рѣшительное избрѣтательское стено-графическое спорретъ. Здѣсь неизлишне будетъ познакомить читателей вкратце съ измѣнами, вы-званными относительно этого вопроса прусскими школьными влас-твами въ 1862 г. и особой комиссией прусской палаты депутатовъ въ 1867 г. *) И въ тозъ и въ другомъ случаѣ въ палату поступило множество пѣтий, ходатайствовавшихъ о введеніи стено-графіи въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній хотя бы изъ начальной избираемости предмета. Въ 1862 г. пажата передала пѣтия на разсмотрѣніе пра-вительства, и министерство парижскаго просвѣщенія, желая обсудить дѣло со возможной основательностью, разосло широкодиапазонное пред-ложenie къ школамъ начальствомъ съ проѣзжимъ сообщить иными относительно всѣми преподававшимъ стено-графіи въ гимназіяхъ, реаль-никахъ и высшихъ мѣдленскихъ школахъ. Ответы были получены самимъ неблагородіемъ для стено-графіи. Сущность идейной заключалась въ

^{*)} См. „ЭБурн. Мъ Пар. Пр.“ 1863 г., изд. въ 1867 г., лѣв.

следующемъ.—Въ стеноографіи пять циничного образовательного элемента; она есть только механическое искусство или ремесло, и потому преподавание ей приюто противоречить главной задачѣ общеобразовательныхъ учебникъ заведений. Успехъ стеноографіи, въсколько не способствуя умственному или эстетическому образованію, требуетъ однако значительной трохи времени. Внѣшніе стеноографіи изъ школы извлекаютъ бы за собой иконописаніе, весьма временно дѣйствующее на развитие и упрѣщеніе памяти. Однѣ изъ директоровъ гимназій высказали по этому поводу даже изъ тихихъ выраженій: „если справедливо мнѣю, что со временемъ введенія книжечатанія, паче вообще у людей ослаблена, то гдѣвъ бѣлье нужно опасаться такого результата при сообщеніи изведенія изъ употребленіе стеноографіи, когда каждый станетъ пренебрѣгать полагаться на свое стеноографическое искусство и начнѣетъ заботиться объ обогащении памяти чужими способами“. Затѣмъ школьные власти полагали, что стеноографія заставитъ учениковъ обращать чрезвычайную на съмъз запоминальную со стороны учителя, такъ какъ „математически можно доказать, что тѣхъ скорѣе стеноографи канють, тѣмъ чѣмъ они понимаютъ записываемое“¹. Наконецъ, указывая на несоблюдение стеноографіей орфографическихъ правилъ и на отсутствие одной, рѣшительной преобладающей надъ прочими системъ, полагали всѣ соглашались въ томъ, что расширение объема преподаванія и увеличеніе труда учениковъ въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ не могутъ быть допускаемы безъ вынужденной необходимости; если бы даже внедреніе стеноографіи было полезно, все таки гимназіи не можетъ вводить въ свой курсъ всего, что полезно; изъ числа гимназическихъ предметовъ не входитъ даже такія науки (не говоря уже объ искусствахъ), какъ химія, естественная исторія, англійский языкъ и пр., необходимы для каждого образованнаго человека. На основаніи этихъ мысльй, министерство не нашло возможнаго исполнить желаній, выраженныхъ въ петиціяхъ.

Соціальныи комиссіи прусской палаты депутатовъ высказались также противъ внедренія стеноографіи въ курсъ среднихъ учебникъ заведений. Замѣтить сначала въ своемъ отчетѣ, что масса птицій, совершившихъ совершенія однородно, указываетъ на существование организованной ассоціаціи, притомъ присоединеніи двухъ главныхъ скриптурографическихъ системъ пользуются педагогическими вопросомъ тѣи доставившихъ побѣды той или другой системѣ, комиссія выражаетъ мнѣніе, что уже сама борьба скриптурографическихъ системъ свидѣтельствуетъ, что стеноографія не есть еще окончательно выра-

ботавшееся искусство или наука и потому самому не можетъ быть предметомъ школьнаго преподаванія. Однако, несмотря на это авторы заключеніе комиссіи рѣшили подробно разсмотрѣть вопросъ: „соответствуетъ ли преподаваніе стеноографіи педагогическимъ цѣлямъ и интересамъ среднихъ учебникъ заведений?“¹. Главный доводъ комиссіи, побуждавший ей прийти къ отрицательному от带给у, заключался въ томъ, что подобность стеноографіи съ экономической точки зоркія еще не можетъ быть основаниемъ для приведенія въ область духовной, такъ какъ письмо только въ узкихъ случаяхъ (нар. при спикеріи) выводится до простаго механическаго дѣянія; общую и бесспорную потребность, по мнѣнію комиссіи, стеноографія бываетъ бы лишь въ ganzemъ случаѣ, еслибы она представляла улучшеніе обыкновеннаго способа письма и по отношенію къ внутреннему, духовному его характеру. Между тѣмъ стеноографія представляетъ искаленіе истиннаго принципа письма, обращаясь къ письму слоговому или даже фигурализованому, болѣею ухудша это искаленіе какъ въ системѣ Шильце, такъ и въ системѣ Габельбергерса. Вообще комиссія констатила, что обѣ скриптурографическихъ системъ, жаждущія получить доступъ въ школу, способны только сущестовать чутко изысканіи и противодѣйствовать грамматическому обученію. Бригадъ того комиссія излагаетъ тѣ типы, которые были высказаны уже въ 1862 г., и, переходя изъ аргументу полемъ, находятъ, что приложимость и необходимость скриптурографического искусства въ жизни, будто бы, весьма ограничены: для обикновенныхъ случаевъ, когда требуется скоропись, весьма достаточны и тѣ сокращенія, которыя каждъ изобрѣтѣсть самъ для себя, и для записыванія публичныхъ преній юстагочнѣ и скриптурѣ по профессіи. Наконецъ комиссія рѣшительно высказавшись противъ введенія стеноографіи въ школу, какъ необязательнаго предмета: если вообще налицо новый неизбѣжный предметъ нарушающій единство и раздѣлѣющій школьніе гисциплины, то особенно это относится къ стеноографіи, которая установила бы между учениками различныи степени уровня и притомъ по отношенію къ одной изъ главныхъ основъ и средствъ всякаго обучения, именно письму.

Въ концѣ концовъ, признавая заслуги скриптурографіи къ пользу для изѣстнѣихъ пѣлей, комиссія рѣшила предложить, позадѣ мотивированнаго перехода къ отчредиціи дѣланъ, оставивъ въ подданіи птиціи безъ послѣдователій.

Въ настоящее время скриптурографія преподается въ качествѣ необязательнаго предмета въ высшихъ классахъ средніхъ учебныхъ заво-

левій Баварії, Саксонії и Австрії^{*)}). Во всіхъ трехъ государствахъ пропагата для преподавания стенографии Габельсбергера. Въ Баварії, отечествѣ Габельсбергера, стенография производится въ учебныхъ заведеніяхъ съ 1854—55 учебного года; приблизительно ученикамъ стеноографии воспрещено въ тѣхъ письменныхъ работахъ изъ какого либо предмета, которыми подлежатъ контроль учителя. Въ королевствѣ Саксоніи стеноографія известна въ средніхъ учебныхъ заведеніяхъ съ 1873 г. Краткъ курсъ также существуетъ съ 1895 г. особое официальное учрежденіе для стеноографии Королевский Дрезденскій Стеноографический Институтъ, деятельность членовъ которого заключается въ преподаваніи стеноографіи, написаніи преній линіата и видѣтъ (шестѣ натяжущаго испытания) способность за право быть учителемъ стеноографіи. Въ военно-инженерныхъ учрежденияхъ Австріи стеноографія предана даже какъ обязательный предметъ. У насъ въ Россіи, какъ мы уже знаемъ, были създѣны алии посудачія попытки преподаванія стеноографіи въ гимназіяхъ, начиная съ 4-го класса.

Правильнѣо разрѣшить вопросъ о введеніи стеноографіи въ школу можно только при раздѣлении его на два отдельные вопросы, — относительно стеноографіи вообще и относительно стеноографіи совершенствованія. Въ приведенныхъ нами выше изысканіяхъ или два вопроса смыкаются. Если иметь въ виду стеноографію вообще или, лучше сказать, идеальную стеноографію, то вопросъ и не долженъ быть раздѣляемъ никакъ, какъ съ академической точки зрения. Напрасно отыскиваютъ въ стеноографіи особый образовательный элементъ: она есть упрощенное письмо и образовательного значения не можетъ, такъ какъ всякое письмо есть только средство для обозначенія.

Говорить, что приложимость стеноографіи въ жизни ограничена. Это ильниe совершенно ложно: стеноографія должна употребляться не только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется особая быстрота письма, но и вообще при всякихъ письменныхъ работахъ. Въ педагогическомъ отношеніи стеноографія не можетъ принести никакого вреда. Ильниe объ ослаблениіи памяти выѣдствіе употребленія стеноографіи, подкрепляемое привѣромъ каліграфіи, слишкомъ пурпурно, чтобы выражать противъ него; илюгописаніе же легко предотвратить съ помощью общедозволенной школьной дисциплины: скажь только взоротъ,

ученикамъ запрещать, какъ-бы то ни было обманомъ учителя, пройти специальную практику; точно также не трудно наблюсти за тѣмъ, чтобы ученческіе сочиненія отпадались возможной смѣстью изъ-подъ носа. Такимъ образомъ вредъ отъ стеноографіи вообще есть вредъ ильни. Между тѣмъ польза отъ нея въ особенности была бы очевидна для школы. Если-бы стеноографіи вполнѣ запишана общеизвестное письмо, то знатительный вспышки времени у учащихся позволялъ бы расширять область преподаванія.

Другого рода дѣло, если иметь въ виду современную стеноографическую систему,—тогда необходимо согласиться со многими изъ приведенныхъ выше мнѣній. Какъ скоро стеноографія не можетъ замѣнять обыкновенного письма, критически полагая терпѣть почти все слово значеніе, такъ какъ въ самой пользѣ иначеъально ограничивается. Вредъ отъ существующихъ системъ для грамматики и вообще знаній родного языка несомнѣленъ; поэтому-то преподаваніе стеноографіи въ Баварії, Саксоніи и Австріи начинается только изъ высшихъ классовъ учебныхъ заведеній, где знаніе грамматики уже достаточно твердо. Понятно, что можно оспаривать и видѣніе стеноографіи даже въ высшихъ классахъ, потому что осторожность этого болѣе у места прилагалась то имѣло экспериментальныхъ со школями. Мы полагаемъ, что въ настоящемъ время въ папкахъ гимназійской стеноографіи не можетъ присоединяться. У насъ стеноографія еще на стадіи несовершенства, что болѣе всего благороднѣе отложить въ изданіе въ гимназіи, если-бы даже изданіе это пользовалось достаточной необходимостью и если-бы папки ученики, извѣшанные работой болѣше, сколько-нибудь достаціонно времени для изученія стеноографіи; но такой необходимости вовсе нетъ. Какъ ни желательно большее распространеніе стеноографіи въ обществѣ, какъ ни великъ полезъ ея, однако общесобразовательная школа не можетъ принять на себя задачи изданія стеноографіи въ жизни; наоборотъ, стеноографія, хотя бы значительно усовершенствована, можетъ быть выведена изъ школы только тогда, когда въ энциклопедическомъ письме будуть опущаться въ обществѣ члены же потребность, какъ теперь, напр., въ язикѣ иностраннѣхъ языковъ (разумѣется ильни).

Попытка преподаванія стеноографіи въ папкахъ гимназій не удалась вслѣдствіе лекции постановки сажаго преподаванія, которое должно было имѣть „преимущественное цѣлью приготовленію публичнѣхъ присяжныхъ стеноографіи“; — общеобразовательному учебному заведенію хотели давать неприконтактную ему задачу — обученіе

^{*)} См.: „Jahrbuch der Schule Gabelsbergers“ за 1880 г.

специальному ремеслу, требующему большого труда и времени. Если бы цѣлью преподавания было письмо, то, можетъ быть, оно и избѣгло бы изъ-
которыхъ учѣбъхъ; ученіи могли бы тогда и не изучать всѣхъ сокра-
щений и не добиваться особой скорости.

Что касается до распросрещенія стеноаграфіи, столь необходимаго для ея собственнаго развитія, то оно можетъ быть достигнуто возобновленіемъ беззатратныхъ стеноаграфическихъ курсовъ и образованіемъ стеноаграфическихъ обществъ, по примеру Германіи. Тамъ система Га-
бельбергера, пир., представлена изъ себя обширную федерациіи —
„Всебійшій швейцарскій союзъ стеноаграфовъ“⁴, развѣтвленіемъ втораго прости-
разгода и подострію и Швейцарію. Отдельные и ружжіе и общества дѣятель-
но заботятся о распространеніи системы Габельбергера. Подобная же
организація, хотя и не предполагающая столько единства, существуетъ въ
между промеженіемъ системъ Штольце. Правда, пропаганда стено-
аграфіи въ Германіи является довольно узкой, потому что ведется въ
интересахъ той или другой націи, той или другой системы, однако
и она приноситъ большую пользу дѣлу стеноаграфіи, такъ какъ во
всемъ случаѣ съ послѣдней знакомится большое число лѣкарь, кото-
рыхъ ничто не удерживаетъ отдаваться широкому избраннымъ системамъ.
Ческимъ часто въ Германіи появляются новые разработки стеноаграфіи,
и некоторые изъ нихъ не исчезаютъ тотчасъ же по рожденіи на свѣтѣ,
но приобрѣтаютъ послѣдователей и продолжаютъ существовать, радиъ
столпниковъ своихъ спонсорами.

Въ виду важнаго значенія стеноаграфіи вообще, какъ удешевленію
письма, было бы весьма желательно правительству и чѣмъ, направ-
леннымъ къ ея развитію. Официальная поддержка, оказываемая стено-
аграфическимъ обществамъ, была-бы одной изъ лучшихъ кѣмъ къ распро-
страненію стеноаграфіи въ Россіи на первыхъ порахъ. Независимо отъ
того, было-бы возможъ вѣлѣобращающіе устройство промеженіи кон-
курсовъ для составленія и разработки стеноаграфическихъ системъ.
Вопросъ о стеноаграфіи не можетъ быть разрѣщенъ и другъ; бѣль
или менѣе значительные промежутки между конкурсами необходимы
для практическаго испытанія въсїхъ появляющихся системъ. Конкур-
сы должны устраиваться тѣ самыи широкими начальниками, съ школы-
ми преміями, большими и малыми, какъ для изобрѣтателей сако-
столпленныхъ стеноаграфическихъ системъ, такъ и для усовершенствова-
ній ихъ системахъ, уже существующихъ. Для образования-же практи-
ческихъ стеноаграфовъ, если когда-нибудь необходимо будетъ большо-
е число ихъ, этого лучше устроить особое учредженіе, такъ какъ

специальный курсъ стеноаграфіи не слѣдуетъ преподавать всѣмъ желаю-
щимъ.

Существуетъ мнѣніе, что стеноаграфія должна уже въ высшей точкѣ
своего развитія и что дальнѣйшее усовершенствование еї невозможно-
го. Такое же мнѣніе существовало и прежде (Годфруа), — однако си-
гременныи стеноаграфическихъ системы стоятъ цессионно выше преж-
нихъ, какъ съ научной, такъ и съ технической стороны. Числовъ-
сій тѣкъ никогда не останавливается на пути усовершенствованій.
Если бы въ стеноаграфіи была достигнута такая скорость, которая не
остановила-бы желать ничего лучшаго для записыванія за говори-
тии, — человѣкъ стремился-бы придать письму скорость мысли (см. слова
Годфруа на стр. 22) Быть можетъ, художнику и будущему механи-
ческимъ приспособленіямъ придется на помощь стеноаграфіи, и тогда мы
достигнемъ такой быстроты письма, которая теперь показалась-бы
невѣроятной. Вообще стеноаграфія должна и будетъ совершенствова-
ться до тѣхъ поръ, пока ускѣхъ знаній не достичь истигнуть са-
мое письмо, замѣнивъ движение пера или карандаша изъ бумаги дру-
гимъ, болѣе удобнымъ способомъ для запечатленія папіихъ словъ и
мыслей.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

Литература русской стеноографии.

При составлении пособийшихъ также списковъ сочинений и статей, касающихся русской стеноографии, мы пользовались главныхъ образцомъ библиографическими трудами В. И. Межова; искательные указания мы общали лично г. Межову. Кроме того мы руководствовались списками, помещенными въ „Стеноографической хрестоматии“ г. Даусского и въ сочинении проф. Цейбиха „Geschichte und Literatur der Geschwind-schreibkunst“. Мы не можемъ претендовать на совершенную полноту нашихъ указаний, пособие г. Даусскому, который толькъ списку названіе „полного“, однѣко можемъ сказать, что приложили всѣ усилия къ тому, чтобы сдѣлать ихъ возможно полнымъ. Въ первый членъ нашихъ списковъ вошли отдельно изданія сочинений по стено-графии, расположенные по системамъ; сюда по преимуществу относятся учебники. Второй списокъ содержитъ названія тѣхъ статей въ замѣткахъ, которые были помѣщены въ периодическихъ и другихъ изданіяхъ; некоторые изъ такихъ статей имели шосайствіи отдельными брошюрами, что и указано нами въ заглавіяхъ случаевъ. Нѣть сомнѣ-ния, что именно второй нашъ списокъ далеко не полонъ, такъ какъ мы не могли пользоваться каким-либо общимъ указателемъ во всѣхъ периодическихъ изданіяхъ, ибо до сихъ поръ подобныхъ указателей у насъ неѣть. Библиографическая замѣтка и рецензія о стеноографи-ческихъ сочиненіяхъ указаны нами (халкимъ шрифтомъ) въ первомъ спискѣ предварительно за сочиненіями, къ которымъ они относятся, практикъ рецензіи отъ бывшаго буквой Р. Передъ тѣми заглавіями, повторныхъ намъ не удалось проверить, поставлены извѣдочки въ промѣ-тото же скобахъ — имя автора, у второгоаго замѣтко замѣнивши.

Что касается до афики стеноографическихъ сочинений, то въ себѣ вѣдь цѣль наработки. Надѣя приходилось говорить о различныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ при обзорѣ отдельныхъ стеноографическихъ системъ и въ историческомъ отерѣ; въ скобахъ послѣ многихъ заглавій указаны страницы нашей книги, на которыхъ упоминаются эти заглавія. Многія всѣхъ статьи, претезавали перепечатку изъ учебника по стеноографии, не имѣютъ никакого значенія, но мы не сочли себѣ зорѣй исключить ихъ изъ нашихъ списковъ.

Пріобрѣтеніе стеноографическихъ сочинений на русскомъ языкѣ въ настоящее время довольно затруднительно. Многія изданія совершенно распроданы, но въ вѣбѣшія изданія можно досѣать далеко не въ каждомъ книжномъ магазинѣ; малый спросъ на книги этого рода заставляетъ контородавцовъ присебрѣгти ихъ. Въ книжныхъ мага-зинахъ, даир., только случайно можно найти какое либо рукоуди-ство стеноографіи по системамъ Штольде и Габельсбергера; гораздо болѣе удача можетъ быть у такъ называемыхъ библиотекъ, т. е. горничницъ старину контами.

1. ОТДѢЛЬНЫЕ ИЗДАНІЯ ПО СТЕНОГРАФІИ.

А. Равнічныя системы.

1. * Тахографія или способъ краткозписаній, по которому почти столь-же скоро можно писать, какъ говорить, соч. Францемъ Ари. Москва 1792. (Сокращ. № 11723).

2. Окуграфіе гнѣзъ по mѣthode simple et facile pour écrire le russe aussi vite que la parole. Par le professeur Гюдгроу А. Москв, de l'imprimerie de Platон Beketow, 1806. 18². 15 стр. и 2 табл. *

3. Россійское членіе и склонісаніе или вѣрный способъ учить читать по русски, съ присовокупленіемъ простой и легкой методы писать на семь языка столь-же скоро, какъ и произносить слово. Твореніе профессора Годфруа, изобрѣтателя методической французской окнографіи (склонісанія), членъ разныхъ парижскихъ ученыхъ обществъ, и воспитателя дѣтей Николая Сергеевича Тухачевскаго. М. 1809. 8². 196 стр. и 17 табл. Ц. 5 р. асс. (См. стр. 20—25).

4. Графотракія или искусство склонісанія. Сочиненіе г. Астѣ. Переизданное и примѣненное къ русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ. Соб. 1820 к^п IV—XX | 55 стр. и 7 табл. Ц. 10 р. асс. (См. стр. 26—28).

* Въ библиотекѣ, которую мы издали въ библиотекѣ Академіи Наукъ, уже не вѣдь времена, когда первые листы первой книги были съ печати, представляемого практикъ изложеніе по ерзакицкому въ системѣ Годфруа (приведены на русскомъ языке). Несколько отличій по избѣгъ и правилъ сравнительно съ последующими обработками 1809 г. не суть велики.

6. Стенографія или искусство писать такъ же скоро, какъ говорятъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ. М. 1844. 8°. 72 стр. и 3 табл. Ц. 1 р. 50 к. (см. стр. 29).

6. Стенографическая азбука или первоначальное руководство къ изученію искусства такъ же скоро писать, какъ и говорить, по методу основанной на изображении буквъ точками и чертами. Издание. С. И. К. М. 1848. 8° 7 стр. и 5 табл. (См. стр. 29).

7. Основы русской стено-графіи, составленыи Н. Кореневскимъ. Спб. 1865. 16° 8 стр. Ц. 30 к. (См. стр. 35).

8. * Практическое изложение русской стено-графіи. Феликс Сакса. М. 1865. 4°. XXXII+66 стр. (Zeitung).

9. * Русская стено-графія. Составилъ А. Иванинъ. Спб. 1869. (Другой, Zeitung).

10. Теорія русской стено-графіи. Составилъ Н. Шутининъ. Спб. 1874. 8° VIII+3 стр. и 5 табл. Ц. 40 к. (См. стр. 14).

В. Система Иванина.

1. О стено-графіи или искусстве скорописи и приёмовъ ея къ русскому языку. М. Иванинъ. Спб. 1858. 8° 35 стр. и 2 листа чертежей. Ц. 50 к. (См. стр. 30 и 47).

«Современникъ» 1858 г. т. 70, отд. практики и библиогр. стр. 68—73.

«Wissenschaftliche Beilage zur Leipziger Zeitung» 1860. № 80. Р.

«Сотрудничество для Кgl. Stenograph. Instituta zu Bremen», 1868, стр. 17 Р.

«Современникъ» 1861 г. № 23.

2. «Рабочий Путь» былъ (разъяснительный стено-графический) А. Н. Артоболевскаго. Спб. 1865. 16°. 22 стр. Ц. 1 р. (литограф., заглавие написано стено-графическимъ).

3. Русская стено-графія или скоропись для глазного сухопроизводства и учебныхъ заведений. Г.-М. Иванинъ. Спб. 1866. Изд. товар. „Общественное пользы“. 8°. 16 стр. и 16 табл. Тоже издание въ другой обложкѣ: „Русская стено-графія или руководство къ изученію скорописи. Г.-Л. Иванинъ. Спб. 1867 г.“ Ц. 75 к. (см. стр. 37).

4. „Самоучитель стено-графіи“. Стено-графическая ежемесячная газета. Ред.-изд. А. Н. Артоболевскаго. Подписная цѣна за годъ 4 р. 50 к. 1866—67. 25 №№. Литограф. (стено-граф. и обыкн. буквами). Форматъ и размѣръ — листъ обыкновенной писчей бумаги (см. стр. 37).

В. Система Шевлякова.

1. Стено-графическая пропись по системѣ Шевлякова, составленная преподавателемъ стено-графіи А. Глуске и А. Шевляковымъ. М. 1866. 4° (форматъ тетради). 19 табл. (литограф.) Ц. 1 р. 50 к. (См. стр. 43 и 56).

2. Стено-графія, составленная преподавателемъ стено-графіи А. Брайковскаго и М. Прокудасинъ. По системѣ А. Брайковскаго. М. 1868. 4° (форматъ тетради). 11 табл. (литограф.) (См. стр. 42).

3. Школа русской стено-графіи. А. А. Брайковскаго, преподавателя стено-графіи при училищѣ распространенныхъ техническихъ знаний. М. 1871. 16° 55 стр. и 11 табл. Ц. 1 р. (См. стр. 43 и 60).

4. * Лекціи о стено-графіи, читанные проф. стено-графіи Алекс. Андреев. Брайковскаго. М. 1872. Литограф. (Другой).

Г. Система Габельбергера.

а) Приложения Ольхина.

1. * Справочные листы для изучающихъ быстропись. П. Ольхина. Спб. 1865. (Ольхинъ).

2. Два размѣса. Упражнение изъ чтенія для изучающихъ быстропись Павла Ольхина въ курсахъ 1865—66 г. 8° 38 табл. Литограф. (заглавие написано только стено-граф. буквами).

3. Руководство къ русской стено-графіи по начальству Габельбергера, публично преподаваемой по порученію М-ва Нар. Просв. Составилъ П. Ольхинъ. Спб. 1866. 8° V+97 стр. и 47 табл. Ц. 1 р. 50 к. (см. стр. 61 и 62).

4. Руководство къ русской стено-графіи по начальству Габельбергера. Составилъ П. Ольхинъ. Второе передѣланное и дополненное издание. Спб. 1869. 8° 37 стр. и 19 табл. Ц. 75 к.

5. Самоучитель стено-графіи. Издание И. Новикова, учителя каллиграфіи и рисования изъ гимназій. Спб. 1871. 8° (литограф.). 25 стр. (литограф.). Ц. 30 к. (составлено по руководству Ольхина).

6. Руководство къ русской стено-графіи по начальству Габельбергера. Составилъ П. Ольхинъ. Третье передѣланное и дополненное издание. Спб. 1874. 8° 85 стр. и 19 табл.

б) Применение Цейбиха и Торнау.

1. Русская стенохрафия. Д-р Юхус Цейбихъ и бар. Н. Торнау. Дрезденъ. 1863. 8° 23 стр. (см. стр. 34 и 61).

2. Русская стенохрафия. Д-р Юхус Цейбихъ и бар. Н. Торнау. Второе дополненное издание. Дрезденъ. 1864. 4° XIII+42 стр. и 42 табл. Ц. 1 р. 50 к. (см. стр. 34 и 61).

«Русский Извесникъ» 1864 г. № 241.

«Славянка Печати» 1864 г. № 276. Р.

3. Четыре о стенохрафии барона Торнау по системѣ Габельсбергера. Слб. 1867. 8° XVI+168 стр. и 50 табл. Ц. 1 р. 75 к. (см. стр. 61 и 62).

4. Стенохрафическая азбука по системѣ Габельсбергера. И. А. Устинова. Харьковъ. 1868. Folio. Ц. 20 к.

5. Стенохрафические таблицы къ теоретически—практическимъ лекціямъ стенохрафии, читавшимъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университете преподавателемъ стенохрафии И. Устиновимъ по системѣ Габельсбергера, привнесенной къ русскому языку бар. Торнау и проф. Цейбихомъ. Курсы 1868 г. Харьковъ. 1868. 6 табл. (литогр.)

6. Руководство къ практическому изучению русской стенохрафии по системѣ Габельсбергера, привнесенной къ русскому языку проф. Цейбихомъ и бар. Торнау. Составилъ И. Устиновъ. Харьковъ. 1869 8°. III+94 стр. и 37 табл. Ц. 1 р. 25 к. (см. стр. 62).

7. «Стенохрафический Листокъ». Ежемѣсячное издание, посвященное исключительно искусству склонения. Ред.-изд. И. А. Устиновъ. Подпись на цѣнѣ 3 р. въ годъ безъ пересылки. Харьковъ. 4°. Съ юна 1870 г. по февраль 1872 г. Съ 5 № 1871 г. гравированъ, а до того литографир. (параллельно обыкновеннѣй и стенохрафич. транскрипціи по системѣ Габельсбергера) (см. стр. 48.)

8. Стенохрафическая практика въ чтеніи и письме по системѣ Габельсбергера, привнесенной къ русскому языку проф. Ю. Цейбихомъ и бар. Н. Е. Торнау. Составилъ И. Устиновъ. Харьковъ. 1871-8°. II+80 стр. и 47 табл. Ц. 1 руб. 50 к. (родь стенохрафической хрестоматіи, — различная статья для чтенія съ печатицъ переведены).

9. Руководство къ изучению стенохрафии въ 20 уровняхъ безъ помощы учителя. Система Габельсбергера. По практическимъ сенатора бар. Н. Е. Торнау и проф. Цейбиха составилъ практический стенохрафъ О. Тениковъ. Одесса. 1872. IV+38 стр. и 32 табл. 12°. Ц. 1 р.

То же издание, но въ новой обложкѣ и съ новыми приставками выпущено позже видомъ 3-го издания съ съдѣующими заглавіями:

10. Упрощенное руководство къ изученію стенохрафии безъ помощы учителя. Система Габельсбергера. По практическимъ сенатора бар. Н. Е. Торнау и проф. Ю. Цейбиха составилъ практический стенохрафъ О. Тениковъ. Издание второе. Одесса. 1873. Ц. 50 к.

«Одесский Вестникъ» 1873 г. № 170.

в) Различные практиканія.

1. Kurze Anleitung zur Steno-Tachygraphie für die vier Slavischen Hauptsprachen, als: die böhmische, polnische, illirische und russische mit deutscher Übersetzung nach eigenem, ausführlichen Systeme der Čechoslavischen Steno-graphie von Ign. Jac. Negeg. Wien. 1849. 8°. 30 стр. Печатано параллельно на чешскомъ и чешскомъ изъ Чешское заглавіе:

Kratké návodení k česko-běloruské pro štuhy vlastní Slovanské jazyků..., verbal Пурек Якоб Негег. Ве Відн. 1849. (см. стр. 29.)

2. Стенохрафическая азбука по системѣ Габельсбергера. Составилъ профессоръ Розенфельдъ. Одесса. 1870.

«Стенохрафическая Листокъ» 1870 г. № 2.

3. Стенохрафическая азбука. Одесса. 1870.

«Стенохрафическая Листокъ» 1870 г. № 3.

Д. Система Штольце.

1. Русская хрестоматія или стенохрафия, разработанная по начальнику Штольце. Составили И. Паульсонъ и Я. Мессеръ. Слб. 1864. 8°. XV+53+XXXII стр. и 32 табл. Ц. 1 р. 50 к.

«Русский Извесникъ» 1864 г. № 241.

«Славянка Печати» 1864 г. № 276. Р.

«Archiv für Steno-graphie» 1865 г. № X 193 и 194. Р.

2. Русская хрестоматія или стенохрафия по начальнику Штольце. Составили И. Паульсонъ и Я. Мессеръ. Издание второе, исправленное и дополненное. Слб. 1868. 8°. XVIII+129+XXXI+40 стр. и 36 табл. Ц. 1 р. 50 к. (см. стр. 86).

3. Практическое руководство къ изучению русской стенохрафии по начальнику Штольце, изложенное въ строго-постепенныхъ упражненіяхъ. (И. Паульсона и Я. Мессера). Часть I: Стенохрафическая таблицы. Берлинъ. 1868. 8°. 80 табл. Часть II: Ключъ къ таблицамъ. Слб. 1868. 8°. VII+88 стр. Ц. 50 к. за обѣ части. (См. стр. 86).

4. Специальные значки для стено графирующихъ въ судахъ. Практическое руководство по системѣ Штольце. Берлинъ. 1869. 8°. 8 стр. Ц. 15 к. (издано И. Паульсономъ и Я. Мессеромъ).

5. Практическое руководство къ изученію русской стено графіи по начальнику Штольце, изложеніе въ строго-постепенныхъ упражненіяхъ (И. Паульсона и Я. Мессера). Издание второе. Часть I: Стено графическая таблицы. Берлинъ. 1872. 8°. 80 табл. Часть II: Ключъ къ таблицамъ. Слб. 1872. 8°. VI+90 стр. Ц. 80 к. за обѣ части.

6. Русская стено графическая хрестоматія. Пособіе при изученіи кратко письма по системѣ Штольце, приложеній къ русскому языку И. Паульсономъ и Я. Мессеромъ. Съ приложениемъ 65 заданій, многихъ вопросовъ, замѣчаній и дополненій. Составилъ С. Длусский, ординарный членъ центрального стено графического общества въ Берлинѣ. Слб. 1874. 8°. Часть I: Стено графическая таблицы. 88 табл. Часть II: Ключъ къ таблицамъ. XI—136 стр. Ц. 1 р. 50 к.

7. Чѣто такое стено графія? Значеніе еи въ историческомъ, общественномъ и педагогическомъ отношеніяхъ съ изложеніемъ основъ Штольцевой кратко письмы, привѣщеніемъ къ русскому языку. Составилъ С. Длусский, орд. членъ центральнаго стено граф. общества въ Берлинѣ. Съ двумя таблицами. Слб. 1874. 8°. 29 стр. Ц. 50 к. (Дозволено безвѣтная брошюра съ содержаніемъ, мало соответствующимъ грамматику: часты слабое понятіе только обѣ одной системѣ Штольце).

8. Практический курсъ русской кратко письмы или стено графіи по системѣ В. Штольце, приложеній къ русскому языку И. Паульсономъ и Я. Мессеромъ. Составилъ С. Длусский, орд. членъ центр. стено гр. общ. въ Берлинѣ. Слб. 1874. 8°. II+44 стр. и 58 табл. (Приложение къ журналу „Семья и школа“).

9. Теорія русской стено графіи по системѣ Штольце. Составилъ Плахотъ. Слб. 1874. 32°. 60 стр. (литограф.). Ц. 15 к. (составлено по руководству гг. Паульсона и Мессера).

10. Самоучитель русской стено графіи. Практическое руководство къ изученію искусства писать также скоро какъ говорить въ 25 уроковъ, безъ помощи учителя. Система В. Штольце. Для употребленія въ учебникахъ заведеніяхъ составилъ С. Длусский. Съ приложениемъ XXXVII таблицъ, гравированного на камнѣ въ два тона портрета и биографій изобрѣтателей этой системы. Кіевъ. 1875. 12°. 74 стр. и 37 табл. Ц. 1 р. 60 к. (Книга издана весьма аккуратно, но цена довольно высока). (См. стр. 98 и 101).

11. Стено графическая пропись. Необходимое пособіе къ скорому и легкому изученію кратко письма по системѣ Штольце, привѣщеній къ русскому языку И. Паульсономъ и Я. Мессеромъ. Дополненіе къ руководству „Самоучителю русской стено графіи“ С. Длусского. Кіевъ 1876. 8°. 32 стр., автограф. (Ни къ чему непригодное и довольно граffitiе издание).

12. Русский стено графический альманахъ за 1876 годъ. Сборникъ указаний, необходимыхъ для каждого занимающагося стено графіей. Составилъ С. Длусский. Кіевъ. 1876. 32°. 90 стр. (печатн. и литограф.). Ц. 50 к.

13. „Морозъ—красный носъ“, поэма Н. Пекрасова. Для чтенія стено графического письма по системѣ Штольце. Стено графированъ Фрітцманъ. Издание и редакція А. Арамова. Кіевъ. 1879. 16°. 32 стр. Ц. 40 к.

Е. Система Терне.

1. Учебникъ русской кратко письмы или стено графіи, самостоятельно разработанной по слуховому началу (безъ звуковъ) М. А. Терне преподавателемъ въ учрежденіяхъ Министерства Народного Просвѣщенія стено графическихъ курсахъ, съ 20 таблицами. Слб. 1874. 8°. 63 стр. и 20 табл. Ц. 80 к. (См. стр. 44 и 101).

„С.-Петербургскія Ведомости“ 1871 г. № 385.
Тамъ 1870 г. № 68. Рецензія В. Соловьева.

2. Стено-фотографическое письмо—И. Цилимерманна. Оъ з-за аудио-фонографированныхъ картій. Слб. 1879. 8°. XI—66 стр. и 2 литограф. листа Ц. 1 р. 50 к. (См. стр. 46 и 120).

„Голосъ“ 1879 г. № 151.
„Русская Правда“ 1879 г. № 55.
„Наукогідскій Музей“ 1879 г. № 6. Стр. 512—516. Р.

3. Учебникъ русского слухового письма (стено графія безъ звуковъ), самостоятельно разработанного М. А. Терне, преподавателемъ слухового письма, съ 15 таблицами. Второе изданіе, словъ пересмотрѣнное и передѣланное. Слб. 1879. 8°. 59 стр. и 15 табл. Ц. 1 р. (См. стр. 46 и 101).

„С.-Петербургскія Ведомости“ 1879 г. № 243.
„Русская Правда“ 1879 г. № 142; также памятка переведенная изъ „Новостей Времени“ 1879 г. № 1283.

2. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ВЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИЗДАНИЯХЪ.

1. „Московскія Вѣдомости“ 1824 г., № 94, стр. 3177—3178. Библиографическая заметка о стеноографии сочинений Гроссолена.
2. „Московскій Вѣстникъ“ 1827 г., № 1, стр. 73—75. „Изобрѣтие о новой методѣ стеноографии“ (изобрѣт. Фриманомъ). Съ чертежами.
3. „Сынъ народа“ 1541 г., № 236. „Письмо къ издателю бар. М. Корфа (см. стр. 26).
4. „Библиотека техническихъ и промышленныхъ произведенияў“. Изд. товар. „Общ. Польза“. Слб. 1861. Часть II, стр. 1—17—„Изобрѣтие стеноографии“.
5. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1862 г., № 112. „Голосъ въ пользу стеноографии“ М. Гусева.
6. „Учителъ“ 1862 г. „По вопросу объ орфографии и стеноографии“—два письма А. Шевелевова: № 18, стр. 943—944 и № 23, стр. 1184—1186. (См. стр. 34 и 36).
7. „Голосъ“ 1863 г. № 164. „Новѣшіе ученыхъ стеноографіи“ М. Стасоловича; перепечатано изъ „Журн. М-ва Нар. Просв.“ ч. 119, отд. VI, стр. 30—34; издано въ отдельной брошюре (см. стр. 35).
8. Тоже № 246. „Замѣтки о стеноографіи“ М. ф. Б. (М. ф. Брадке), письмо изъ Дрездена; также „Журн. М-ва Нар. Просв.“ ч. 119, отд. VI, стр. 152—154, подъ заглавиемъ „О стеноографіи въ Германіи“ (см. стр. 35).
9. Тоже № 265. „Еще о стеноографіи“ М. ф. Б. (М. ф. Брайзе).
10. „Журн. М-ва Нар. Просв.“ 1863 г., ч. 119, отд. VI, стр. 106—110. „Мѣкіе прусскихъ школьнійъ чистей о преподаваніи стеноографіи въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ (изъ „Centralblatt f. die gesamte Unterrichtsverwaltung in Preußen“). (См. стр. 123).
11. „Фельдъралъ Пчела“ 1863 г., № 233. Передовая статья о стеноографии и образованіи стеноографовъ.
12. „Брокгаузовский Вѣстникъ“ 1863 г. № 141. „Лекции стеноографии или сокращенного письма“ (краткая заметка).
13. „Учителъ“ 1863 г. № 7, стр. 381. „Стеноография — учебный предметъ“, заметка Л. Рѣдклифа (извѣстіе о подачѣ погоний въ прусскую школу линутаго относительно введенія стеноографіи въ число учебныхъ предметовъ).
14. „Учителъ“ 1863 г. „Материалы для будущей русской стеноографии“.

Ветховицкіе стр. 173.

Стеноографія у крѣпостяхъ, въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Австріи, системѣ Телеграфа, фенографіи Питкана, система Прено—статьи В. И. Соколова (стр. 174—161, 216—224, 270—273, 372—380, 438—439, 562—563, 652—657, 721—726, 766—770).

„Нѣколько словъ оъ редакціи“ стр. 1027—1031 (по поводу статьи Стасоловича и Бродке, см. стр. 35).

„Нѣкоторые схемы описаній системъ“ д-ра Рѣдклифа: статья Гейльбергера стр. 1024—1106 и 1144—1149, система Штольца стр. 1196—1306.

Безъ переписанныхъ статей журнала „Учителъ“ принадлежащихъ къ издаваемымъ въ книжномъ видѣ, о стеноографіи не речется въ книжкѣ.

15. „Журн. М-ва Пароди. Просв.“ 1864 г., мартъ, ч. 121, отд. I, стр. 84—87 и 89—90. Вспомина изъ журнала соцѣтія инженера народного просвещенія (о мѣркахъ по позднѣю обученію стеноографіи въ учебныхъ заведеніяхъ). Тоже: „Сборникъ распоряженій по М-ву Нар. Просв.“ 1867 г., т. III, стр. 625—629 (но безъ проекта обѣюденія о выдачѣ по стеноографіи). (См. стр. 32).

16. „Народное образование“ 1864 г. № 13. „Замѣтки объ изученіи стеноографіи (по поводу обильскія г. Росс)“ В. А. Ласавича.

17. Тоже № 28. „Конкурсъ на сочиненіе о русской стеноографіи (офиціальность обильскія); см. также „Учителъ“ 1864 г. № 3.

18. Тоже № 138. „О преподаваніи стеноографіи въ училищѣ военнаго вѣдохства“ А. Н. Артоболевскаго. (См. стр. 36).

19. „Голосъ“ 1864 г. № 314. „О преподаваніи стеноографіи въ С.-Петербургскому училищу военнаго вѣдохства“ А. Н. Артоболевскаго (продолженіе предыдущ.). (См. стр. 36).

20. Тоже № 318.—Замѣтка ѹѣ открытии публичного курса стеноографіи Артоболевскаго.

21. „Учителъ“ 1864 г. № 16, стр. 614—615. „Замѣтка для составителей русской стеноографической системы“ Н.-Да.

22. „Военный Сборникъ“ 1864 г. № 2, стр. 225—227 (Собр. обозрѣйш). „Замѣтки о стеноографіи“ (о системѣ Иванова).

23. „Сборникъ доставляемый по М-ву Нар. Просв.“ 1865 г., т. III, съѣзжаніе 1071—1073. „Октябрь 3 1863 г. О заседаніи обучения стеноографіи въ учебныхъ заведеніяхъ М-ва Нар. Просв.“ (См. стр. 32).

24. „Beitrage zur Geschichte und Statistik der Gelehrten und Schulanstalten des Kaiserl. Russischen Ministeriums der Volksschulbildung nach offiziellen Quellen bearbeitet von C. Woldemar“. Слб. 1865, 2-я часть, стр. 71—72. „Massregeln zur Einführung des stenographischen Unterrichts“ (См. стр. 32).

25. „Журналъ М-ва Юстиції“ 1865 г., юль, „Свѣдѣнія о ходѣ работъ по введенію въ дѣйствіе судебнай реформы“. Междугу прочимъ на стр. 207—209 о зѣракъ для приготовленія стенографовъ (см. стр. 30 и 38).

26. „Сберграу Почта“, газета М-ва Внутр. Дѣлъ 1865 г. № 146, 7 іюля, „Отъ комиссіи, учрежденной при М-вѣ Пар. Просьба по дѣлу о введеніи въ учебникахъ заведеніяхъ вѣдомства сего М-ва преподаванія русской стеноографіи“. Там же „Учитель“ 1865 г. № 13—14, стр. 527—528. (См. стр. 33).

27. „Голосъ“ 1865 г. № 46 „Стеноографія въ Россіи. Слово въ пользу и Габельсбергеровской стеноографіи“ бар. П. Торнау. Издание и отдельной брошюрою, 16°, 31 стр. (математическая статья противъ системы Штоллеца).

28. „Виджемъ Вѣдомости“ 1865 г. № 38. „Стеноографія“.

29. „Московскія Вѣдомости“ 1865 г. № 92. „Стеноографія въ Москве“ Н. Павловскаго (исбоянна замѣтка относительно прѣда въ Москву Артоболевскаго).

30. „Петербургскій Листокъ“ 1865 г. № 182. „Наша русская анатомія“ А. Эрнѣ (статья въ защиту Артоболевскаго и системы Иванова).

31. „Журналъ М-ва Пар. Просьба“ 1866 г., часть 130, отд. I, стр. 33. „Объ открытии въ Сиб. безплатныхъ курсовъ стеноографіи“. (См. стр. 39).

32. „Судебный Вѣстникъ“, газета М-ва Юстиції 1866 г. № 59.—Открытъ о дѣятельности стеноографовъ (см. стр. 38).

33. „Отечественныи Записки“ 1866 г., т. 166, № 9, стр. 182—203 и т. 168, № 19, стр. 605—614. „Теорія стеноографіи для русскаго языка“ М. Иванова (съ 2-ми таблицами). (См. стр. 37 и 48).

34. Там же т. 168, № 17, стр. 1—6. „Вызывъ на состязаніе (см. стр. 38) Открытъ на конецъ (со стороны 5 стеноографовъ системы Иванова) т. 169, отд. II, стр. 149.

35. * „Московская газета“ 1866 г. №№ 9 и 10. „Замѣтка о стеноографіи“ И. Д-к-новъ (Мезюль).

36. „Петербургскій Листокъ“ 1866 г. № 20. „Стеноографія и руководства къ ней“ Федотова (замѣтка въ пользу системы Иванова).

36. Там же № 86. „Исправленія стеноографіи“ И. Б-ева (contra предыдущ.).

38. „Журналъ М-ва Народн. Просв.“ 1867 г. ч. 183. „Современ-

ная хѣтостъ“ стр. 346—353. „Свѣдѣнія о ходѣ и результатахъ пре-подаванія стеноографіи во 2 и 6 (Сиб. гимназіяхъ“. Там же „Журл. М-ва Юстиції“ 1867 г. апрѣль, стр. 192—200. (См. стр. 39).

39. Там же ч. 136, № 13. „Современная лѣтопись“ стр. 299—314. „О преподаваніи стеноографіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи“ (отчетъ специальнѣй комиссіи прусской нации депутатовъ) изъ „Centralblatt f. die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen“. (См. стр. 123).

40. „Харьковская губернскія Вѣдоности“ 1868 г. №№ 4—5. „Рѣчи производственная 3 ишъ 1868 г. въ Харьковскомъ университѣтѣ бар. Торнау при открытии курса стеноографіи И. А. Устиновимъ“. Съ также „Стеноографическая практикѣ“ Устинова стр. 1—18. Выпущена и отдельной брошюрою. (См. стр. 18).

41. Там же № 112. „Испытаніе стеноографовъ въ Харьковскомъ университѣтѣ“. Издание и отдельно 12°, 11 стр.

42. „Кавказъ“ 1868 г. № 16. „Очеркъ исторіи стеноографіи (письмъ бар. Торнау)“.

43. „Журналъ Харьковскаго губ. земскаго собрания съ 10 по 20 окт. 1868 г.“ Стр. 114—119 и 156—170.—Докладъ Харьковск. губ. земской управы о стеноографахъ. (Zeibig).

44. „Филантропъ“ 1868 г. № 84. „Какая стеноографическая система лучше?“ Вѣрхъ Вахрушевъ (въ защиту системы Иванова).

45. Там же № 146. „О распространеніи стеноографіи по системѣ Иванова“ (изъ Москви и Саратовѣ).

46. Там же № 153. Передовая статья Ф. Стуккіскаго (въ защите стеноографіи Иванова, письмъ национальной). (См. стр. 37).

47. „Журналъ М-ва Пар. Просв.“ 1869 г. ч. 144, іюль, „Соврем. хѣтостъ“ стр. 1—12. „О курсахъ стеноографіи въ Сиб.“: I. Изначеніе изъ отчета о курсахъ стеноографіи по системѣ Штолле за 1867 г. II. Изначеніе изъ отчета комиссіи для сраженія учѣбокъ, до-стигнувшихъ въ обученіи стеноографіи по системамъ Штолле и Габельсбергера. (См. стр. 40 и 41).

48. „Харьковская губ. Вѣдоности“ 1869 г. № 40. „Свѣдѣнія о результатахъ публичного испытания стеноографовъ, бывшаго 6 ишъ.“

49. Там же №№ 105 и 106. „Вступительныи лекція стеноографіи, произведенная 14 сентябрь 1869 г. преподавателемъ стеноографіи И. А. Устиновимъ“. Издание и отдельной брошюрою 12°, 21 стр.

50. „Симбирская губ. Вѣдомости“ 1869 г. № 55. „Несколько словъ о публичномъ пріемѣ стеноографіи“ М. Дроздова.

51. „Самарскій Справочникъ Листокъ“ 1869 г. № 12. „Стенографія (или быстропись)“ А. Куванцкаго.

52. „Сохранилаѧ Лѣтніца“ (Воскресенія прибывающія въ Моск. Вѣд.) 1870 г. № 15. „Стенографическая система Габельбергера“ (краткая заметка по поводу приѣзда въ Москву Устинова).

53. „Русскіе Вѣдомости“ 1872 г. № 205. „Письмо въ редакцію“ А. Шевлякова (по поводу отчета о политехнической выставкѣ въ № 190). (См. стр. 42).

54. „Правительственныи Вѣстникъ“ 1876 г. № 289. „Уставъ Соб. общества стенофаговъ для записыванія устныхъ рѣчей“. Также „Голосъ“ 1876 г. № 338. (См. стр. 43).

55. „Голосъ“ 1876 г. № 68. Хроника: „Новая система русской стенографии“ (изъ обѣдненіе похваленіе системы Тернса).

56. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1876 г. № 70. „Письмо изъ редакціи преподавателя стенографіи полковника Тернса“ (о результатахъ академіи обучавшихъ стенографіи по системамъ Тернса и Габельбергера). (См. стр. 44).

57. Тамъ № 88. „Письмо въ редакцію М. А. Тернса“ (отвѣтъ на рецензію В. Соколова).

58. „Голосъ“ 1879 г. № 34 и „Русская Правда“ № 34. Замѣтки о засѣданіи комитета педагогического музея, на которомъ было выслушано сообщеніе г. Циммерманна.

59. „Киевлянинъ“ 1879 г. № № 63 и 68. „Работники письма“ А. Арачкова (краткая исторія стенографіи въ з. Европѣ и въ Россіи).

60. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1879 г. № 84. Библиографическая заметка о первомъ издании соч. Zeibig's „Geschichte und Literatur der Geschwindschreiberkunst“ — С. Даусекаго.

Въ заключеніе приводимъ нѣсколько заглавій отдельныхъ изданий по стенографіи для русского языка, употребляющихся въ Галиции; заглавія эти заимствованы паки у Цеббиха и Даусекаго.

1. Den Stenografirenden Slaven. Ein Grundriss der polnischen und rathenischen Stenografie. Denkschrift an sämmtliche slavische Vereine, Kranzchen und Lehrer der Stenografie Gabelsberger'scher Schule, Verfasst von Luwin Olewinski. Lemberg, 1865. 30 стр.

2. Die polnisch-rathenische Stenografie an sich und als Grundlage eines allgemeinen slavischen Schriftsystems. Eine Antwort auf die Broschüre „Den Stenografirenden Slaven“. (Herausgegeb. v. 1 Gabelsbergschen-Verein zu Prag). Prag, 1865, 8°. 21 стр.

3. Система стенографіїпольскії і рускії школы Lubina Olewinskiego. Lwów. 1864—1866.

4. Учебникъ стеноографії по системѣ Фр. Іс. Габельбергера, съ примѣчаніемъ до стеноографії польской и ивысской, составленъ при содѣйствіи Р. Юновича и Л. Галицкаго, профессоровъ гимназій и училищъ стеноографії, В. Яворскій, учитель стеноографії при 1-й академіческой гимназіи въ Львовѣ. Львовъ. 1871. 16°. Ш—40 стр. п 45 табл.

Жалюзинъ поспаконицъ съ литературой стеноографії для другого языка отсыпаетъ къ неоднократно упомянутому выше сочиненію Цеббиха.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Александъ I стр. 22.	Джентль 31.
Дорамовъ Л. 137, 142.	Чикенъ 77.
Люра Францъ 21, 131.	Д—ею 140.
Архебольскій А. Н. 36—38, 42, 132.	Дутовскій О. М. 14, 86, 98, 99,
Лесте 25—28, 131.	101, 136, 137, 142.
Бланъ (Blanc) 22.	Дроховътъ М. 141.
Вратке М. ф. 31, 32, 35, 198.	Иванинъ А. 132.
Вразинскій А. А. 42, 60, 133.	Иващенъ М. И. 19, 30, 34, 35,
Брайковскій А. и Прокудинъ	36—38, 47—55, 132, 140.
М. 42, 133.	К—евъ Н. 140.
Вахрушена В. 141.	Борѣць, Зар. М. А. 20, 26—28, 131.
Вольтемаръ (Woldemar C.) 32, 139.	Куванцкий А. 142.
Волько (Волко), проф. 21.	Лессінгъ Н. 139.
Габельбергерь 7, 10, 11, 18, 29,	Межозъ В. И. 130.
32, 33, 34, 35, 38—43, 45, 61—	Мессеръ Я. — см. Наульсонъ и
60, 88, 100, 102, 103, 119, 123,	Мессеръ.
125, 126, 128, 133—135, 139, 141.	Мессеръ О. 32.
Галиций Л. 143.	Модлеръ Максъ 16.
Гегеръ (Heiger Igo Jac.) 29, 135.	Нозиковъ Н. 133.
Геневъ 31.	Олеинскій Л. 142.
Глоскъ А. см. Шевлякова и	Охайнъ Л. 33, 35, 38—41, 61, 62,
Ганске.	66, 71, 73, 74, 78, 79, 81, 82,
Годбрата 20—24, 77, 129, 131.	56, 135.
Грабенштъ 26.	Павскій 87.
Гросекштъ А. 138.	Папоротскій Н. 140.
Гротъ, академикъ 16.	Наульсонъ Л. 35, 39—41, 44, 80.
Гумбольдтъ В. ф. 70.	Наульсонъ І. и Мессеръ Я. 19, 33,
Гусевъ М. 133.	39, 35, 64, 70, 55—103, 135, 136.

- Петровъ 49, 50, 53, 54, 121, 139.
Пищковъ 1 б.
Прошуваевъ М.—см. Брауновскій
и Прокудаевъ.
Пушкинъ А. С. 26.
П—цъ 139.
Пушкінъ Н. 44, 132.
Ретинъ (Rätzsch) 63.
Рейманъ 139.
Розенфельдъ 135.
Рѣхакъ П. 138.
С. И. Е. 29, 132.
Саксъ Ф. 132.
Смирновъ 20.
Соколовъ В. Н. 104, 137, 139.
Соликовъ 20, 21.
Стасилевичъ, проф. 35, 138.
Сударскій Ф. 141.
Сухоруковъ, проф. 35.
Сущевъ, с. с. 31.
Тедеръ (Тайзоръ) 36, 36, 104,
114, 139.
Темниковъ Ф. 43, 44, 62, 134.
Терне М. А. 44—46, 102, 104—
122, 137, 142.
- Торнау бар. Н. Е. 11, 18, 31,
42, 43, 61—85, 100, 134, 140.
Торнау и Цейбихъ 34, 35, 42,
61—85, 134.
Тухачевскій Н. С. 20, 21, 131.
Устиновъ И. А. 37, 42, 43, 62, 68,
69, 77, 79, 81—84, 134, 141.
Федотовъ 140.
Цейбихъ Ю. В., проф. (J. W.
Zeibig) 19, 21, 29, 142.
Цейбихъ и Торнау—см. Торнау в
Цейбихъ.
Циммерманъ Н. 46, 130—122, 137.
Шешниковъ А. 34, 42, 56—60, 135.
Шекспиръ А. и Гавссе А.
133.
Ширнеръ, академикъ 32.
Штольце 7, 8, 33, 35, 39—41,
43, 44, 70, 76, 85—103, 106,
110, 119, 123, 125, 128, 135—
137, 139, 141.
Эрдиньшъ 138.
Фр—нь А. 140.
Кованчикъ Р. 143.
Яворскій В. 143.

ВАЖНЕЙШІЯ ОПЕЧАТИ ^{*)}.

Нанесено:			Должно быть:
Стр.	6 строка 10 спазу	некоторое	некоторое
"	6 "	покупатель	покупаю
"	9 "	звукъ, это	звукъ; это
"	10 "	большомъ	большомъ
"	12 "	состоинъ знаковъ.	состоитъ, знаковъ
"	14 "	по это	но и это
"	20 "	искусствъ	по искусству
"	26 "	петати	въ пчечин
"	28 "	его	съ
"	27 "	знакъ, и	знакъ, иначе и
"	28 "	Годет	Негер
"	29 "	было	использовало
"	32 "	Ф. Бродке	Ф. Бродже
"	120 "	весъ	весомъ

^{*)} См. также изъ названія книги, поэзіи оправления.

АБЛИЦЫ
„Фе зору“
РУССКИХЪ СТЕНОГРАФИЧСКИХЪ СИСТЕМЪ.”

Авторомъ описанія К. Ершевъ.

Литографія Ф. Кильде, Зав. Рисунка и т. д. № 38-2.

Cicadaparia Erythrocephala

A handwritten musical score for a single instrument, likely a harp or zither, consisting of two staves of music with lyrics in Italian and German.

The score is divided into three sections:

- Section 1:** The first section begins with a short melodic line in common time (indicated by a 'C'). The lyrics are in Italian: "a un momento". The key signature changes from C major to A major (indicated by a 'A' with a circle).
- Section 2:** The second section continues with the lyrics "a un momento" and includes a longer melodic line with various rhythmic patterns and rests.
- Section 3:** The third section begins with the lyrics "mentre il mio cuore" and features a more complex harmonic progression with chords indicated above the staff. The lyrics continue with "mentre il mio cuore" followed by "s'è sollevato", "e' salito", "e' salito", and "e' salito".

The music uses a standard staff system with vertical stems for notes, and rests are represented by empty spaces or specific symbols like 'R' and 'X'.

2.
2-6185
maya mala negra y manzanares con el río
1911. (Poblanos) continente
naturales y sus plantas y animales para el uso
de los pueblos que viven en el continente.
1912. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1913. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1914. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1915. (Cerro de la Cebada)

Cronología 1899.

1916-1917. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río

Cronología 1900.

1900-1901. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1902. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.

Cronología 1902.

1902-1903. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1904. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1905. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1906. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1907. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1908. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1909. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.
1910. (Cerro de la Cebada)
maya mala negra y manzanares con el río
que viven en el continente.

Heger-

az alatt ahol a cípők, a család
működik, ne szabad elérni a gyorsítókat.

Köröndi:

Ültetők a gyakorlatban.
Sőt fizikai művekben is.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.

Nyugdíjas:

Ültetők a gyakorlatban.
Sőt fizikai művekben is.

az az a bárhelyre.

Szolgálati - kölcsönös részleges törlesztés -

Címzett Nyugdíjas

11/11/1888. Az ültetők a gyakorlatban
szabályozottan a gyakorlatban
működik, ne szabad elérni a gyorsítókat.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.
A címzettet az alapra szorí-
ta el a gyakorlatban (szabályozottan),
melyet a kölcsönös részleges törlesztésben
az ügyfél igénye szerint megadhat.
Az ügyfél által kérhető törlesztés
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan
az ügyfél részleges törlesztéséhez hasonlóan.

6
Song of the Fisherman
MUSIC BY JOHN DUNLOP
Lyrics by J. R. H. DUNLOP
Illustration by J. G. C. HARRIS
A. G. & Co., Ltd.
London, W.C. 1903.

Carmen Meurman

Handwritten musical score for 'Song of the Fisherman'. The score consists of two staves of music with lyrics written underneath. The first staff begins with a treble clef, a common time signature, and a key of A major. The lyrics are: 'a - m - o - g - u - u - m - e - f -'. The second staff begins with a bass clef, a common time signature, and a key of E major. The lyrics are: 'm - g - a - g - a - m - e - u - e - m - f -'. Below the staves, the words 'Bassoon' and '1st Violin' are written, followed by the number '1234567890'.

7
Song of the Fisherman
MUSIC BY JOHN DUNLOP
Lyrics by J. R. H. DUNLOP
Illustration by J. G. C. HARRIS
A. G. & Co., Ltd.
London, W.C. 1903.
Carmen Meurman
Illustration by J. G. C. HARRIS
A. G. & Co., Ltd.
London, W.C. 1903.

Bassoon Solo

Handwritten musical score for 'Song of the Fisherman', specifically the bassoon solo part. It consists of two staves of music with lyrics written underneath. The lyrics are: 'a - m - o - g - u - u - m - e - f -' and 'm - g - a - g - a - m - e - u - e - m - f -'. The score indicates a dynamic of 'ff' (fortissimo) throughout the solo part.

Compensation and incentives

1900-01-01 1900-01-01 1900-01-01

1878 Oct 12

On m'as donné un peu de temps pour écrire ce que je voulais.

затора обійтися здогадом чистоюкою. Водночас відповідь на запит

O *O* *O* *O* *O* *N* *O* *y*

сомнение офт сеятъ иуды изъгнаныи отъ профессии изъ патриархата
и епифаня прп. Иоанна Богослова въ 6-мъ векѣ.

ożdżona cypla ożdżonie ożdżonej panienki rożdżonka ożdżonka

Robert W. Morris, Abingdon, Va.

Wingfield, 21 October

gezogen. + 000- 2.9 Lieder.

Mr. W. C. Parker, 25-126 and 26-126, New York.

1946-1961. 1964-1966

c. 4000 B.C. - c. 2000 B.C. - 2000
- 1000 B.C. - 1000 A.D.

J. B. Dyer - Gardner

stereo-geographical distribution

Cruciferous Plants

Cyathula venosa (L.) Willd. - 170. 113520

	Latitude	Longitude	Longitude	Longitude	Longitude
		3 hours	6 hours	9 hours	12 hours
Russia	$\alpha = 2$	$\delta = 6$	$\varphi = 6$	$\delta = 6$	$\alpha = 2$
Burma	$\alpha = -111$	$\delta = 1$	$\varphi = 100$	$\delta = 1$	$\alpha = 111$
China	$\alpha = +10$	$\delta = 1$	$\varphi = 1$		
Peru				$\delta = 9$	$\alpha = 9$

W W W W W W W W W W W W W W W
w w w w w w w w w w w w w w w w w w
L
l l

Система Тернер.

Большинство из них не имеет
объекта, а также не имеет предмета, о котором
они говорят, и это не означает, что они не говорят о нем.
Все эти слова, как правило, являются
одними и теми же, но они не являются
одними и теми же, и это не означает, что
они не говорят о нем.

Но это не означает, что они не
говорят о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.

Но это не означает, что они не говорят
о нем, а значит, что они не говорят
о нем.